

9
ДОСТОПАМЯТНЫЯ

И

НЕ КОПИРОС

ЛЮБОПЫТНЫЯ

У 301
100
БУМАГИ.

НАЙДЕННЫЯ

ВЪ АРХИВѢ БАСТИЛИИ,

СЛУЖАЩІЯ КЪ ОБЪЯСНЕНІЮ НѢКОТО-
РЫХЪ ЛЮБОПЫТНЫХЪ ПОДРОБНОСТЕЙ
ФРАНЦУЗСКИХЪ ЛЬТОПИСЕЙ.

—
IV
ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.
—

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ РѢШЕТНИКОВА

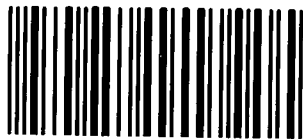
1833.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ.

Съ шѣмъ, чшобы по оппечашаніи предспавлены были
въ Цензурный Комишешъ *три* экземпляра. Москва
1828 года, Января 28 дня,

Цензоръ Глинка.

Изданіемъ братьевъ Кузнецовыхъ.

2007043654

О Г Л А В Л Е Н І Е

Стран.

I. Слѣдствіе, произведенное надъ Министромъ Финансовъ и Генераль - Интендантомъ Фуке	3.
II. Трогательное письмо одной Испальянской дамы Лась - Турра	16.
III. Судъ и смерть Кавалера Рогана 1674	17.
IV. Судъ надъ извѣстными пресупниками, занимавшимися подмѣшиваніемъ и сослав- леніемъ яда 1677	20.
V. Гоненіе Пропешаншовъ по уничтоженіи Эдикта Наяшскаго	33.
VI. Пѣвннй, находящійся сорокъ лѣтъ въ за- ключеніи, не желающъ возвращенія свободы	47.
VII. Извѣстная мѣшашельница Гюнь 1698	49.
VIII. Желѣзная маска, называемая также спа- рый Пѣвникъ Пиньерольскій	49.
IX. Чернокожннжнжъ Аубершъ	51.
X. Замѣчательная исторія и самоубійство уди- вительнаго бродяги Винахе 1704	54.
XI. Заключение и смерть Алхимика де л'Иля	73.
XII. Герцога Рншельё 1716 4 Марша	86.
XIII. Вольшеръ	88.
XIV. Заговоръ въ Брешанн 1718 года	89.
XV. Нѣкошорнн извѣстнн о Янсенистической сектѣ	90.
XVI. Де-ла Бурдонне, Губернашоръ острововъ Иль-де-Франса и Бурбона	95.

XVII.	Развратный сынъ	97.
XVIII.	Госпожа Б . . . Первая Каммерфрейлина погдашней Дофины, послѣ бывшей Короле- вы Франціи	104.
XIX.	Распаченные милліоны въ Канадѣ 1761	105.
XX.	Судебное показаніе Поль-Рене дю Труше и Ла Шокъ	106.
XXI.	Заключенные по дѣлу Езуитовъ и Дамі- ска	110.
XXII.	Казнь Графа Лалліа 1762	115.
XXIII.	Невѣрный управитель	118.
XXIV.	Инженеръ Геронъ въ Басиліи, за переписку съ Фридрихомъ великимъ	120.
XXV.	Плѣнникъ, самъ себя обвиняющій	123.
XXVI.	Дипля любви	126.
XXVII.	Лепрево и открытый имъ заговоръ.	128.
XXVIII.	Письмо нѣкоторой машери къ Мини- стру, о заключеніи въ тюрьму дочери ея, съ присовокупленіемъ возраженія ошъ оной	133.
XXIX.	Нѣкоторыя историческія подробности о извѣстной системѣ Лава и ошъ того произшедшей пакъ называемой Визы	138.

ДОСТОПАМЯТНЫЯ И ЛЮБОПЫТНЫЯ БУМАГИ,

НАЙДЕННЫЯ ВЪ АРХИВЪ БАСТИЛИИ И
СЛУЖАЩІЯ КЪ ОБЪЯСНЕНІЮ НѢКОТО-
РЫХЪ ПОДРОБНОСТЕЙ ФРАНЦУЗСКИХЪ
ЛѢТОПИСЕЙ.

I.

Слѣдствіе, произведенное надъ Министромъ
Финансовъ и Генераль - Иншпендантомъ Фуке.

Онъ былъ взятъ подъ стражу въ Нантъ 5 го Сеп-
тября 1661 года въ то самое время, когда шелъ изъ
Королевскаго Тайнаго Совѣща, у него отобраны были
всѣ бумаги, посадили въ карету и привезли въ Ангресъ;
въ то же время и домъ его окруженъ стражею, супруга
его получила приказаніе отсправиться въ Лимогесъ.
Тогда же другой офицеръ арешовалъ Пеллисона, по-
вѣреннаго Господина Фуке, его бумаги были также
взяты и запечатаны, Фуке отъвезенъ въ замокъ Ангресъ,

гдѣ его весьма строго охраняли, дабы онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ ни писменнаго ни личнаго сношенія; заболѣвъ опасно попотребовалъ онъ духовника; но ему въ ономъ отказано было; въ первые дни его выздоровленія перевезли его въ замокъ Амбоазъ; онъ пробылъ шупъ до праздника Рождества Христова 1662 года, послѣ сего былъ отвезенъ въ Винценну, гдѣ его еще строже содержали; 3 го Марша 1662 Господинъ Толонъ Генераль-Прокураторъ Юстицъ-Коллегіи объявилъ въ семь Присудствіи, что по учиненному изслѣдованію и по повѣркѣ щеповъ оказалось, что Фуке виновенъ во многихъ злоупотребленіяхъ и измѣнахъ, что онъ употребилъ во зло важность и довѣренность, сопряженныя съ званіемъ, что онъ расхищалъ казну, за что и достоинъ наказанія; какъ врагъ пользы общесивенной; онъ предложилъ послѣ сего, чтобы виновному позволили оправдаться прошивъ сихъ обвиненій. Фуке оградилъ себя при самомъ началѣ слѣдствія протешами. Когда ему объявили постановленіе ошъ 2 го Ноября; то Коммисія позволила сообщить ему весь ходъ дѣла. — Фуке воспользовался письмомъ, въ копоромъ ему позволено было 6 го Октября, чтобы здѣлать нѣсколько замѣчаній на краю описей учиненныхъ въ его домахъ и повѣренныхъ его. Онъ написалъ также нѣсколько замѣчаній на сообщенныхъ ему опредѣленіяхъ, копорыя, желая учинить гласными вмѣстѣ съ возраженіями своими, вошелъ онъ въ совѣтъ съ прозбою напечатать оныя; но едва приступлено было къ печатанію первыхъ двухъ шетрадей, какъ Колбертъ приказалъ одному Коммисару взять оныя у типографщика.

Изъ башни Винценской, Фуке опхвезенъ былъ въ Ба-
спилію 18 го Іюня 1663. Господина Аршаньянъ, копорой
его схвалилъ въ Наншѣ 5 го Септября 1661 и попомъ
провожаля его въ Ангресъ, Амбоазъ Винценну, и на-
копецъ привезъ его въ Баспилію. Во все эшо время онъ не
опходиль опъ плѣнника и опшался даже съ нимъ и въ
Баспиліи. Онъ имѣлъ при себѣ опъ 25 до 30 Мушке-
шеровъ, изъ копорыхъ по при человѣка занимали еже-
дневно караулъ, одинъ на башнѣ, другой на подъемѣ
большаго моста, копорой до шого былъ прошивъ сама-
го окна его комнацы, а шрешій въ саду, изъ копораго
здѣланъ былъ Баспионъ. Господинъ Аршаньянъ спалъ
въ комнашѣ плѣнника и ни на минушу не оплучался
опъ него. 14 го Ноября Фуке былъ первый разъ при-
веденъ въ Коммисію для допроса. Онъ сълъ на малень-
кій спулъ бѣдныхъ преступниковъ, хоша и было при-
гошовлено подлѣ сего другое мѣсто, гдѣ бы онъ могъ
сѣсть, естля бы хотѣлъ. Пропешуя снова прошивъ
Коммисіи, ибо опшверждалъ, что одинъ шолько Парла-
ментъ можетъ его судить, онъ объявилъ однако, что
кочитаетъ членовъ Коммисіи людьми благородными, и
что ему очень пришно ежели имъ извѣсна сущность
дѣла. До 4 го Декабря шого года былъ онъ на одинад-
цаши или двѣнадцати допросахъ, кои относились болѣе
къ похищенію казны и продажѣ Нормандскаго сахара;
на всѣ сіи пункшы онъ давалъ удовлетворительныя
опвѣшы, когда же его спросили, какъ онъ могъ въ два
года опшребить 18 милліоновъ для домашнихъ своихъ
расходовъ, какъ шо явствовало изъ расходной книги его
управляющаго: шо онъ смушился сначала; но опвѣчалъ

попомъ, что управитель кромѣ его хозяйства имѣлъ еще и постороннія порученія, и что чрезъ его руки проходили весьма значительныя суммы, иногда для потребностей самаго Короля.

Что же касается до дамскихъ писемъ, которыя найдены будно бы въ бумагахъ его и которыя мы ниже сего сообщимъ, то Фуке утверждалъ, что онъ подложилъ, и не иное что какъ хитрость его непріятелей. 4го Декабря Фуке былъ снова у допроса и ему прочитали проектъ писанный его рукою. „Вы видите, сказалъ одинъ членъ Коммисіи по окончаніи чтенія, что ваше усердіе къ государшву, о которомъ вы намъ такъ много швердили, совсѣмъ не такъ велико. Фуке отвѣчалъ: сіе сочиненіе содержишь мысли, возбужденныя во мнѣ опчаяніемъ, въ которое меня часто ввергалъ Кардиналъ низкою своею неблагодарностію, хотя я болѣе всѣхъ способствовалъ возвращенію его во Францію; въ моихъ бумагахъ я имѣлъ одно письмо отъ него, которое бы доказало истинну словъ моихъ; но меня лишили сего; я весьма несчастливъ, что не сожегъ гнусное сіе сочиненіе, о которомъ совсѣмъ забылъ; я опровергаю содержаніе его отъ всего сердца и заклинаю васъ вѣришь, что моя приверженность къ Королю отъ того ни мало не уменьшилась. Членъ Коммисіи отвѣчалъ, что весьма трудно повѣришь чему нибудь подобному, когда въ разныя времена обнаруживаются такія упорныя мысли. Фуке отвѣчалъ: я никогда, даже съ опасностію жизни моей, не осмѣлялъ особы Короля, и погда вы сами Государь мой, были Главнымъ Совѣшникомъ его непрі-

япелей, а родные ваши доставили арміи проливниговъ его свободный пропускъ.

Коммисарь почувствовалъ справедливость укоризны и обратился разговоръ опять на домашніе его расходы. Фуке желалъ доказать, что они въ отношеніи его доходовъ, которые Кардиналу очень хорошо извѣсны жалованья и имѣнья жены его никогда не превышали; въ противномъ же случаѣ подвергалъ себя добровольно самъ всякому суду; его ошвели въ Басшилю и Канцлеръ объявилъ, что онъ въ послѣдній разъ былъ у допроса. 13 го Декабря одинъ изъ Членовъ Д'Ормессонъ подалъ свое мнѣніе, что бы Фуке изгнанъ былъ изъ Государства навсегда, имѣніе его обращено въ казну съ вычетомъ изъ онаго 100,000 ливровъ денежной пени; другой Членъ Сентъ-Гелене, коего мнѣніе согласовалось съ первымъ, полагалъ однакоже, что, хотя Фуке по уличенной распрасѣ денегъ общественныхъ и заслужилъ изгнаніе, но какъ Государственной преступникъ подлежалъ только казни; въ четвершокъ другіе шесть Членовъ Коммисіи приговаривали его также къ смерти; но седьмой былъ мнѣнія Д'Ормессона, къ нему присоединился еще одинъ; а какъ девять голосовъ присудили его къ смерти, а принадацать къ изгнанію и описи имѣнія; но рѣшеніе всего Присудствія основалось на семь послѣднемъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы 100,000 ливровъ денежной пени взысканы были бы съ описаннаго имѣнія, половина коего поступала въ казну, а другая на богоугодныя дѣла.

Когда сей приговоръ поднесенъ былъ Королю на утвержденіе, то онъ, считая опаснымъ для Государства

выпустишь изъ онаго Фуке , которому извѣстны были важнѣйшія шайны и положеніе двора, обратилъ въ вѣчную ссылку на пожизненное заоченіе и приказалъ въ слѣдствіе сего, чтобъ Фуке ошвезенъ былъ въ Пиньероль на Пиемонтекуса границу , гдѣ Маркизь Піенне былъ Комменданшомъ.

Въ понедѣльникъ по утру привели Фуке въ Церковь Баспили, Господинъ Фонсо, держа въ рукахъ приговоръ сказалъ ему : Государь мой , вы должны мнѣ объявить имя ваше, дабы я могъ знать съ кѣмъ говорю, на что Фуке отвѣчалъ: вы очень хорошо меня знаете, что же касается до имени моего, то я точно также мало имѣю желанія объявить его вамъ, какъ и въ Коммисіи , равнымъ образомъ прошеспую я прошивъ приговора, копторой вы мнѣ чипашь будете. Отвѣтъ сей занесли въ прошоколь; Фонсо накрылся и прочелъ приговоръ, копторый Фуке выслушалъ съ открытой головою; чрезъ часъ послѣ того его посадили въ карешу , гдѣ находились еще чешыре челоуѣка спражи. Арпаньянъ провожалъ его верхомъ съ 50 Мушкетерами до Пиньероля, гдѣ передалъ его надзору Сеншъ-Марса, копторой имѣлъ при себѣ для охраненія его еще 50 челоуѣкъ солдатъ.

По прибытіи Фуке въ Пиньероль онъ опведенъ былъ въ замокъ, гдѣ занимался нравспвенными размышленіями ; онъ написалъ нѣсколько шаковыхъ разсужденій и еносилъ продолжипельное заключеніе свое съ большею швердоспію и смиреніемъ, коптому что нещаспіе не сдѣлало его малодушнымъ. Вскорѣ послѣ его прибытія сюда , ударило громомъ въ его шемницу , опрокинуло большую часпъ оной, ранило и завалило многихъ особъ

находившихся въ ней, одинъ онъ оспался невредимъ въ сводѣ окна.

Вѣроятно, что Фуке, привезенный шуда въ концѣ 1664 года окончилъ дни свои въ семь же мѣсцѣ въ 1681 году въ послѣднихъ числахъ Февраля. Тѣло его привезено въ Парижъ и положено въ Церквѣ женскаго Монастыря Св. Маріи на большой улицѣ Св. Антонія, какъ шо видно изъ списка умершихъ сей Церкви.

Просительное письмо Фуке къ Королю.

Государь! ежели справедливо, что печальнѣйшій и удрученнѣйшій человекъ заслуживаетъ большее сожалѣніе, шо я могу съ полною надеждою повергнуться къ стопамъ Вашего Величества и быть увѣреннымъ въ помилованіи, пошому что ни одинъ изъ вашихъ подданныхъ не можетъ себя чувствовашь шакъ униженнымъ, какъ я. Государь! меня много бѣдсвѣй вдругъ удручаютъ, изъ коихъ одного достапочно бы было, сдѣлать человека въ высочайшей степени несчастнымъ; но изъ всѣхъ моихъ несчастій одно прегышаетъ всѣ прочія и для меня оно шакъ шягоспше, шло другія я считаю уже за ничшо и даже жаловашься на нихъ не хочу. Другіе, Государь, предспавили бы Вашему Величеству, пошеру ихъ мѣсцѣ, должностей и цѣлнѣя, предспавили бы вамъ погнбель семействъ, разореніе приверженцевъ ихъ, и крайностъ, въ которую они сами приведены. Они съ прискорбіемъ чувствовали бы разлуку съ родными женами, дѣшми, братьями друзьями и знакомыми; они опцѣ-

сали бы Вашему Величеству ужасы суроваго и скучнаго започенія, кошораго пягоспъ удвоила еще продолжительная болѣзнь и чувспво спраданія и гореспи о пошерѣ свободы. Они на моемъ мѣспѣ жалобами своими изъяснилибъ вамъ несправедливоспи, кошорыя должны были прешерпѣвашъ, и прибѣгли бы къ Королевской власпи вашей, дабы вопрошивишъ преслѣдованіямъ и обидамъ, кошорымъ безъ шого они подвергались, ложнымъ и подкупленнымъ свидѣшельспвамъ, опобранію бумагъ, презрѣнію законовъ, насилію, различнымъ припѣсненіямъ и ругательспвамъ, кошорыя позволяли себѣ безпримѣрно и безъ всякаго повода прошивъ ихъ самихъ и служиселей ихъ. Иные, Государь, чувспвуя себя близкими къ концу временной жизни, умоляли бы Ваше Величество о милосшивомъ вспомошествованіи къ уклоненію безчестнаго шоржешсва, кошорое ихъ слишкомъ зависшливые и жестокіе, но съ шѣмъ вмѣспѣ важныя и хиспрыя неприятели намѣрены понеспи. Государь! всѣ сіи гореспи я по истинѣ могъ бы вамъ представишъ пошому, что они всѣ поспигли меня и еще жесточае чѣмъ другаго кого нибудь, но они опасны, и я нехочу ни однимъ словомъ упоминашъ о нихъ. Я буду молчашъ и молишъся шолько о облегченіи нещаспія, кошорое меня удручаешъ.

Гоеударь! прискорбіе огорчишъ Ваше Величество, огорчишъ въ шакое время, когда я спарался служишъ вамъ всѣми силами, вошъ единспѣвенная причина моей печали и спраданій моихъ; мнѣ больно думашъ, что я сдѣлался предметомъ опвращенія и гнѣва вашего, но желалъ единспѣвенно угождашъ вамъ и полагаалъ награду

за мои заслуги въ единой увѣренности, что всѣ они полезны Вашему Величеству, что они вамъ извѣсны и что вы довольны ими, а теперь я долженъ предаться опчаянной мысли, что всѣ плоды моихъ трудовъ потеряны и что они не доходили даже до свѣдѣнія Вашего Величества.

Мнѣ не возможно, Государь, молчать о Вашемъ величїи, о моемъ усердіи къ оному, къ славѣ и особѣ вашей; сія спрась възраста со мною и никогда меня не оставляла. Я питалъ ее, я охотно жертвовалъ ей шѣмъ ежедневно, чего лишили меня силою и о потерѣ коего я не спалъ бы жаловаться, ежели бы не приведенъ былъ шѣмъ въ несостояніе жертвованъ онымъ долге Вашему Величеству. Вамъ Государь, извѣстно, что ежели сердце могло бытъ когда открыто и открыто безъ прищворства; но конечно но было мое сердце, когда я вамъ предлагалъ все свое имущество и вы соизволили принять часъ онаго. Ахъ, Ваше Величество, я не въ состояніи былъ выразить, что во мнѣ тогда происходило, пошому что не доспавало и нѣкогда не доспанешъ словъ къ шому!

Соблаговолише Ваше Величество, вспомнишь, что произошло въ шу минушу! вспомнише съ какою готовностію и радостию я всегда исполнялъ приказанія ваши! ежели негодование Вашего Величества неизгладило всѣхъ сихъ воспоминаній, ежели бы вамъ угодно было возобновишь оныя, и положишь на общвенныя сужденія шокмо, но конечно Ваше Величество изволили бы усмопрѣшь, какъ невозможно, чтобы шоже сердце, коего движеній вы были свидѣтелемъ, было бы способно къ

пресшупленіямъ, въ коихъ враги мои меня обвиняють. Мои непріятели дерзки, но вмѣстѣ съ тѣмъ щасливы, не потому чтобы они обладали большими богатствами и другими преимуществами, въ которыхъ я имъ не завидую, но потому что они могутъ видѣться и говорить съ Вашимъ Величествомъ, когда и что имъ угодно, находя всегда вѣру словамъ своимъ, даже и тогда, когда собственная ихъ выгода въ томъ участвуетъ.

Государь! пусть мои враги довольствуются моимъ мѣстомъ, должностію, имѣніемъ, свободою, честью, самою жизнью моею, я доволенъ, я имъ все уступаю, я не отказываюсь даже отъ покорности, которая была бы безчестна, ежели бы не составляла обязанности христіанина; но за чѣмъ лишаютъ они меня средства доказать Вашему Величеству невинность и чувства мои, за чѣмъ они одни распоряжаются по своимъ прихотямъ тѣмъ, что мнѣ еще осталось въ несчастномъ моемъ положеніи, въ которое они меня ввергнули. Государь! сею справедливостію вы мнѣ, даже самому себѣ обязаны, вы должны доставить при смерти моей упокоеніе, оказавъ сію послѣднюю услугу Государю, къ которому я имѣлъ и до конца моей жизни имѣть буду такъ много любви и усердія. Я желалъ бы, не боясь прогнѣвать Ваше Величество открытъ вамъ всѣ ухищренія, которыя были употреблены противъ меня, чтобы скрытъ отъ васъ истинну, дабы она никогда не достигла до свѣдѣнія вашего, истинну, которая вамъ однимъ не извѣстна и которую вы никогда не узнаете, потому что дѣла мои судятся и рѣшаются одними моими врагами; ежели Вашему Величеству угодно пока-

зашь всей Европѣ, что вы сами управляете подданными вашими, но не можете, Государь, найти важнѣе сего случая. Вся Франція увѣрена, что ежели я умру, то смерть моя будетъ плодъ зависши, ревности и всѣхъ средствъ, которыя мои противники употребили, чтобы провести Ваше Величество и Господина К. . . . Ежели же напрошивъ шого я получу облегченіе въ моемъ несчастіи, то вся Франція будетъ знать, что симъ обязанъ я буду единственно милости Вашего Величества и что мои непріатели, какъ по легко угадашь можно, ничего къ тому не способствовали.

Я заклинаю Ваше Величество, какъ для вашей собственной славы, такъ изъ единого великодушія, милостиво выслушать смиренную просьбу несчастнѣйшаго изъ подданныхъ вашихъ, увѣришься въ истинѣ прямымъ путемъ и разсмотрѣшь самимъ мои ошибки. Государь! я смертный, сознаюсь, что много дѣлалъ просупковъ; но они заслуживають скорѣе прощеніе, нежели гнѣвъ Вашего Величества и никогда не могушь сравнишься съ пламеннымъ усердіемъ, глубочайшимъ почтеніемъ и шюю покорностію, которыя я всегда писалъ къ Вашему Величеству; остатокъ дней моихъ, пройдетъ въ шеплыхъ молитвахъ къ Небу о здравіи и благоденствіи Вашего Величества и до конца оныхъ я буду благословляшь имя ваше.

Въ дополненіе сей статьи прилагаю въ переводѣ письмо извѣстнаго тогда писателя Пеллисона къ Королю, въ которомъ онъ испрашиваетъ Фуке помилованіе; взято изъ *chef-d'oeuvres Epistolaires*.

Письмо Пеллисона къ Королю.

Ваше Величество зрите меня опять у ногъ вашихъ; новыя прозьбы, новыя слезы, новая докучливоспъ , они не упомяшь меня, пока Ваше Величество не согласишесь просипшь 'нещасливѣйшаго изъ подданныхъ вашихъ; вопшь уже годъ сего дня , какъ онъ подвергся первому гнѣву Вашего Величества, — печальное воспоминаніе для меня; но сегодня же исполнилось двадцать чешыре года тому, когда небо совершило чудо , пославъ намъ Ваше Величество: воспоминаніе, исполненное надежды и радости; сей день , Государь, щасливѣйшій для Франціи, не учинишся для насъ спрашнымъ, онъ созданъ для помилованія, а не для наказанія.

Языкъ мой нѣмѣеть опшь ужаса , самыя планеты, являвшіяся иногда нарочно, чпобм почпипшь рожденіе Великихъ Государей, пошеряюпшь свой блескъ, на небѣ скорѣе, нежели въ Исторіи зашмпшся дѣйсвіе милосердія, кошорымъ взываю къ Вашему Величеству и кошорое, казалось, щасливое начало дня сего мнѣ общаешь.

Сіи Герои Рима, кошорые, ежели бы находились еще въ живыхъ, не осмѣлили бы соспязашься въ славѣ съ Вашимъ Величествомъ , всякой годъ праздновали великолѣпно шопшь день, въ кошорый они узрѣли свѣпшь; но для празднованія его они занимались шолько прощеніемъ преспулений, разшорженіемъ оковъ, дарованіемъ свободы невольникамъ; они старались въ сихъ шоржествахъ избѣгашь пролишя крови, не примѣшивая оной къ са-

мымъ жертвоприношеніямъ , изъ опасенія , какъ они говорили , чшобы какимъ бы по ни было образомъ не испребишь чего нибудь одареннаго жизнию симъ щедрымъ даромъ неба; испребишь въ шошъ день, въ кошорой они сами ее получили.

Живите Государь , живите всегда несравненно щасливѣе но для нынѣшняго дня живите въ особеннوشي жизнию Царей-Героевъ ; ибо на ихъ языкѣ , Ваше Величешво , жишь значишь благотворишь ; значишь изливашъ подвиги великодушія своего; свидѣшельствуюсь въ пошъ Великимъ Имперашоромъ, кошорый, чшобы сказашъ : мы не сдѣлали сего дня ничего добраго, говаривашъ своимъ придворнымъ : друзья мои , мы потеряли сей день , мы совсѣмъ не жили ; онъ былъ прозванъ, Государь услажденіемъ своего двора и рода человѣческаго; наименованіе прекрасное, по справедливости принадлежащее Вашему Величешву ! послѣшние похипишь у него оное , и чшобы впредь, говоря о Вашемъ Величешвѣ щасливые и нещасные пріашели и неприятели, Французы и Иностранцы , вѣкъ настояцій и будущій единодушно восклицали: онъ родился пяшаго Сеншября и въ шоже самое число великодушнымъ забвеніемъ заслужилъ себѣ безмершіе.

Ни одно убѣдительное письмо, ни одна убѣдительная прозьба пріашелей сего нещаснаго Министра, не могли досшавишь ему возвращенія свободы и онъ кончилъ дни свои, какъ мы выше видѣли, въ неволѣ. (*)

(*) Нѣкошорыя подробности о Фуке находящяся въ письмахъ Г жи Севинье, и въ Волперовомъ Вѣкѣ людовика XIV.

II.

ТРОГАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ОДНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ
ДАМЫ ЛАСЬ - ТУРРА ВЪ 1669.

Опъ сей дамы, кошорая была посажена въ Баспилию въ семь году и о преспуленіи коей, глухо сказано, что она занималась вредными для Франціи замыслами, найдено слѣдующее ею писанное письмо безъ надписи, изъ коего видно, что она приговорена была къ смерти.

Дипя мое!

„Меня приговорили къ смерти, и я не жаловалась бы на то, ежели бы не спрашилась, что послѣ моей смерти ты скоро за мною послѣдуешь; съ одной стороны смерть для меня пріятна пошому, что доставляетъ мнѣ случай жертвовашъ Богу жизнью моею, съ другой стороны огарчаешь меня, ибо принуждаетъ разлучишься съ половиною самой себя. Я имѣю еще сполько словъ, чтобы сказашъ тебѣ проси и весьма нещаслива, что не могу къ успамъ швоимъ прижасть моихъ. Поцѣлуй сіи послѣднія спроки, поцѣлуй въ нихъ шу руку, кошорая ихъ къ тебѣ писала, и сердце, сказавшее тебѣ: проси на вѣки.

Въ моей шемницѣ. Пяшница 27.Сеншября 1669. Видно письмо сіе не передано, когда его нашли при дѣлахъ.

III.

Судъ и СМЕРТЬ Кавалера Рогана 1674 года.

Онъ пустился въ переговоры съ Голландцами о передачѣ имъ Квиллебёфъ и другихъ приморскихъ городовъ Нормандіи. Заговоръ открытъ былъ послѣ Сеневскаго сраженія, опяніемъ экипажа Графа Моншерая, Шшапгалшера Испанскихъ Нидерландъ, гдѣ и найдена переписка, до сего заговора касающаяся. Бриссакъ, Маіоръ Королевской Гвардіи, взялъ Кавалера Рогана въ Версальской Церквѣ. Гапромоншъ, дворянинъ Нормандской, кошорой зналъ о заговорѣ, скрылся; но найденъ въ Руенѣ, и Бриссакъ получилъ повелѣніе и его взять подъ стражу. Гапромоншъ, не показывая ни малѣйшаго смущенія, говоритъ Бриссаку, спаринному своему пріятелю: „я сей часъ за тобою слѣдую; позволь мнѣ только сходить въ кабинетъ, онъ пошелъ туда; и вышедши спрѣляешь вдругъ въ Маіора изъ пислолеша; но не попавъ въ него, убилъ одного изъ стражей, кошорые сщодли позади его.

Маіоръ видя, что Гапромоншъ въ него цѣлился, вскричалъ: спрѣляй, — чтобы показашъ ему, что онъ того не боишся. Одинъ изъ солдатъ принялъ сіе восклицаніе за приказаніе спрѣляшь и выспрѣлялъ изъ ружья въ Гапромонша, кошорый на другой день умеръ

отъ раны. Хотя его перенесли на постель и призвали лекаря и духовника, который приобщилъ его священныхъ таинствъ; но онъ и въ малѣйшемъ преступленіи не хотѣлъ сознаться ни Бриссаку, ни Парламенту-Предсѣдателю Руенскому, какъ они его ни допрашивали; сіе приключеніе могло бы спасти жизнь Кавалера Рогана, пошому что не было ни свидѣтелей ни доказательствъ, къ шому же собственноручнаго письма виновнаго не найдено; пошему Коммисія была бы въ большомъ затрудненіи, ежели бы онъ не сознался; но одинъ изъ членовъ Коммисіи употребилъ гнусную хитрость, чшобъ выманить у него шайну его, обѣщавъ ему именемъ Короля прощеніе, ежели онъ во всемъ чистосердечно сознается, обѣщаніе котораго Людовикъ XIV никогда не приказывалъ давать.

Въ продолженіи заключенія Кавалера Рогана въ Бастиліи, слышно было всякую почъ людей, говорящихъ въ слуховую трубу; Гапромонъ умеръ и ни въ чемъ не признался, что они повшорали нѣсколько разъ до разсвѣта; однако приняты были мѣры, чшобъ Кавалеръ не могъ сего слышать. Сей дворянинъ былъ дѣйствительно единственный свидѣтель противъ него; пошому что онъ только одинъ и зналъ сію шайну. Когда Канцлеръ допрашивалъ Кавалера и обвиненныхъ съ нимъ: по рота мушкетеровъ заняла всѣ входы Арсенала; Коммендантъ Бастиліи привелъ его изъ оной къ Суду и самъ обратнo опшелъ; какъ скоро Кавалеръ догадался, чѣмъ его дѣло кончится, по предался отчаянію; принуждены были наложить на него цѣпи и безпрестанно

смотря за нимъ, дабы не допустишь его сдѣлаться самоубійцею. Приговоръ его былъ слѣдующій. Кавалеру должно было отрубить голову 27 Ноября 1674 года на малой площади улицы Св. Антонія, по преступленію его въ оскорбленіи Величества и умышленію заговора противъ государства, что и было исполнено въ 4 часа по полудни. Изъ рапорта одного Коммисара видно, что онъ до послѣдней минушы жизни былъ швердъ и благочестивъ; но при видѣ Вандерендена, который послѣ него также казненъ, казалось былъ весьма распроганъ. По совершеніи казни, которая прикрываема была Французской гвардіей и обѣими ротами конныхъ мушкетеровъ, выдали шѣло фамилии его; оно было поставлено въ церковь Св. Павла, пока можно было перенести въ Жуарское Аббашство, гдѣ онъ желалъ бытъ погребенъ; изъ его соучастниковъ Кавалеръ Проксъ и Госпожа Вилларсъ были также обезглавлены; они оба умерли съ большою швердоспію; послѣдняя казалось хотѣла еще открытъ нѣчто; но удержалась и швердо пребыла въ молчаніи. Афаніусъ Вандеренденъ, Іезуитъ изъ Антверпена оказалъ себя при смерти слабымъ и малодушнымъ, что приписываютъ глубокой его старости.

Два доказательствъ служили къ уличенію обвиненныхъ въ преступленіи ихъ. Первымъ доказательствомъ былъ шифръ ихъ, гдѣ Монперай подразумѣвался подъ именемъ Кверквейна, зятя Вандерендена, Голландія подъ именемъ Марггаретши второй дочери, Фландрія подъ именемъ Маріи старшей дочери, а Господинъ Роганъ подъ именемъ Маріаны меньшей дочери Вандерен-

дена. Гапромоншъ назывался Мамзель Д' Аржанъ; суммы, копорья Моншерой должень былъ дославить, назывались цѣна алмазовъ; мѣсто, гдѣ флотъ должень былъ приспашъ—называли домоу, оружіе обозомъ, корабли пакешами, вспомогательныя войска, копорыхъ ожидали ошъ Моншероя, лекарствами Кверквевина.

Вспорышъ доказательствомъ была копія съ договора, заключеннаго съ Моншероемъ, по копорому сей обѣщаль заплашить 100,000 ливровъ. Половина флота, находившаяся въ средиземномъ морѣ должна была придти на помощь возмушителямъ, копорые при заключеніи мира непременно должны были также упомянушы. Моншерой обѣщывался дославить имъ пансіонъ въ Испаніи и такъ далѣе. Въ заключеніе всего Моншерой препоручаль себя Кавалеру и желаль ему шасшя въ исполненіи сего великодушнаго намѣренія, копорое по его увѣренію онъ предпринималь для общаго блага и спокойствія цѣлой Европы.

IV.

**Судъ надъ извѣстными преступниками,
занимавшимися подмѣшиваніемъ и со-
ставленіемъ яда 1677.**

Уже за нѣсколько лѣтъ до 1677 года, обвиненія и показанія многихъ преступниковъ, взявшихъ подъ спра-

жу, равнымъ образомъ и другія достовѣрныя извѣстия, правительствомъ получаемыя, заставили обратишь вниманіе и приводили въ шрепешъ Начальство и Судей Парижскихъ, равно и Спашсь-Секретарей, потому что изъ нихъ явствовало, что многія особы всякаго чина и званія были оправляемы. Наконецъ правительство было вынуждено дѣлать тайныя розысканія и почныя наблюденія, дабы найши слѣдъ симъ ужаснымъ дѣламъ, копорые весь Парижъ приводили въ ужасъ; къ сожалѣнію открыто, что подмѣшиваніе яда сдѣлалось весьма обыкновеннымъ порокомъ и распространилось даже между поселянами, копорые научились примѣромъ симъ въ Парижѣ, гдѣ оно началось между извѣстнымъ сословіемъ людей и перешло наконецъ къ черни и мѣщанамъ.

Король, извѣщенъ будучи о сихъ ужасахъ и желая освободить владѣніе свое отъ такой язвы, наименовалъ Судей и учредилъ особенное Судебное Мѣсто, копорое должно было дѣлать самыя строгія разысканія касательно сего преступленія и всего касающагося онаго. Грамоты изгошвлены 7 го Апрѣля 1679, и подписаны Спашсь-Секретаремъ Колбертомъ, копорый завѣдывалъ тогда Парижскимъ Департаментомъ. Множество особъ самаго высокаго званія принадлежали къ числу обвиненныхъ, между коими находился также Герцогъ Люксембургскій, копорый по повелѣнію Короля арестованъ и опведенъ въ Бастилію. Сей Герцогъ былъ Перъ и Маршалъ Франціи, Капитанъ Королевской Гвардіи и имѣлъ тогда 49 лѣтъ отъ роду. При вѣдомъ допросѣ оный далъ замѣнить, что хотя оный, какъ Герцогъ и Перъ

Франціи, могъ пребывать, чѣмъ его судили въ Парламентѣ; но изъ уваженія къ Королевскому повелѣнію онъ охотно подвергается сему Суду, будучи увѣренъ, что такіе благородные и честные мужи, какъ его Судьи, конечно ничего не упустишь, дабы обнаружись его невинность и объявишь его не причастнымъ преступленію, которое только самая поспыдная клевета ему приписашъ могла.

Къ такому подозрѣнію противъ Герцога Люксембургскаго подало поводъ обращеніе его съ Астрологами и прорицателями, которые выдавали, что они въ состояніи предсказать и опредѣлишь конецъ жизни какихъ бы то ни было лицъ.

Подобныя суевѣрныя не лѣпости были тогда въ модѣ и находили между знашными шочно такое же одобреніе какъ въ концѣ XVIII столѣтія. Такъ какъ Каглиоспрова того времени также подозрѣвали въ подмѣшиваніи яда: то ихъ всѣхъ забрали подъ спражу и одинъ изъ нихъ Ле-Сажъ обвинялъ Герцога Люксембургскаго въ томъ, что онъ заставлялъ его приготовить ядъ и дѣлалъ заклинанія на Короля, что однакожь не могло бытъ доказано, почему присудствіе признало Герцога невиннымъ и онъ былъ освобожденъ изъ Баспили, однако Король приказалъ, чѣмъ онъ удалился въ одно изъ помѣстьевъ своихъ и не приближался къ Парижу менѣе двадцати часовъ ѣзды. Управитель Герцога, Пешръ Паннаршъ не такъ легко ошдѣлался; онъ былъ сосланъ на Галеры, испрося напередъ публично прощеніе въ

грѣхъ своихъ, съ веревкою на шеѣ и факеломъ въ рукѣ.

Ле-Сажъ, Гвибури и при женщины Вигурексъ, Боссе и Вуазинъ прославились особенно въ семь ужасномъ искусствѣ. Первыхъ двухъ почитали за людей имѣвшихъ глубокія и необыкновенныя познанія въ скранныхъ наукахъ. Подъ предлогомъ опрыванія сокровищъ и предсказыванія будущаго, они пригошовляли ядъ и продавали его шѣмъ, которые относились къ нимъ, чшобы того или другаго удались съ свѣта. Въ судебныхъ дѣлахъ доказано не однимъ примѣромъ, что всякаго рода подмѣшиваніе яда производилось подъ видомъ предсказанія и опрыванія кладовъ.

Ла Бронвильеръ кажется первая во Франціи учила подмѣшивать ядъ. Она была осуждена Парламентомъ на смерть въ 1676 году. Она была хорошая пріятельница Роммиспру Сентъ - Круа, у котораго по его смерти найденъ ящикъ съ порошками и разными перегнанными водами, коими дѣлали опыты надъ звѣрями, и они на мѣстѣ же умирали.

На Графиню Соосонскую донесли, что она просила совѣщовъ у Воазины, какимъ образомъ лишить жизни дѣвицу Дела Вальеръ, извѣстную любимицу Людовика XIV. Графиню хотѣли опыскать, которая жила въ Тюльерійскомъ замкѣ; но она скрылась. Неизвѣстно, какое рѣшеніе послѣдовало по Суду; ибо въ дѣлахъ ничего не найдено. Можеть быть, она также какъ и Графиня

Руре, которую обвиняли также въ умышленіи на жизнь дела Вальеръ, оправдана.

Марія, Анна Манхини, Герцогиня Бульонская, 29 лѣтъ ошь роду, была также вышребована къ суду. Воазинь показала, что она предлагала Ле-Сажу значную сумму денегъ, чтобы онъ вспомошествовалъ супруга ея Герцога Бульонскаго лишить жизни, дабы она могла совокупиться бракомъ съ Герцогомъ Вандомскимъ. Она показывала, что Герцогиня ошносилась съ шѣмъ къ Вигурѣксъ; но что она Воазинь, узнавъ сіе, пошла къ Герцогинѣ и предложила ей познакомить съ человекомъ, который ловчѣе былъ въ сихъ вещахъ, нежели Вигурѣксъ.

Когда Герцогиню допрашивали по симъ пунктамъ, то она, опровергая все, созналась только, что Воазинь у нее разъ была и дала ей разумѣшь, что ей извѣстно ея любопытство и пошому она желаетъ ей дославить знакомство съ человекомъ, который живетъ у нея въ домѣ и чудеса шворитъ. Герцогиня рассказала сіе, нѣсколько дней спустя, Герцогу Вандомскому и многимъ изъ своихъ знакомыхъ, которые все пожелали идти и ошмыкать сего человека. Когдажъ они пришли къ Воазинь, то Герцогиня спросила ее, дѣйствительно ли человекъ шощъ, о которомъ она ей говорила, находится въ ея домѣ; на что получа удовлетворительный ошвѣтъ, они введены были въ комнату, гдѣ Герцогъ имѣлъ съ нимъ разговоръ. Сей человекъ былъ Ле-Сажъ; онъ сказалъ, что искусство свое показываетъ только

въ присудствіи одной особы. Герцогъ Вандомскій передалъ сей опвѣсть Герцогинѣ Бульонской, кошорая оказала величайшее желаніе бытъ шупъ же, когда Ле-Сажъ будетъ показывать свое искусство. Герцогъ Вандомскій пошелъ ояпъ къ нему и уговорилъ его наконецъ согласишься, чшобъ и Герцогиня также присудшвовала, и пошому оба вошли въ комнашу, гдѣ былъ Ле-Сажъ, и Герцогиня спросила его, чшо чрезвычайнаго можешъ онъ показашъ? Ле-Сажъ хотѣлъ въ ея присудствіи сжечь записку, на кошорой бы она написала нѣсколько вопросовъ, и сію сожженую записку онъ обѣщаль ей ояпъ въ прежнемъ ея видѣ представить въ шакомъ мѣсшѣ гдѣ она пожелаешъ. Герцогъ Вандомскій написалъ два вопроса, изъ коихъ одинъ касался мѣспопребыванія Герцога Наварскаго, а другой — умеръ ли Герцогъ Бофоршъ? записка запечашана, Ле-Сажъ завязаль оную сверхъ шого нишкою и обернувъ оную шрудомъ и другою бумагою; послѣ сего Герцогъ взялъ записку и сжегъ оную самъ въ присудствіи Герцогини въ комнашѣ Воазинѣ. Ле-Сажъ увѣрилъ Герцогиню, чшо она найдешъ сгорѣвшую записку дома въ одной изъ фарфоровыхъ ея вазъ, чшо однако не случилось; но два дня послѣ шого, пришелъ Ле-Сажъ къ Герцогинѣ и принесъ ей записку замечашанную и шочно въ шакомъ же видѣ, въ какомъ была вручена Ле-Сажу, чшо ее не мало удивило. Герцогиня подарила Воазинѣ одну писшолу, а Герцогъ сполькоже Ле-Сажу.

Когда Герцогиня Бульонская увѣрjala Герцога, чшо Ле-Сажъ принесъ ей шуже записку, кошорую они сож-

гли, шо онъ утверждалъ, что сіе не возможно и что должно заспавишь Ле-Сажа ещечъ еще другую и шупъ же ее опяшь доспавишь. Герцогиня послала опяшь за нимъ и онъ явился къ ней. Написали еще записку; но Ле-Сажъ просилъ напередъ двѣ пистоли для Сивилль, кошорья ему и даны. Записка сожжена почю также какъ и прежняя, и Ле-Сажъ обѣщаль хошя не сей часъ однако вскорѣ возвращишь оную. Онъ просиленъ, Герцогиня посылала къ нему нѣсколько разъ, ходила даже сама къ нему и пребовала записки; но онъ опговариваясь различнымъ образомъ, пришелъ на конецъ чрезъ три или чешыре дня къ Герцогинѣ съ опвѣдомъ, что Сивиллы безпреспанно вспрѣчаюшъ препяпсивія и не могушъ скоро сообщитъ ему опвѣща. Герцогинѣ показась сіе пакъ смѣшно, что она рассказывала о шомъ многимъ, даже писала своему супругу, кошорый находилъся шогда въ арміи.

Герцогиню обвиняли, что вшорую записку она сама писала; но Ле-Сажъ умѣль ее также какъ и первую проворно скрышь и предспавишь другую, а опвѣдомъ на оную пошому не удовлетворилъ, что Герцогиня пребовала въ оной смерти супруга своего, въ кошорой Ле-Сажъ не хошѣль учаспвовашъ, почиая сіе дѣломъ счекошпливымъ. Рѣшенія суда надъ Герцогинею не нашлось при дѣлахъ.

Топъ же самый Ле-Сажъ показаль при допросѣ, что тридцати-лѣтній Маркизь Фекіеръ, Полковникъ одного пѣхошнаго полка обѣщаль ему 2,000 ливровъ ежегоднаго

жалованья, ежели онъ поможетъ ему избавишься близкаго родственника одной молодой особы, съ кошорою онъ хошълъ вступишь въ бракъ; ибо родственникъ сей не давалъ на по своего согласія.

Далѣе, объявилъ что супруга Предсѣдателя Ферона, кошорая оправлена шакже ядомъ, вошла опъ имени одной пріятельницы своей въ переговоры съ Воазиною и заспавила ее подаркомъ брильянтоваго креспа согласишья пригошовишь ядъ, кошорымъ двѣ знашныя особы лишены жизни, изъ коихъ одна не задолго предъ шѣмъ самую Воазинь избавила опъ смерти.

Ле-Саъ утверждалъ, что Герцогиня Вивонская была въ большомъ запрудненіи въ разсужденіи одной бумаги, кошорая была подписана ею и нѣкошорыми другими дамами одинаковаго съ нею званія и находилась въ рукахъ нѣкоей Фидиспри, кошорая занималась шакже сошпавленіемъ яда. Вѣрояшно, бумага сія была весьма важнаго и доспойнаго наказанія содержания, пошому что Герцогиня Вивонская убѣдишельно его просила нѣсколько разъ съ слезами на глазахъ упошребишь все его искусство для возвращенія ей сей бумаги, пошому что ежели кто другой прочишаешь оную, що она съ према подписавшимися дамами должна бышь въ высочайшей спешени нещасплива, что онъ Ле-Саъ спарался сколько можно обратишь въ свою пользу замѣшпавельство Герцогини и увѣрлъ ее, что найдешъ средшво удовлешворишь ея прозьбѣ; но она должна своей рукой означишь въ записѣ, чего она желаетъ; когда же она сіе

сдѣлала, но онъ подложилъ вмѣсто настоящей записки другую и заспавилъ Герцогиню съечь оную въ замкѣ ея. Оспавшись же одинъ въ своей комнашѣ, распечаталъ онъ насюящую записку и нашель, что Герцогиня желаетъ возвращенія бумаги, копорая находилась въ рукахъ Филиспри, за что сід женщина получила уже весьма значительныя суммы.

Ле-Сажъ объявилъ все что ему извѣстно было объ оправленіяхъ и подмѣшиваніи яда; онъ увѣрлялъ также, что люди занимавшіеся симъ имѣли большое знакомство и въ иносранныхъ земляхъ, и имѣли переписку въ Германіи, Швеціи и другихъ Государствахъ.

Стефанъ Гвибургъ на 71 году опъ роду былъ домовымъ Священникомъ у Графа Монпгомера и взялъ также подъ спражу по подозрѣнію въ соспавленіи яда. Онъ показаль, что нѣкто Дами прероваль опъ него онагдъ для оправленія Миниспра Колберта, копорый его и принялъ; но по щасію былъ опъ того мемного нездоровъ шолько; и пошому Дами прероваль опъ него другаго яда, копорый бы былъ дѣйствительнѣе; какимъ же образомъ Дами могъ его подашъ Колберту, того никакъ не могли опкрышь. Сей Гвибургъ былъ весьма искусень въ соспавленіи яда; онъ со всѣми ядомѣшателями былъ въ шѣсной связи и снабжалъ ихъ порошками и всѣми пошребностями для совершенія ужасныхъ ихъ замысловъ; въ пригошвленіяхъ своихъ упошреблялъ онъ нѣкошорую шраву, опъ копорой умирали при безпрешанномъ смѣхѣ, ежели ее принимали въ большомъ

количествѣ; онъ обыкновенно перемѣнялъ составы, дабы они не всегда одинаковое дѣйствіе производили, давая ихъ въ винѣ, конфексахъ и супахъ. Сей самый Гвибургъ признался, что извѣстный Совѣтникъ Парламенша Пинонъ, родственникъ Фуке, хотѣлъ оправить Короля, дабы опмстить ему заключеніе сего Министра; онъ сознался сверхъ того во многихъ преступленіяхъ; по просьбѣ одного Гофмейстера Пажескаго, онъ нѣсколько разъ читалъ молебны надъ чревомъ обнаженныхъ женщинъ; для чего его приводили и отводили съ завязанными глазами; за шаговья молебны получалъ онъ весьма дорогую плашу, на примѣръ онъ получилъ за одинъ изъ нихъ въ спаромъ каменномъ строеніи въ Сенъ-Дени двадцать пистолей; по окончаніи ихъ онъ обыкновенно произносилъ наизусть заклинанія, кошорыя должны были производить желаемое. Сіе заклинаніе было слѣдующаго содержанія: я заклинаю васъ, духи, коихъ имена означены на сей бумагѣ, исполнишь волю и намѣреніе той особы, для кошорой я служилъ молебнѣ. Женщины, надъ чревомъ коихъ онъ сіе дѣлалъ, не раздѣвались; но были обнажены только до груди.

Одна вдова, Дела Гранжъ 38 или 40 лѣтъ отъ роду, кошорая примѣшивала шакже ядъ и торговала имъ, заключена въ Баспилю въ Февралѣ 1677 года. Будучи вдовою она была на содержаніи у нѣкошораго Форье, кошорый наскуча наконецъ поспыднымъ симъ обращеніемъ, хотѣлъ удалиться въ помѣстье свое. Дела Гранжъ, упошребила всѣ способы, дабы ошановить его въ Парижъ, намѣреваясь оправить его, предшавить свое съ

нимъ супружесво и такимъ образомъ присвоить себѣ большую часть его имѣнія, которое полагали ошъ 40 до 50,000 ливровъ, почему сговораясь съ однимъ Священникомъ, по имени Ноаль, пошла съ нимъ переодѣшымъ къ Ношаріусу за нѣсколько дней до смерти Форье, за котораго себя Священникъ выдалъ; заключили и подписали въ присутствіи Ношаріуса брачный договоръ, ошъ котораго получили свидѣтельство о законномъ бракосочетаніи. Когда настоящій Форье умеръ и всѣ признаки оправдывали подозрѣніе, что онъ погибъ ошъ яда, то Священникъ и Дела Гранжъ взяты были подъ стражу; сія послѣдняя, опасаясь окончанія уголовного сего дѣла, писала къ господину Лувуа, что она хочеть сдѣлать ему весьма важныя открытія, относящіеся къ личной безопасности Короля, почему и перевели ее изъ городской тюрьмы въ Баспилю; но какъ при первомъ допросѣ открылось, что она сдѣлала сіе для пустой ошговорки, то ее ошвели опять въ прежнюю пещицу; дѣло сіе приняло свой ходъ и оба они приговорены были къ смерти. Между тѣмъ, какъ дѣло сіе, поданное осужденною на апелляцію въ Парламентъ, находилось еще въ ономъ, получаетъ настоятель Іезуитскаго Монастыря Св. Людовика записку ошъ неизвѣстной особы въ Сентябрѣ мѣсяцѣ тогоже года, которую онъ сей часъ препроводилъ къ Министру Лувуа; она была слѣдующаго содержанія: Вы повѣряете мнѣ шайну, о которой я, для собственнаго моего спокойствія, никогда не желала бы знать; мнѣ пріятно бы было, чтобы и вамъ оно не приходило никогда на мысль или по крайней мѣрѣ исполнило васъ шакимъ же ужасомъ какъ и

меня. Возможно ли, чтобы вы имѣли такое жестокое сердце и чтобы я, думая любить честнаго человека, нашла въ васъ варвара съ безумною опьянною. Вы пишете ко мнѣ письмо, которое могло бы свергнуть меня въ несчастіе, ибо бумага, которой вы повѣряете, никогда не скроешь того, что и самая молчаливость духовника не должна бы сохранятьъ въ тайнѣ. Бѣлой порошокъ, который вы хотите насыпать на сальфетку извѣстной особы, легко можете быть узнавъ и вы сами можете быть открыты; я оставляю на собственное сужденіе ваше, чтобы изъ сего произойти могло; я вамъ также могу сказать, что вы меня на вѣкъ сдѣлаете несчастною, ежели не оставите сего намѣренія и скорѣе при вашихъ глазахъ соединюсь съ соперникомъ вашимъ, который будетъ гораздо достойнѣе васъ быть вторымъ моимъ мужемъ; ежели сія угроза не можете привести васъ въ разсудокъ, то объявляю вамъ, что я въ состояніи сдѣлаться вашей доносчицей, о чемъ меня ни величіе, ни богатство, которыми вы меня прельщаете, не удержатъ: ибо за такую цѣну я ни того ни другаго не желаю. Я буду и впередъ употреблять сей шаръ, который мы однѣ умѣемъ открывать для доставленія въ ваши руки моихъ писемъ, пока не возвращу васъ обязанности вашей. Заклинаю васъ еще разъ въ помъ, ною любовію, которую вы ко мнѣ кажетесь имѣли и еще имѣете, но оно должно случиться скоро, или опасайтесь моего гнѣва. Положите письмо ваше въ сей же шаръ, который я вамъ посылаю, потому что очень опасаясь, чтобы ихъ не увидалъ по нибудь посторонній и чтобы меня тогда, при всей моей

невинности, не обвинили. При всякомъ другомъ преступленіи должно по крайней мѣрѣ участвовашь, чѣмбы заслужилъ наказаніе; но въ семъ случаѣ доспапочно для того и знаешь о семъ. Сожгище мое письмо какъ скоро его получише, и прочтеше.

Судья, которому поручено было, розыскашь сіе, догадался сей часъ, чѣмъ записку сію не другой кто долженъ выдумашь, какъ Дела Гранжъ и Священникъ, коего руку, при всемъ его спараніи перемѣнишь оную, сей часъ узнали, сравнивая записку съ брачнымъ договоромъ; однако оба они ни какъ не хотѣли сознашья, чѣмбы они о томъ знали, а еще менѣе показашь своихъ соумышленниковъ. Весьма прудно опгадашь намѣреніе; какое сія женщина при семъ имѣшь могла, и какія выгоды она надѣялась получить опъ сего поступка, для котораго должна была употребить необыкновенный и опасный способъ, весьма прудный къ приведенію въ дѣйствіе, и при которомъ она непременно имѣла нужду въ пособіи многихъ людей; попому чѣмъ когда она писала сіе письмо чрезъ Священника, то содержалась въ Шапелешъ, маленькомъ Парижскомъ замкѣ, а онъ въ шюремномъ замкѣ. Дела Гранжъ занималась пакже предвѣщаніемъ; по ея утвержденію, она чрезъ свое искусство могла узнашь оправленныхъ и излечашь ихъ прошивнымъ ядомъ, сосшавленіемъ коего она весьма хвасалась; увѣрала пакже, чѣмъ ранѣе она получила сію науку предвѣдннн опъ одного Принца, досповѣрносшь же оной испышала разными опытами; но чѣмбы знаніе ея имѣло съ е дѣйствіе, то она непременно должна была пользоваться свободою и находилъсь подъ опкрытымъ небомъ.

Одинъ Аптекарь перегонялъ нужныя для нее воды, зная всѣ ея тайны и былъ за шо заключенъ въ Виценну, гдѣ и умеръ; а Дела Гранжъ и Священникъ казнены.

Три дворянина изъ Сициліи по имени Тривани отецъ, сынъ и дядя были схвачены пошому, что у нихъ найдены различныя порошки правы, заклинащельныя формы, магическіе знаки и шому подобныя вещи, которые подавали о нихъ не совсѣмъ хорошее мнѣніе. Одно изъ найденныхъ у нихъ и переведенныхъ Испальянскихъ писемъ было изъ Туниса ошъ Капуцина къ Кардиналу Спиноль; изъ сей переписки видно было, что они больше искали людей недовольныхъ Правленіемъ и хоти ихъ вскорѣ по повелѣнію Короля выпустили изъ Башиліи, но запрещено оная когда либо показываться во Франціи.

V.

ГОНЕНІЕ ПРОТЕСТАНТОВЪ ПО УНИЧТОЖЕНІИ УКАЗА НАНТСКАГО (*).

Указъ Нантскій былъ изданъ въ пользу Реформашовъ Генрихомъ IV, въ Нантъ 1598 года; Людовикъ XIV уничтожилъ оный другинъ даннымъ въ Фонтенебло въ

(*) См. новую Исторію Кондильяка.

1685 году. По уничтоженіи сего Эдикта шотъ же часть опшняны у всѣхъ исповѣдовавшихъ Реформашскую религію всѣ права ихъ, привилегіи, церкви, у многихъ даже дѣши для воспитанія ихъ въ Капюлицеской вѣрѣ. Большая часть спаслась бѣгствомъ съ деньгами и самыми драгоценными вещами ихъ, въ Англію, Германію, Голландію и проч.—Чтобы остановить сіи выѣзды, чрезъ копорыя почти всѣ деньги выходили изъ Государства, приказано было никого изъ Реформашовъ не выпускать безъ именнаго повелѣнія, сверхъ того всѣ вещи ихъ въ гаваняхъ и пограничныхъ мѣстахъ наиспроутайше разсмаширивать. Симъ учрежденіемъ постановлено наказаніе также и шѣмъ, кто будетъ вспомошествовать шагимъ выходамъ. По сему закону весьма многіе были арестованы, и шемницы были наполнены людьми обоого пола; у нихъ отбирались бумаги. Равнымъ образомъ поступали въ домахъ у шѣхъ, копорыя спасались бѣгствомъ.

Герцогъ дела Форсъ былъ въ числѣ протестантовъ посаженныхъ въ Баснилію въ 1681 году. Хотя онъ былъ весьма преданъ своей вѣрѣ; однако надѣялись уговорить его отказатьсь отъ оной. Онъ просилъ о возвращеніи ему бумагъ его, копорыя касались только частныхъ дѣлъ его. Между ими находилось завѣщаніе, въ копоромъ онъ явяно признавалъ себя протестантомъ, желая лишь и умереть имъ; бумаги выданы ему были Полицейскимъ Чиновникомъ, выключая его завѣщанія, копорое въ его присутствіи сожжено было. Онъ пробылъ въ Басниліи съ конца Іюня 1689 до конца Апрель.

ля 1691 года. При выпускѣ его отданъ онъ былъ на руки настоятелю Магларскаго Монастыря, отъ котораго надѣялись, что онъ успеетъ обратиться его. Герцогъ во все время содержанія его въ Бастиліи имѣлъ позволеніе держать при себѣ двухъ слугъ; но они должны были быть ревностные Каполики.

Одна женщина Вандербургъ, называемая также Каролиною Голландка, женщина смѣлая, нѣсколько разъ дѣлала поѣздки во Францію подъ предлогомъ шорга; ей доказали перехваченными письмами ея, что настоящее ея намѣреніе было вспомошествовать многимъ лицамъ къ побѣгу изъ Королевства, за что она содержалась въ Бастиліи, гдѣ вѣроятно жизнь свою окончила такъ какъ нѣкоторый Господинъ Домонъ, который почитался за самаго упрямнаго и настойчиваго протестанта. Онъ называлъ новообращенныхъ сабаками и невѣрными.

Весьма жалка была участь протестантскаго Проповѣдника Карделя, сына одного Адвоката въ Руенѣ. Онъ былъ Проповѣдникомъ при Церквѣ, находящейся недалеко отъ сего города; тогдашній Интендантъ Руенскій приказалъ ему оставить Королевство, что онъ и исполнилъ, поѣхавъ въ Англію и Голландію; но побуждаемъ ревностію, возвратился опять во Францію въ 1688 году. Находясь съ лекаремъ Бернѣ въ одномъ домѣ для посѣщенія больной изъ новообращенныхъ, былъ онъ схваченъ и заключенъ съ лекаремъ и братомъ больной въ Бастилію, изъ коей перевезли его въ темницу на островъ Св. Маргаретшны, гдѣ окончилъ жизнь свою въ 1694 году. Лекаръ, который провожалъ его не только къ себѣ

больной; но и къ другимъ семействамъ, принадлежащимъ къ числу новообращенныхъ, дабы возвратить ихъ совершенно въ нѣдро Протестантской Церкви, умеръ также въ другой пемницѣ.

Также и новообращенные, о которыхъ сомнѣвались въ искреннемъ ихъ обращеніи, были заключаемы въ Баспилю для подкрѣпленія ихъ вѣры. Когда въ 1691 году не за долго предъ отъѣздомъ Короля въ Монсъ узнали, что два купца Дикъ и Гви съ другими Протестантами и новообращенными, числомъ до 12 человекъ, соединенные между собою связями родства и извѣстные за смѣлыхъ людей, которымъ ничего добраго не доверяли, также хотѣвъ отправиться къ сей осады: но препоручили одному шпиону примѣчать за ними внимательнѣе и схватить, ежели найдешь ихъ на дорогѣ во Фландрію. 5 го Апрѣля показались Дикъ и Гви верхомъ, одѣтые Рейшарами въ шляпахъ, обложенныхъ гауномъ и съ писмолетами на большой Бургетской дорогѣ. Къ нимъ присоединился еще одинъ Рейшаръ, который показывалъ, что онъ также въ Монсъ ѣдитъ. Дикъ и Гви ему соповариществовали; но въ Луврѣ, гдѣ они вмѣстѣ объѣдали, были схвачены симъ Рейшаромъ, который былъ Полицейскій Шпионъ, при помощи одного ефрейфера. Они показали, что ѣхали въ Риссель для продажи шоваровъ, копорые ими напередъ шуда отправлены; но они никакого вида на то не могли показашь; ихъ привели въ Баспилю, допрашивали; но они швердо ушверждали, что никогда не имѣли намѣренія ѣхашь въ Монсъ и никогда не объявляли того ни Рейшару поварищу ихъ,

ни кому либо другому, признались при томъ чистосердечно, что хотя они и оспреклись опъ своего закона, дабы не оказашься ослушными Королевскому указу; но что въ душѣ своей они оспались и оспанушья Протестаншами. Извѣстно было, что они были въ шьсной связи съ шрема Реформашскими Проповѣдницами, схваченными въ Парижѣ въ 1689 и 1690 годахъ, коихъ они укрывали въ домахъ своихъ. Подозрѣнїе, возбужденное ими поѣздкою ихъ въ наспоющихъ обспояшельствѣхъ, ихъ вооруженїе, особенно же запрещенное оружіе, карманные пистолены, здѣлали то, что, хотя ихъ не посадили въ Басшилю, однакожь опправили въ замокъ Гвизской, гдѣ они находились еще въ 1695 году и гдѣ вѣроятно они и жизнь кончили.

Господинъ и Госпожа Лафоншенъ были посажены, въ Басшилю, дабы принудить ихъ возвратить бѣжавшаго сына ихъ, олданнаго на воспитанїе одной духовной особѣ и бѣжавшаго тайно въ Швейцарїю. Имъ объявлено, что они не будутъ освобождены, ежели не возвращашь сына ихъ къ духовному; но они кляшвенно увѣрили, что не брали никакого участїя въ побѣгѣ ихъ сына и вмѣстѣ съ шѣмъ объявили, что скорѣе умрушъ въ шемницѣ, нежели согласашься возвратить его; они оба исповѣдывали опкрыто протестаншскую религію и содержались уже разъ по сей причинѣ въ Басшили. Сїе второе испышанїе, выдержанное ими такъ же съ швердосшїю, опличило ихъ еще болѣе между Парижскими ихъ единовѣрцами.

Емсардъ Кушансе заключенъ былъ въ семь 1693 году въ Баспилю, прибывъ въ Церковь пасквилъ на преслѣдователей Протестантовъ, что онъ уже нѣсколько дней прежде въ Руенѣ дѣлалъ. Губернащору Баспили имяно приказано было не позволять никому разговаривать съ симъ плѣннымъ, для большей же безопасности и чтобы онъ не вздумалъ разбить себѣ голову о стѣну, дали ему двухъ спражей. Бодрость и присудешвіе духа сего несчастнаго превосходило всякое вѣроятіе. Онъ не боялся ни пытокъ, ни смерти и показывалъ, что самую жизнь почищаетъ ничтожною; по прошествіи года просилъ онъ позволенія говорить съ однимъ изъ судей своихъ; ибо по его словамъ, онъ ясно видѣлъ заблужденіе свое и потому желалъ объявить всѣхъ, которые подвигли его къ такимъ поступкамъ; когда же предсшавленъ былъ предъ судью, казалось будто вспоминалъ нѣчто, перемѣнялся въ лицѣ, дѣлалъ разные знаки глазами и другія кривлянья, показывающія готовность его открытъ нѣчто, наконецъ просилъ позволенія исполнить молитву свою. Послѣ сего онъ палъ на колѣна, возвелъ руки къ Небу, призывалъ Бога, и произнесъ громкимъ голосомъ ужаснѣйшія проклятія противъ гонителей протестантовъ и всмалъ съ сими словами: „Знайше же, что всю мою жизнь я буду дѣлать подобное!“ Такъ какъ ничего болѣе онъ него не могли добить, то ошвели назадъ въ его тюрьму.

Гидеонъ Филбертъ, протестантъ 20 лѣтъ отъ роду, который уже въ 1687 году для религіи предпринималъ бѣгство въ Амстердамъ, былъ схваченъ въ Марселѣ

въ 1694 году; ибо правительству дано знать, что онъ по торговымъ дѣламъ будешь проезжать изъ Амстердама чрезъ Францію въ Ливорно и въ Марсель будешь находишься на кораблѣ. Въ бумагахъ, имѣвшихся при немъ не найдено ни малѣйшаго, чтобы могло обвинить его; но отецъ его Клавдій Филбертъ, который имѣлъ пребываніе свое во Франціи, и до уничтоженія Нантскаго Эдикта со всемъ семействомъ своимъ исповѣдывалъ протестантскую религію, отъ которой по видимому хоня и отказался; но дѣти его удалились изъ Франціи въ протестантскія земли; а братья его, весьма богатые купцы въ Амстердамѣ были протестанты: по посему полагали, что отецъ остался во Франціи для того только, чтобы съ другими вести переписку, вывезши понемногу изъ Государства вещи и имѣніе свое; напоследокъ совсѣмъ удалился въ земли, не подвластныя Королю. Сіе подозрѣніе подтверждено еще болѣе показаніемъ Реформатскаго Проповѣдника Малцака, коего голова оцѣнена была въ 1,000 ливровъ и который наконецъ дѣйствительно попался въ руки Полиціи въ 1692 году. Онъ показалъ, что въ послѣднее его путешествіе былъ опрекоменованъ Банкиру Филберту, который познакомилъ его съ другими новообращенными, гдѣ онъ такъ какъ и у Филберта служилъ лихургію и опять ихъ принялъ въ нѣдро протестантской религіи. Такъ какъ фамилія Филберта въ Амстердамѣ, Ліонѣ и Ливорно была весьма знатна и богата, къ тому же Французскаго произхожденія, и ревностные протестанты; по весьма легко могло спастись, сказано въ протоколѣ, что она избрана была для удобнѣйшаго испол-

ненія зловредныхъ намѣреній; а шагъ какъ опасно бы было повѣрять подобное что нибудь бумагъ; но молодой Филбертъ, какъ человекъ большаго ума, могъ быть отправленъ съ изусными порученіями шѣмъ болѣе, что при проѣздѣ его чрезъ Парижъ онъ посѣщалъ знаменитѣйшихъ банкировъ Простеспаншовъ и вообще самыхъ ревностныхъ и подозрительныхъ изъ своихъ единовѣрцевъ; почему положено справедливымъ Гидеона Филберта оставить въ заключеніи, не смотря на прозѣбы и представленія его фамиліи.

Въ заключеніе сей главы сообщимъ почтеннымъ читателямъ одно посланіе къ Римско - Каполической Церкви, писанное въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ; сіе посланіе принадлежитъ безспорно къ числу рѣдкихъ историческихъ документовъ, объясняющихъ духъ того времени. Копія съ оного находилась въ бумагахъ Бастиліи.

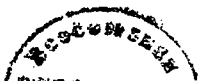

Первое посланіе Католикамъ, содержащее въ себѣ смиренныя представленія противъ угнѣтенія претерпѣваемаго протестантами въ Государствахъ, въ коихъ Римско-Католическая вѣра господствующая.

Кто можетъ безъ внутренняго содрганія взирать на жалкое положеніе, въ которое мы повергнушы во

многихъ Европейскихъ Государствахъ; хотя мы не одной вѣры съ вами, по крайнѣй мѣрѣ имѣемъ одинакую связь съ природой, производимъ оупь одной крови и имѣемъ въ Адамѣ одного ошца съ вами; и пакъ ежели вамъ чувство челоуѣколюбія не чуждо, какъ мы ожидаемъ сего оупь благоразумнѣйшихъ изъ васъ: то вы непременно должны скорбѣшь при видѣ причиняемыхъ намъ оскорбленій: Не научаешъ ли васъ самъ Иисусъ Хриосъ, что Иудеянинъ долженъ почиашъ Самарянина брапомъ своимъ и принимаешъ участіе въ его спраданіяхъ, не имѣюпъ ли и самыя дикіе звѣри любви къ шѣмъ, копорыхъ природа сотворила подобными имъ и пошому не должны ли и вы оказывашъ намъ соспраданіе въ семъ плачевномъ соспоаніи, въ копорое мы приведены вами въ земляхъ, гдѣ ваша вѣра господсвуешъ?

Вы думаете, что мы въ заблужденіи; но можете ли сіе служить основаніемъ жестокому съ нами обращенію; ежели бы мы были увѣрены, что Римско-Каполическая вѣра лучшая, то собсвенное наше благополучіе, собсвенное наше спокойствіе въ семъ свѣтѣ были бы весьма побудишельными причинами къ соединенію нашему съ вами; всѣ люди уже оупь природы слишкомъ себя любящъ, чтобы подвергашъ себя безъ нужды бѣдствію, шерцѣнію и вѣчному проклятію; положимъ, что мы заблуждаемся: то не довольно ли и сего для нашего нещасія безъ шѣхъ бѣдствій, копорыми вы насъ испышуете и ежели бы ваше мнѣніе было основашельно, не должны ли вы скорѣе сожалѣшь о насъ и молишь Бога, чтобы онъ просвѣшилъ и обрашилъ насъ, пакъ

какъ вы знаете, что вѣра есть Даръ Божій. Худыми поспуками никого не лзя увѣрншь, на прошивъ чѣмъ насильственнѣе поспуающъ, шѣмъ болѣе ожесточающъ умы.

Какъ много опспуаешъ такое обращеніе опъ сей крошости, копорую опкрываешъ намъ Спаситель и Ученики его въ ученіи ихъ; оно не имѣетъ даже паружнаго вида духа Божія, копорый одушевляетъ служителей Евангелія и изображается въ видѣ голубя, знаменующаго крошость. Хотя намъ и говоришь Св: Павелъ, что употребляемыя имъ орудія сильны предъ Господомъ и крѣпости раззорншь; но прибавляешъ къ тому, что сіи орудія не шѣлесныя и что онъ употребляетъ мечъ духовный, копорый есть слово Божіе.

Кпо въ состояніи описашь спраданія, копорыми насъ удручающъ, чптобы заспавншь принашь Католическую вѣру; ежели бы кпо вздумалъ издашь обстоятельное описаніе онныхъ; потъ долженъ бы былъ написашь цѣлую книгу; мы въ пепелъ ѣдимъ хлѣбъ нашъ и упиваемся слезами нашими; мы ни днемъ, ни ночью не имѣемъ покоя; шѣ, копорые оставили опечество, скишающа по свѣшу, чптобы найши убѣжанце опъ преслѣдованія; опцы и матери опшавляютъ своихъ любимыхъ дѣшей, дѣши родншлей, жены мужей, а мужья женъ своихъ, ибо непотѣрныя приштѣсенія заспавляютъ насъ разрывашь сіи священныя узы, весши унылую и бѣдспвенную жизнь на чуждой споронѣ и весь свѣшь наполнашь жалобами и спенаніями; кпо же опшаетъ въ опечествѣ своемъ,

потъ живель въ непрерывномъ безпокойствѣ и спра-
 хѣ; его лишаютъ утѣшенія служить Богу своему по
 убѣжденію его совѣсти; а ежели онъ исполняетъ сію
 священную обязанность: то его умерщвляютъ какъ зло-
 дѣя и возмутилеля; не довольствуясь тѣмъ, что ли-
 шаютъ насъ достоинствъ и заслугъ нашихъ; но и дома
 наши предають разграбленію и лишаютъ насъ нужнаго
 и Богомъ дарованнаго; одни умирають съ печали, другіе
 убѣгаютъ въ лѣса и пустыни, и скрываются въ ущель-
 яхъ горъ и пещеръ, подобно благовѣрнымъ перваго спо-
 лѣнія христіанской Церкви, коихъ свѣтъ былъ недо-
 стоинъ; нашихъ женъ и дочерей запирають въ Мона-
 шыри; мужей бросаютъ въ темныя и отвратительныя
 темницы, гдѣ многіе изъ нихъ или отъ голода, или отъ
 смрада погибають, другіхъ предають безжалостнымъ
 полачамъ, копорые въ запертой комнатѣ, при непре-
 сшанныхъ мученіяхъ заспаляютъ испускавъ духъ ихъ;
 иныхъ обременяють тяжелыми оковами и ссылають на
 галеры, гдѣ съ ними обходящя жесточѣ, чѣмъ съ вели-
 чайшими злодѣями, копорыхъ освобождаютъ даже, чтобы
 замѣнить ихъ сими невинными. Такъ и Спаситель нашъ
 заступилъ мѣсто смертоубійцы Варравы; съ нами по-
 снупаютъ съ необыкновенною жестокостію и не поз-
 воляютъ никому, даже старымъ Каполикамъ вручать
 имъ хотя малѣйшее число денегъ или хотя одну утѣ-
 шительную шрочку, даже разговаривать съ ними за-
 прещается, какъ и съ прочими галерными невольниками.
 Многіе публично казнены, другіхъ отдавали на произ-
 воль ожесточенныхъ и свирѣпыхъ солдатъ, копорые по-
 снупали съ нами посидѣннѣйшимъ образомъ, вѣшали или

умерщвляли безчеловѣчно; всѣ спонущь, плачущь, всѣ повержены въ печаль и горесть; нашимъ имѣніемъ, дѣльми, самую жизнь нашу распоряжающь, какъ будто мы рабы или скопы. О Господи Боже нашъ! взирающій съ высоты швоего величія на свѣтъ сей, узри слезы, вздохи и текущую кровь нашу; ибо всякой день за себя предаемь мы смерти, какъ Аглицы, опредѣленные на закланіе.

Возможно ли, чшобы вы всѣ въ состояніи были подавить чувство справедливости, кротости, милосердія и челоуколюбія? Какъ можете вы равнодушно причиняшь столько зла невиннымъ швореніямъ, копорые не оскорбили васъ ничѣмъ? не ужели вы не боитесь, что правосудіе Всемогущаго Бога не позволяющее прищъсней и убійства, не пощъпитъ васъ? Когда исполнись мѣра ваша? Не ссылайтесь на кротость вашу съ нами; ибо, можно ли назвашь крошкими поступки вашихъ драгунъ, копорые съ дикою неукротимостію и ужаснѣйшими ругательствами и проклятіями производяшь надъ нами всякаго рода непріязненные дѣйствія, копорыя одинъ только адъ можетъ внушитъ симъ нечестивцамъ? Можете ли, вы назвашь сносными шѣ огорченія, гоненія и мученія, копорымъ мы ежечасно опъ васъ подвержены? Вы видѣли какъ всякое насиліе прошивно духу Евангелія, и пошому не воображайте, чшобы предъявляемая вами умѣренность могла васъ оградить опъ Божескаго правосудія, копорое отрицаешь шкакого рода несправедливые и звѣрскіе поступки; законы справедливости, природы, челоушества, законы Царя Царей запрещающь

вамъ прихѣсьняшь невинныхъ. Разсмотрите же сами, можешь ли ваше обращеніе съ нами насъавишь невѣрующихъ и обратишь ихъ къ Христіанству? Какое сужденіе могушь они имѣшь о Христіанахъ, когда видяшь между ими раздоры за религію; не должно ли бышь для нихъ соблазнительно, что Христіане подъ видомъ кротоспи, и благоугоднаго дѣла пресшунаюшь Священнѣйшія законы и обязанности, чтобъ преслѣдовашь и испребляшь другъ друга. Не должны ли они исполнишь-ся ужаса противъ людей, кошорые за мнѣнія разспроиваюшь челоуѣческое общество, попираюшь торжесшвеннѣйшія обязанности и испребляюшь такимъ образомъ общесшвенное довѣріе.

Въ политическомъ опношеніи, вы должны видѣшь, что ничто шакъ не прошивно пользѣ Государства какъ преслѣдованіе. Не оно ли было причиною разрыва Голланди съ Нидерландами, въ прошедшемъ сполѣшн, не оно ли было причиною унадка Авспрійскаго дома, не оно ли за нѣсколько лѣшь привело Германію на край погибели; не подвергаешъ ли оно въ сію самую минушу одно изъ сильнѣйшихъ Государствъ въ свѣшѣ крайней опасноспи, и не унизило ли оно уже сіе цвѣшущее Государсшво въ нѣсколько мѣсяцевъ болѣе, чѣмъ всѣ силы Европы въ цѣлое сполѣшіе. Преслѣдованіе опуспошило часшь земель Герцога Савойскаго, коего подданные были умерщвляемы, а большая часшь погибала въ шемницахъ, наконецъ оноже лишило его лучшихъ и вѣрнѣйшихъ солдатъ - пошера, важносшь кошорой засшавишь его нѣбогда раскаяшься.

Ужели наша религія такъ ужасна и учить такимъ необыкновеннымъ вещамъ, что ваши Прелаты и Езуиты вынужденными находясь не принимаютъ въ уваженіе столько важныхъ причинъ и все опровергаютъ, чтобы только испребить насъ; они шепчуть Жидовъ и Магометанъ; а съ нами поступають они какъ съ идолопоклонниками. Развѣ мы не признаемъ Бога или отказываемся признавать Иисуса Христа Спасителемъ? Развѣ наше ученіе безбожно, наше богослуженіе идолопоклонно и суевѣрно, наша нравственность противна хорошимъ правиламъ.

Благоразумнѣйшіе изъ васъ могутъ сами рѣшить и быть нашими судьями. Въ послѣднее собраніе Французскаго духовенства въ Парижѣ въ мѣсяцахъ Іюнь и Іюль 1685 года мы подали шесть письменныхъ объясненій, содержащихъ краткое описаніе нашего ученія, богослуженія, порядка и нравственности; но сіи Господа не заблагоразсудили обнародовать ихъ во Франціи и издали приказъ на границахъ не пропускать оныхъ печатанныхъ; хотя мы чрезвычайно желали, чтобы всѣ узнали какого рода наша религія, дабы всякой въ состояніи былъ судить, заслуживаемъ ли мы инаемую къ намъ ненависть и претерпѣваемыя нами ужасныя приписанія, и потому мы предложимъ вамъ въ другомъ письмѣ краткое описаніе нашей вѣры, изъ коего вы узнаете, какова ша религія, которую Прелаты и Езуиты такъ горячо преслѣдуютъ и для которой мы пренебрегли почести, заслуги, дома, любезное отечество, даже особь, съ которыми мы соединены сильнѣйшими и нераз-

рыбными узами и подверглись бѣдствію, поношенію, крайности, изгнанію, смершельнымъ опасностямъ, шюркамъ, галерамъ, смерти и безчеловѣчнымъ казнямъ. Милосердіе Бога—Отца, милость Исуса Христа Сына Его, просвѣщеніе и прочіе дары Духа Свяшаго да будутъ съ вами. 10 Марта 1687 года.

VI.

Плѣнный, находящійся сорокъ лѣтъ въ заключеніи не желаетъ возвращенія свободы.

Сей плѣнный Исаакъ Арменъ Даву-Асешше состоялъ въ ранѣ своего брата кадепомъ, былъ изъ пропешаншской фамиліи, а самъ изъ числа новообращенныхъ; онъ попалъ въ Басшилю въ 1695 году и переведенъ изъ оной въ 1749 въ Шараншонъ, гдѣ онъ въ непродолжительномъ времени умеръ. Его обвиняли въ участіи въ смершоубійствѣ одного судьи, учиненнаго двумя его племянниками, изъ коихъ одинъ изъ нихъ заспрѣлилъ его. Когда начальство преслѣдовало сихъ убійць, то Арменъ прибылъ ко двору, чѣобы испросилъ помилованіе своимъ племянникамъ; но Король соглашался прощити того только, который не спрѣялъ; пока Арменъ ходатайствовалъ о родшвенникахъ своихъ, судьи того мѣста, гдѣ учинено смершоубійство изгосовили указъ,

чтобы схватили его самого за то, что по ихъ мнѣнію онъ написалъ ложное прощеніе племянникамъ своимъ, по случаю также ими учиненнаго смертоубійства другаго дворянина. По прошествіи сорока лѣтъ ему предлагали свободу; но онъ ее отвергнулъ и просилъ Короля, чтобы онъ его изъ милосердія оставилъ въ темницѣ. Сей человекъ пробылъ въ Басниліи 54 года 6 мѣсяцевъ и двадцать дней. Ему было около девяносто лѣтъ отъ роду, когда его перевели въ Шарантонъ, дабы содержать и одѣвать его, шамъ на счетъ казны; онъ былъ подъ конецъ слабоуменъ какъ ребенокъ и ходилъ свободно весь день въ обоихъ внутреннихъ дворахъ замка. Около 12 лѣтъ не позволено уже ему было ночевать въ одной и тойже комнатѣ, потому что онъ собиралъ шамъ дрова, свѣчи и всякія вещи, и должно было всегда опасаться, чтобы онъ не зажегъ Басниліи, и потому ему приказано было ночевать во вшорой караулнѣ, гдѣ волонтеры по старому знакомству имъ не скучали, онъ и самъ привыкъ къ нимъ; но когда въ Басниліи заняли караулъ Инвалиды; то имъ здѣлалися въ тягость; равнымъ образомъ и онъ не могъ къ нимъ привыкнуть. Онъ былъ вообще скрыпелъ и весьма легко могъ бы сечь Гаубшвахшу и ружья. Всѣ сіи затрудненія побудили Беля, Губернатора Басниліи просить Полицію, чтобы она освободила его отъ сего человека. Его родственники навѣдывались отъ времени до времени, не умеръ ли онъ, вѣроятно потому, что напередъ завладѣли его имѣніемъ.

VII.

ИЗВѢСТНАЯ МЕЧТАТЕЛЬНИЦА ГІОНЬ. 1698.

Она была вдова Кавалера Квесной, 47 лѣтъ отъ роду, и еще весьма хороша собою, когда, въ 1698 году, привели ее въ Бастилію. За три года до сего содержалась она въ Винценнѣ, занимаясь исполкованіемъ Священнаго Писанія и сочиненіемъ сообразныхъ тому швореній; она утверждала, что имѣешь Божескія откровенія, состояла при Дворѣ въ тайныхъ и частныхъ сношеніяхъ и старалась распространять ученіе свое между людьми высокаго званія; къ приверженцамъ ея принадлежали многія знашныя особы, между прочими Архіепископъ Кембрійскій, знаменишый Фепелонъ. — Она имѣла большую довѣренность къ нѣкоторому Даву, который мечтами своими умножалъ мечты ея воображенія.

Гіонь была освобождена изъ Бастиліи въ 1703 году на поруку сына ея. Погребена въ Блоа, и приверженцы ея сегоднѣ довольно часто спранспровали пуда по общанію.

VIII.

ЖЕЛѢЗНАЯ МАСКА, НАЗЫВАЕМАЯ ТАКЖЕ СТАРЫЙ ПЛѢННИКЪ ПИНЬЕРОЛЬСКІЙ (*).

О семь плѣнномъ совершенно ничего не значится ни въ пропоколахъ, ни въ прочихъ бумагахъ Бастиліи;

(*) См. о семъ въ *стгкк* Людовика XIV.

онъ не извѣстно откуда привезенъ въ Пиньероль въ 1671 году; отсюда перевезли его въ Ескиль въ 1687 году, и въ томъ же году на островъ Св. Маргаритшпы, откуда поступилъ въ Басшилю, въ 1698 году.

Онъ всегда носилъ маску изъ чернаго бархата, которая весьма крѣпко держалась на немъ посредствомъ проволоки (откуда и происходитъ названіе желѣзной маски), которую онъ носилъ до самой смерти. Господинъ Сеншъ-Марсъ привезъ его въ своемъ поршшезѣ въ Басшилю въ 1698 году, 18-го Сентября, въ 3 часа по полудни, прѣхавъ съ острова Св. Маргаритшпы, чтобы занять мѣсто Губернатора Басшиліи. Онъ обходился съ большимъ уваженіемъ съ симъ павнымъ, къ которому никто не допускался, кромѣ Губернатора и Маіора Росаргеса, коему одному поручена была услуга и надзираніе за нимъ. Ему ни въ чемъ не отказывали, чего бы онъ ни пожелалъ. Послѣ скоропостижной смерти, привлочившейся ему отъ болѣзни, продолжавшейся нѣсколько часовъ только, 19-го Ноября 1703 года былъ онъ завернутъ въ простыню изъ новаго холста и черезъ день погребенъ въ церквѣ Св. Павла, въ 4 часа по полудни, подъ именемъ Мархіали, въ присутствіи Маіора Росаргеса и главнаго лѣкаря Басшиліи Бейля, коими подписанъ также списокъ сей церкви. Его похороны стоили 40 ливровъ. Онъ пробылъ въ Басшиліи 5 лѣтъ и 6 дней; все находившееся въ его комнатѣ: кровать, постель, стулы, стулья и прочія принадлежности, даже двери и окошки сожжены, а серебряная, мѣдная и оловянная посуда переплавлена; занимаемая же имъ комната, прешья въ башнѣ, называемой Берподьеръ, выскоблена и вновь выбѣлена. Въ цер-

ковной книгѣ онъ показанъ 45 лѣтъ. Его называли въ Басшиліи человекомъ въ маскѣ, или неизвѣстнымъ.

IX.

Чернокнижникъ Аубертъ.

Его отецъ былъ опкущикомъ въ Шампаньи, послѣ котораго сынъ, не получа никакого наслѣдства, принужденъ былъ принять званіе слуги въ Парижѣ. Онъ увѣрялъ, что, получа отъ одного Священника Хиромантическія книги, занимался предсавленіемъ Хороскопа весьма удачно. Его обвиняли въ обращеніи съ духами; отъ чего онъ хотя и отрицался, однако сознался, что присудствовалъ при церемоніи кошечьей головы съ другими подобными ему обманщиками. Сія церемонія состояла въ томъ, что сему живошному отрубали голову, а шло зарывали на 7 фузовъ въ землю; послѣ того клали голову въ горшокъ и втыкали въ оную 7 бобовъ, изъ коихъ съ каждаго долженъ былъ выйти червякъ, который имѣлъ силу дѣлать невидимкою того, кто его съ собой носилъ будешь. Хотя Аубертъ и увѣрялъ, что предлагаемому шансу онъ никогда не вѣрилъ; но осмѣлся при томъ, что для врачебнаго искусства онъ имѣлъ превосходныя средства. Одинъ Ношаріусъ объявилъ, что онъ едва не умеръ отъ одного изъ нихъ и что изъ всѣхъ ему извѣстныхъ обманщиковъ сей былъ опаснѣйшій. — Аубертъ жаловался на сіе несправедливое обвиненіе, кошечье казалось болѣе его прогало, чѣмъ двухъ съ полови-

ною-лучшее заключеніе его въ шенницѣ: онъ не признавался въ большой части дѣлаемыхъ ему обвиненій; но и того уже, въ чемъ онъ признался, было бы весьма доспа-точно для уличенія его въ оспальномъ, ежели дошло бы до изслѣдованія. Такъ какъ сей человекъ весьма былъ за-наша астрологическими своими глупостями и при томъ былъ обманщикъ и шарлапанъ въ высочайшей степени, кошорый спарался только выманишь у людей деньги, и кошорый глупостями самую жизнь жены своей привелъ въ опасность: по сочли за лучшее оспавить его въ Баспилии. Ренневиль въ своей испоріи о Баспилии упоминаетъ также о семъ Аубершѣ и описаніемъ своимъ о немъ совершенно оправдываетъ вышепомянутое рѣшеніе Баспильскихъ Судей. Такъ какъ онъ нѣсколько разъ сидѣлъ съ нимъ въ одной комнатѣ, по и имѣлъ случай узнать его какъ полусумасшедшаго глупца, помѣшаннаго на чернокнижествѣ.

Нѣкопороа Анна Пурьенсъ, занимающаяся предска-заніями, была его сообщницей; она наговаривала легко-вѣрнымъ множеству вздору, предсказывала имъ щасливую будущность и обирала у нихъ такимъ образомъ деньги. Нѣсколько времени находилась она въ услугахъ у знашнихъ дамъ и занималась Хироманшією и Педоманшією; она про-довала также и палисманы: но говорила въ свое изви-неніе, что сіи подложные палисманы были не иное что, какъ перспии съ аншвами, изъ коихъ каждый имѣлъ особенное свойство и силу, такъ какъ всякое растѣніе. Въ комнатѣ ея нашли много книгъ по сей части, но она увѣряла, что никогда не дѣлала вреднаго употреб-ленія изъ оныхъ; что она занималась шѣмъ единственно

для препровожденія времени и въ угожденіе двумъ Принцессамъ, которыя весьма любопытны были къ подобнымъ вещамъ; между тѣмъ однако же была увѣрена, что въ составѣ рукъ и ногъ находящіяся извѣстныя линіи, по которымъ можно выводять весьма справедливыя заключенія и значенія. Она увѣряла, что никогда не употребила сего въ свою пользу; но со всѣмъ тѣмъ извѣстно было, что она только тѣмъ и жила. Какъ она ни была бѣдна, но взяла на воспитаніе дѣвицу, коей опець, по ея мнѣнію, былъ Принцъ. Сія молодая особа имѣла 18 лѣтъ, а осуждена была въ Бастилію. Она, по обыкновенію такихъ людей, хвасталась величайшими открытіями и познаніями; говорила, что Маршалъ Виллероа никогда не былъ бы взятъ въ плѣнъ въ Кремонѣ, есльи бы не поперялъ шалисмана, который она ему вродала за 50 пистолей, и что она шудилась еще надъ составомъ новаго шалисмана за ту же цѣну; шайнствомъ сего искусства прибрѣла она одной первокласной дамѣ (госпожѣ Меншеновъ) любовь и почщеніе величайшаго Государя (Людовика XIV). Сію женщину освободили въ 1704 году подъ запрещеніемъ показываться когда либо въ Парижѣ.

Въ семь же году, какъ видно изъ прошекола, освобождена также другая женщина, которая содержалась въ Бастиліи по подозрѣнію въ чернокнижествѣ и поддѣшваніи яда. Когда разсмотрѣны были порошки, киденныя на каминѣ ея, то оказался одинъ исполченной бирпичъ и невкусная соль; и такъ преступленіе ее состояло въ томъ, что она пользовалась легковѣріемъ и глупостию просмаковъ.

X.

**ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И САМОУБИЙСТВО УДИВИ-
ТЕЛЬНОГО БРОДЯГИ ВИНАХЕ, 1704.**

Онъ былъ Неаполишанскій уроженецъ и называ-
ся по надписи Басшильскаго пропокола: чудный докторъ,
Алхимикъ, искашель шаинствъ и камня премудрости, на-
конецъ, человекъ — занимающійся дѣланіемъ и обрѣзыва-
ніемъ монеты.

Онъ былъ 38 лѣтъ отъ роду, взявъ подъ спражу,
неизвѣснаго происхожденія, и въ опечествѣ своемъ на-
ходился въ большой нищестѣ; не зналъ ни чипашъ, ни
писашъ, и выучился машинально подписывать одно имя
свое, кошорое весьмъ худо писалъ. Сіе обстоятельство
тѣмъ болѣе должно обратишь вниманіе, что онъ, какъ
видно будешъ въ послѣдствіи, сославилъ себѣ блиспа-
тельное щастіе и прославился въ обществѣ искуснымъ
медикомъ, извѣстнымъ химикомъ, наконецъ, человекомъ,
обладающимъ философскимъ камнемъ и знаніемъ другихъ
естественныхъ и искусственныхъ шаинствъ; сверхъ то-
го онъ велъ большой торгъ золотомъ и серебромъ въ
Женевѣ и другихъ мѣстахъ и занимался обрѣзываніемъ
хадлчей монеты. Герцогъ Шолнешскій, бывшій тогда
въ Италіи, привезъ его во Францію въ концѣ 1689 года.
Онъ опредѣлился по прибытіи своемъ въ полкъ Рояль-
Руссий, изъ коего бѣжалъ въ 1691 году въ Парижъ.
При побѣгѣ своемъ онъ обокралъ поварища своего Нико-
лая, кошорый былъ поршнымъ, унеся съ собою опданныя

ему для переправки офицерскіе мундиры, дорогой былъ задержанъ и брошенъ въ шюрму какъ бѣглый. Графъ Овернскій выхлопоталъ ему помилованіе и освобожденіе. Винахе пришелъ въ Парижъ въ 1692 году и оставился въ дурной харчевнѣ голъ, нагъ, не имѣя ни работы, ни промысла. Хозяинъ сей жалкой харчевни назывался Буллошъ и торговалъ прежде сего свѣчами, отъ чего весьма разспроился. Герцогъ Шолнешскій покровительствовалъ ему, или лучше сказать, молодой и щеголеватой дочери его.

По прошествіи пяти, или шести мѣсяцовъ Винахе присваивался къ сей дочери. Отецъ, не могшій дать ей никакого приданого и желая загладить пятно прежняго образа жизни въ супружествѣ, охотно согласился на предложеніе его. Дочь его получила въ приданое обязательство на 2500 ливровъ капишала; а зять остался жить у тещи своего. Онъ пошелъ послѣ того въ Анжу, гдѣ мѣсяца два находился слугою въ деревняхъ Герцога Бриссака; по прошествіи же сего времени возвратился опять къ своему тещю въ Парижъ. Съ сей эпохи до 1697 года онъ съ женою жилъ шико и бѣдно, иногда подаишемъ, иногда барышемъ отъ проданнаго лѣкарства. Мало по малу начало ему нравиться ремесло чудеснаго лѣкаря, особенно же хвастался онъ обладаніемъ неложнаго средства отъ лихорадки; наконецъ онъ увѣрялъ, что уже все болѣзни въ состояніи лѣчить, особенно же хвалилъ онъ свой паранеслонъ, которому самая жестокая лихорадка должна уступить. Сии подложныя средства состояли въ рецептахъ, выбираемыхъ имъ изъ книгъ, которыхъ жена его должна была ему читать; она

выписывала ему тѣ, копорые для него болѣе приличествоваали; а онъ выдавалъ ихъ послѣ въ обществѣ за собственное изобрѣшеніе, какъ плодъ рѣдкихъ своихъ познаний; онъ давалъ имъ особенныя названія и ни о чемъ болѣе не болшалъ, какъ о своихъ великихъ и глубокыхъ свѣдѣніяхъ въ шайншвахъ царства расшій и ископаемыхъ.

Уже въ 1694 году онъ говорилъ другому Винахе, родомъ также изъ Неаполя, копорый былъ плавильщикъ, но совсѣмъ же родшвенникъ ему, чшобы онъ не удивлялся, ежели увидишь его скоро ѣдущаго въ шѣсть лошадей и обладающаго большимъ богашшвомъ.

Въ 1698 году ѣздилъ на пять или на шѣсть мѣсяцевъ въ Брешанъ, ошкуда возвратился въ Парижъ въ собственншй небольшой карешъ, запряженншй двумя лошадьми; ошъ своего пешшя перешель онъ въ нанашшй домъ, въ копоромъ занималъ весьма хорошо убранншю комнашу и принималъ одного каммердинера и двухъ лакъевъ. Съ 1698 по 1700 годъ занимался онъ химическими работами и при шомъ съ большимъ успѣхомъ. Герцогъ Шолнешскій предложилъ ему 1000 лаубшалеровъ для заведенія печей и прочихъ химическихъ снарядовъ. Ошъ Химіи перешель онъ къ Алхиміи, къ преобразованію мешалловъ и дѣланію золота. Онъ хвасался; будшю нашель философскій камень и былъ въ большшй славѣ въ 1701 году. Нѣкошорыя особы предложили ему около 5,000 шалеровъ для продолженія работъ и для покупки нужныхъ машеріаловъ. Въ 1702 году его уже вездѣ почитали человѣкомъ, знающимъ дѣлать золото.

Объявленія и извѣстія, найденныя въ Баспилиі касательно Винахе, простирающіяся только до сей эпохи; они показываютъ поспешное возвышеніе и предпріятія его; но до времени взятія его подъ стражу въ 1704 году, что составилъ около 4 лѣтъ, и лучшее время славы его, невозможно уже идти по слѣдамъ жизни его; въ показаніяхъ, копорыя учинили 12 человекъ изъ находившихся у Винахе слугъ и работниковъ, Полицей-Лейтенаншу Аржансону дѣянія его не вездѣ вѣрно означены; изъ сообщенныхъ же о немъ извѣстій видно, что онъ занимался перегонкою подозрительныхъ водъ, употребляемыхъ имъ въ свои лѣкарства, ошъ копорыхъ одинъ изъ его больныхъ умеръ.

Первое имѣніе, купленное имъ въ 1700 году, состояло въ мызѣ и домѣ, находящихся въ одной деревнѣ, копорая была ошъ Парижа въ разстояніи на 5 часовъ и стоила ему 7 или 8,000 ливровъ. Онъ прикупилъ къ оному еще столько, что наконецъ сіе имѣніе давало ему 3,000 ливровъ годоваго дохода. Здѣсь заложилъ онъ свои печи и лабораторію, чтобы шрудиться надъ философскимъ камнемъ и прочими химическими составами, распуская вездѣ слухъ, что имѣешь услуживающаго духа, называемаго имъ своимъ Кобальдомъ, копорый доставлялъ ему щастіе во всѣхъ его предпріятіяхъ; онъ срывалъ сего духа въ подушечкѣ, набитой шерстью, копорую носилъ на зашлыкѣ и говорилъ всѣмъ, что Кобальдъ сдѣлалъ знакъ вдоль спины его въ видѣ змѣи; показывалъ также циркуль, сдѣланный подъ извѣстными небесными знаками, копорого одна ножка была четверугольная золотая, а другая шреугольная серебряная. Съ симъ цир-

кулемъ, по его словамъ, могъ онъ все возможное предпринимать; онъ сдѣлалъ предложеніе господину Деспондю, начальнику морской эскадры, что ежели онъ согласится нѣсколько мѣсяцевъ сряду дѣлать съ нимъ нѣкоторыя извѣстные ему обряды; то онъ отправится къ нему на корабль и помощію духа своего приведетъ его въ состояніе полонить, или попопаять всѣ попавшіеся ему непріятельскіе корабли; на что получилъ въ отвѣтъ, что подобныя искусства слишкомъ противорѣчатъ правиламъ его, и потому онъ не намѣренъ заниматься ими. Такое же предложеніе сдѣлалъ Винахе Бобріану, который послѣ сего прекратилъ съ нимъ знакомство. Герцогъ Наварскій признался, что Винахе до большаго своего богатства обманулъ его на 8,000 ливровъ, вызвавшись обучать его тайнослѣдствію скранныхъ наукъ. Герцогу Орлеанскому, послѣ бывшему Правителю, предлагалъ онъ констеллировать брильянты и заложилъ также сему Принцу при химическія печи. Онъ сдѣлалъ одному дворянину констеллированный брильянтъ, чрезъ который онъ въ игрѣ безпрещанно долженъ былъ выигрывать, но потомъ долженъ былъ дать ему за то въ залогъ 5,000 ливровъ Испанскими, Испанскими, Англинскими и Нѣмецкими деньгами. Дворянинъ сей почти круглый годъ ничего не проигрывалъ, но и не выигрывалъ; наконецъ, почувствовавъ угрызеніе совѣсти, возвратилъ Винахе алмазъ и получилъ обратно заложенные деньги. Самымъ близкимъ друзьямъ своимъ говорилъ Винахе, что онъ знаетъ тайну философскаго камня, и что ежели бы онъ могъ надѣяться, что Король и Министры его не потребуютъ отъ него тайны и оставятъ ему свободу, то онъ обязался бы доставить Ко-

ролю 300 миллионъ шакъ легко, какъ при лудора; и что тогда онъ позволяешь какъ угодно охраняшь себя.

За два года до взятія Винахе подъ стражу былъ онъ уже подозрѣваемъ въ расплаиваніи золоша и серебра. Самая жена его, кошорая не была взята шакъ какъ мужъ ея; показала при допросѣ, учиненномъ ей Аржансономъ въ домѣ ея, что она видѣла, какъ мужъ ея расплаивалъ золошо и серебро, кошорое носили къ нему коробами, передѣлывалъ и обрѣзывалъ ходячую монешу. Депресорѣ, кошорый по сему дѣлу долженъ былъ шакже идти въ шюрму, показалъ, что кассиръ знаменитаго банкира Самуеля Бернарда, съ любовницей, будучи оба самыми корошкими пріятелями Винахе, плашили всегда новописанными лудорами, а кассиръ всегда спарался собиранш и вымѣнивать старые лудоры; что онъ самъ имѣлъ однажды отъ любовницы его порученіе заплашш отъ ея имани купцу, шорговавшему шелковыми машеріями, 17 лудоровъ, изъ коихъ 13 были гораздо легче; онъ принесъ ихъ ей обратно и получилъ другіе вмѣсто оныхъ, что банкиръ Бернардъ одинъ разъ проговорился, что Тронхинъ (шакъ назывался кассиръ), могъ получить что нибудь отъ послѣдняго расплаиванія Женевской монешы, но теперъ уже ничего не получишь. Винахе, шорговавшій золошомъ, продавалъ оное Соломону Якову, одному Жиду въ Мецѣ и другимъ Жидамъ унцію за 52, 53 и 54 ливра; золошыхъ же дѣлъ машперамъ продавалъ онъ золошо другаго разбора по 68, 69 и 70 ливровъ унцію. Онъ имѣлъ двухъ повѣренныхъ, кошорые ежедневно продавали для него золошые и серебряные слшшкш. Тронхинъ, искренній другъ Винахе, дѣлалъ нѣсколько повѣдокъ въ Же

неву, за день до отъезда приходилъ онъ всегда къ Винахе, проводилъ съ нимъ ночь наединѣ и оба укладывали сами чемоданъ, что они дѣлали для того, чтобы не могли замѣшпшь перевозку ими въ Женеву расплавленного золота, которое смѣшивалось тамъ съ хорошей мѣдью, и продавалось потомъ за золото низкой пробы. Менажеръ, Королевскій Секретарь и Депушашъ торговали въ Руенъ, Вандергульцъ, опець и сынъ, Голландскіе банкиры, которые однако имѣли дома въ Руенъ и Парижъ, и уже упомянушй Тронхинъ доставляли Винахе золото и серебро, которое онъ переплавлявалъ и обрѣзывалъ. Сіе пресупленіе наказывалось смерщю; но Винахе превосходилъ всѣхъ въ искусствѣ подмѣнивать вмѣсто хорошей хадячей монеты другую низшей пробы, и вель совершенный шоргъ онымъ въ Женевѣ, Дофинѣ, Савоіѣ и Спразбургѣ. Одинъ изъ людей, носившихъ обыкновенно золото и серебро къ купцамъ и банкирамъ, показалъ, что серебро и золото въ недѣлю три, или чешыре раза носили цѣлыми корабями опъ банкира Бернарда къ Винахе; что онъ также часто носилъ опъ Вандергульца къ Винахе и обратно, и Банкиръ Бернардъ дѣлалъ большіе подарки Винахе. Менажеръ выдалъ ему 14,000 франковъ для издержекъ на печи, кромѣ Тронхина и Менажера, которые имѣли довѣренность Винахе. Онъ упошреблялъ еще для расплавления золота одного Нѣмца, по имени Георга Конрада Шульцъ, который былъ также схваченъ и неизвѣстно куда опвезенъ. Слуги Винахе находили часто въ его комнашахъ и лабарашоріи золотыя слпшки, куски двойныхъ, проспыхъ и полу-луидоровъ, которые они продавали Жидамъ и опъ того жили въ изобиліи.

Винахе, чтобы опшесши ихъ ошъ насшоящей причины, говорилъ имъ, что имѣешь позволеніе Короля для рашпавливанія спарой монешы, и увѣрялъ ихъ, что онъ Кавалеръ. Жена его нашла одинъ разъ людей своихъ въ разговорѣ о богатствѣ своихъ господъ, и сіе сдѣлало шакое вліаніе на нее, что она на мѣстѣ сдѣмалась нездорова; она условилась съ мужемъ обѣщашъ имъ сосшавишь ихъ шасшіе и дашь нѣскольго лудировъ, чтобы они молчали. Имѣя въ 1703 году семь слугъ и опасаясь, чтобы они не разгласали чего, Винахе разослалъ прехъ въ разныя шпороны, одного въ Руень, другаго во Фландрію, а прешьяго въ Римъ съ назначеніемъ имъ присшойнаго содержанія. Нѣкопорые изъ его слугъ показывали, что видѣли въ его комнашъ сосуды съ расшущенною ршущью. Въ Августѣ 1702 года принялъ къ себѣ Винахе въ услуженіе нѣкопорого химика Туріаша; онъ велѣлъ ему купишь двѣ плавильныя печи, нѣскольго спекляншой посуды и послалъ его въ свою деревню. Двѣ недѣли спустя Винахе шакже шуда пріѣхалъ и засшавлялъ Туріаша рашпавливашъ и опдѣляшъ золопо ошъ серебра, къ чему прибавлялось немного соли и урины, какъ будто хощьлъ пригошовишь изъ шого нѣкопорыа лѣкаршва, между прочимъ знаменишый свой паранеслонъ. По прошесшви прехъ мѣсяцевъ — продолжаешъ Туріашъ въ своемъ показаніи по допросу Аржансока — „велѣлъ Винахе перенесши обѣ плавильныя печи въ свою спальню, куда слуги должны были принести еще много угольевъ и колодезной воды; послѣдніе три дня впорой недѣли, пока продолжалась работа, Винахе заперся въ сей комнашъ и никогда не ошавлялъ оной. Онъ самъ бралъ ведро съ

водой у людей изъ рукъ у дверей; никого не впускалъ шуда, кромѣ Тронхина, который нѣсколько разъ въ день входилъ и выходилъ, а къ вечеру еще долѣ шамъ оспавался; по утру прешьяго дня показали мнѣ горничная и лакей кусокъ золоша вѣсомъ слишкомъ фунтъ, множеспво золошыхъ крупннокъ, нѣсколько кусковъ серебра, двойный лудоръ и одинъ полураспопленный простой лудоръ, который горничная нашла у печки подъ пепломъ между угольями; одинъ нашель также въ печкѣ полураспопленный поллудоръ между крупинками золоша. Коль скоро Туріашъ увидѣлъ, что Винахе не пребоваль обрашно сихъ вещей опъ людей своихъ; по воспользовался изъ любопытства первымъ случаемъ, чшобы войпи въ компаншу, когда горничная и слуги убирали опую, и осмотрѣвъ печи, нашель въ нихъ золошо, превращенное въ крупинки и серебро зернами и бусками, смѣшанное съ золошомъ. Я видѣлъ также нѣкошорые фарфоровые сосуды, наполненные ршущью, кошорая почти вся была амальгамирована, или смѣшана съ рудами. Я воспользовался присудствіемъ жены его, чшобы опкрышь имъ намѣреніе слугъ ихъ, опнести найденное золошо и серебро на монешный дворъ и донести на нихъ. Они позвали послѣ сего всѣхъ людей и опобрали у нихъ найденное. Винахе сказалъ имъ въ моемъ присудствіи, что намѣреніе его было сдѣлать золошо, годное для пишья; при чемъ онъ на меня какъ на шапока сослался, который долженъ былъ подшвердиль сие; вынулъ между прочимъ изъ кармана горсть золошыхъ денегъ величиною въ шалеръ, желая доказать слугамъ своимъ, что шо были не Французскіе лудоры, но иностранная монеша; но они имѣли дерзоспъ сказашъ ему въ

глаза, что они очень увѣрены въ пропивномъ и знаютъ, что въ продолженіи трехъ дней, въ которые занирался съ Тронхиномъ, онъ чеканилъ монету, прибавя къ тому, что они сдѣлають на него доносъ, ежели онъ и не согласится составить ихъ щасія. Винахе взялся за мягчайшую струну, общалъ ихъ наградишь и довелъ до того, что они выдали ему большой кусокъ золота и нѣсколько золотыхъ крупинокъ, которыхъ на другой день онъ заставилъ меня растопишь и приказалъ просить къ себѣ Тронхина и Менажера, которыхъ съ нимъ ужинали. Въ 11 часовъ ночи карета была золочена и послана за Коммисаромъ Полиціи Сокарпомъ, который пріѣхалъ чрезъ полчаса въ мундиръ и введенъ во второй этажъ, гдѣ еще сидѣли за столомъ. Винахе приказалъ снова подать на столъ для Коммисара, который просидѣлъ за нимъ почти часъ. Послѣ сего госпожа Винахе на крыльцо созвала слугъ своихъ, изъ коихъ горничная должна была напередъ войти въ комнату, гдѣ находились полицейскій Коммисаръ, Винахе и два гостя. Она пребыла тамъ полчаса; послѣ чего меня позвали, предупредивъ прежде, чтобы на дѣланные мнѣ вопросы я не иначе отвѣчалъ, какъ утвердительно и выдавалъ себя за ювелира, а не за химика; въ пропивномъ же случаѣ угрожали мнѣ большими неприятностями, чего опасаясь, я отвѣчалъ по ихъ желанію; послѣ меня привели лагѣя, и весь допросъ кончился въ часъ по полуночи, и Коммисаръ въ той же каретѣ отвѣхалъ домой. На другое утро прочіе слуги дѣлали также свои показанія, но только въ домъ Коммисара.

Винахе сдѣлался прошивъ насъ гордѣе, самоувѣреннѣе и сказалъ, что болѣе не боится насъ: ибо ежели бы

намъ когда нибудь пришло на мысль говорить противное показанному нами Каммисару; но онъ, какъ ложныхъ свидѣтелей, велишь повѣсись насъ.

Сей Коммисаръ Сокаршъ въ послѣдствіи былъ также посаженъ въ Баспилю, пошому что сей поступокъ его нашли въ высочайшей степени преступнымъ и законопротивнымъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ сего происшествія, продолжаетъ Туріашъ, увидѣли мы при наступленіи ночи шелегу, ѣдущую въ домъ Винахе, кошорая была гораздо красивѣе обыкновенныхъ, заложена прекрасной и сильной лошадыю и почти вся наполнена мышками, кошорые, казалось, заключали въ себѣ 1000 ливровъ: я въ то время былъ въ шрешемъ эпажѣ съ однимъ Испальянцомъ Марпыномъ. Полли и занимался успановленіемъ печей новаго изобрѣшенія. Мы видѣли въ надворное окно, что Винахе съ своимъ каммердинеромъ и лакѣемъ свалилъ мышкы съ шелеги и приказалъ вносить ихъ на верьхъ. Пришедши послѣ того въ комнашу, гдѣ мы находились, Полли спросилъ его, откуда онъ досталъ столько денегъ; на что онъ отвѣчалъ, что то была фура съ 600,000 ливровъ, кошорые онъ хотѣлъ дать въ займы городскому Приказу. Черезъ день мы дѣйствительно видѣли другую шелегу, нагруженную такими же мышками, какъ и вчера; однако утвердительно не могу сказать, та же ли самая монета была. Въ сіе время весьма обыкновенно было видѣшь ежедневно приходящихъ носильщиковъ къ Винахе съ закрытыми камбалами. Между шѣмъ Винахе ничего не дѣлалъ въ мою пользу, и какъ я иногда на то жаловался, то господинъ Менажеръ предложилъ мнѣ ош-

правилься съ грузомъ въ Вестъ-Индію и увѣрялъ меня, что я такъ же буду доволенъ, какъ и Нѣмецъ, котораго послали въ Римъ; но я опровергнулъ сіе предложеніе, потому что имѣлъ большое отвращеніе отъ морскаго путешествія.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1703 года отправлены были чиновники Монетнаго Двора въ деревню, въ которой, по показанію одного слуги, бывшаго прежде у Винахе, находились лабораторія и плавильныя печи; но Менажеръ, узнавъ о томъ, заблаговременно предупредилъ ихъ и велѣлъ зарыть и скрыть отъ глазъ все, что могло бы показаться противъ Винахе. Онъ увѣлъ также предсказать симъ чиновникамъ сколько околичностей и доказательствъ, что они возвратились въ Парижъ, ничего не сдѣлавъ. Весьма примѣчательно то, что сей человекъ, который имѣлъ такую большую переписку въ самомъ Государствѣ и внѣ онаго, большой закупъ и расходъ матеріаловъ для расплавленія и чеканія монетъ и при томъ такое множество лѣкарствъ продавалъ на чистыя деньги и въ долгъ, никогда не держалъ приходной и расходной книги, и ничего не записывалъ; память его должна была заступать мѣсто сего и замѣнять все; — иногда развѣ диктовалъ онъ женѣ своей нѣсколько примѣчаній, которыя она писала на лоскутѣхъ бумаги; или на тряпичѣхъ. Вскорѣ сначала его благополучія обыскала его прежній товарищъ его солдатъ Королевско-Русскаго полка, котораго онъ обокралъ при побѣгѣ своемъ. Винахе принялъ его съ опровержными обѣщаніями; угостилъ его прекраснѣйшимъ образомъ и заплашилъ горсткою мундировъ за себя и за унесенные имъ офицерскіе мундиры. Въ 1700

году купилъ Винахе съ аукціона, при продажѣ наследства умершаго Королевскаго брата, брильяншовъ на 60,000 ливровъ, а жена его нашла брильяншовую нитку въ 6,000 ливровъ; послѣ того умножилъ онъ у себя драгоценныхъ вещей до 10,000 рейхсгалеровъ; а когда жена его показывалась въ полномъ нарядѣ, то имѣла на себѣ болѣе чѣмъ на 40,000 брильяншовъ. Въ Январѣ 1704, за мѣсяць до взятія его въ Бастилію, золото у него шакъ было обыкновенно, что въ комнашахъ его спояли вездѣ мѣшки съ луидорами и по 15 и по 20 мѣшковъ находили между чернымъ бѣльемъ, фарфоромъ и прочими домашними принадлежностями, изъ коихъ каждой былъ въ 10,000 ливровъ. Два челоуѣка весьма различнаго состоянія посѣщали Винахе ежедневно, имянно: Герцогъ Брисакъ и Маріонъ Ефрейшеръ, надзиратели большихъ дорогъ Иль-де-Франса. Съ приращеніемъ богатства его занималъ онъ и лучшія комнашы; онъ купилъ себѣ большой домъ, убралъ его превосходно и помѣстилъ въ ономъ Вандергульца сына съ собою; имѣлъ семь слугъ, карету съ чепверкою лошадей, при верховыхъ лучшихъ во всемъ Парижѣ, изъ коихъ на каждой приборъ стоилъ 200 рейхсгалеровъ; онъ давалъ весьма часто сихъ лошадей Тронхину и другимъ Коммисіонерамъ банкира Бернарда.

Въ половинѣ 1700 года связи его съ Тронхиномъ и Менажеромъ были всего тише; послѣ того онъ весьма подружился съ Вандергульцомъ, опцомъ и сыномъ, и все сіе происходило подъ общей перепиской Самуела Бернарда. Сенль-Робертъ и Бюиссонъ были тайные по-

вѣренныя сей переписки. Такимъ образомъ шли дѣла сіи въ цвѣтущемъ состояніи около двухъ лѣтъ съ половиною; но послѣ вмѣшался шумъ раздоръ. Прежде поселился онъ между повѣренными; копорые жаловались на банкира Бернарда; а сей, будучи значительнѣе всѣхъ ихъ, приводилъ ихъ симъ въ смракъ начавъ что либо пропить него; они не осмѣливались обнаружить дѣла. Винахе производилъ занятія свои съ большимъ блескомъ и великолѣпьемъ. Менажеръ держалъ себя на среднюю ногу; Тронхинъ раззорялся глупыми любовными интригами и распочительностію, а прочіе ропсали въ молчаніи и скрывали свою досаду.

Въ Сенсѣбрѣ 1703 года начала сбираться пуча надъ головою Винахе; первую жертвою оной былъ Бюиссонъ, схваченный въ Декабрѣ сего года. Сенсъ-Робертъ одинъ изъ повѣренныхъ общей переписки въ Сѣнсѣбрѣ, или Октябрѣ, далъ подъ рукою знать госпожѣ Меншенонъ вразсужденіи Винахе; а сія Королю Вандергульцъ-сынъ также шепнулъ нѣчто Министру Шамилларду; но все сіе не было еще совершеннымъ доносомъ на Винахе. Сіи люди старались поступать такъ; надвѣсь чрезъ то получить отъ Государя своего награжденіе за одно мановеніе, копорымъ бы онъ могъ воспользоваться; ибо сами они почитали Винахе такимъ челоѣкомъ, копорому пайна составленія золота совершенно была извѣстна. Сенсъ Робертъ—что мы не должны пропускать безъ вниманія—поссорился съ Тронхиномъ и Бернардомъ; онъ участвовалъ съ ними въ составленіи плана одной машины, посредствомъ копорой корабли на Ронѣ могли бы ходить

вверхъ прошивъ печенія, и можеть бышь главное его на-
 шреніе было, когда онъ объявилъ о Винахе, подашь по-
 водъ къ ближайшему разсмотрѣнію поведенія Самуела
 Бернарда, и чѣобы на немъ обрушилось наказаніе за
 обрѣзываніе монеты, въ чемъ Винахе въ послѣдствіи
 могъ бы бышь изобличень; шолько Сеншь-Робертъ при
 донесеніи своемъ непремѣнно требоваль, чѣобы его
 посадили въ темницу въ одно время съ Винахе и скорѣе
 дали очную спавку съ нимъ, дабы онъ въ глазахъ его могъ
 доказашъ доносъ свой; ежели же правительство не хочеть
 воспользоуаться симъ, шо онъ просить госпожу Менше-
 нонъ, чѣобъ въ семъ случаѣ позволено было увѣдомишь
 Винахе о имѣющемъ на него подозрѣніи; ибо онъ увѣ-
 рень, шо сей наградить его за сіе предостереженіе по
 крайней мѣрѣ 100,000 ливровъ; но не смотря на сіе
 предложеніе, Сеншь Робертъ не шолько не былъ заклю-
 чень съ Винахе, но и очной спавки не получилъ.

Вшорой доносишель, Вандергульцъ, шотъ самой, ко-
 шорый прежде сего даваль Винахе 10,000 ливровъ для
 производства его работъ, которые онъ ему вскорѣ послъ
 шого возвратилъ, швердилъ безпреспанно супругъ Ми-
 нистра Шамилларда о чрезвычайныхъ дорованіяхъ сего
 человека и о выгодахъ, могущихъ произойши для каз-
 ны и Государства отъ знанія его шайнства.

Слѣдствіемъ всѣхъ сихъ доносовъ было шо, чѣто
 приказаго Полицей-Лейтенаншу Аржансону присматри-
 вать впайнѣ за поведеніемъ Винахе. Не желая еще
 предпринимать чего нибудь рѣшишельнаго съ симъ чело-
 вѣкомъ, госпожа Меншенонъ послала даже къ нему своего

Шпалмейстера Мансо, подь видомь шого, чтобы выбрашь алмазовь для иностранной Княгини. Мансо весьма подробно разсмотрѣлъ домашнее устроивствъ; онъ заспалъ Винахе съ женою въ упреннемъ плашь, собирающихъ бѣлье для мышь, копорый отвѣчалъ Шпалмейстеру, коего онъ не зналъ, что хошя и имѣеть брильянны, но шолько не для продажи, а для своей жены и для другихъ случаевъ, копорые сами собою предспавляющся, не имѣя нужды спарашь искашь ихъ. Шпалмейстеръ замѣшилъ, что въ картинной галереѣ находилось картинъ болѣе нежели на 25,000 рейхсгалеровъ, видѣлъ шакже чайный столикъ съ серебряными и вызолоченными сосудами, копорые онъ цѣнилъ по крайнѣй мѣрѣ въ 10,000 рейхсгалеровъ; въ канюшняхъ спояли прекрасныя лошади; — онъ обо всемъ донесъ госпожѣ Меншенонъ. За вѣсколько дней до повелѣнiя взяшь его подь спражу, Министръ Шамилордъ имѣлъ любопытствъ узнашь лично Винахе; онъ предспавилъ, что хочеть посоветовашься съ нимъ вразсужденiи вѣкопорыхъ лѣкарствъ и другихъ рецептовъ; призвавъ его къ себѣ въ Версалию завелъ онъ рѣчь о его опечествѣ и спросилъ о причинѣ побудившей его прѣхатъ во Францiю, на что Винахе насказалъ ему множество вѣлпностей; при чемъ дабы придашь себѣ болѣе важности, онъ сказалъ на примѣръ, что прѣхавъ во Францiю съ Герцогомъ Шолнешскимъ удостоилъ его дружбою и жерашъ по его хадашайству; что онъ получилъ въ приданое за женою 40,000 франковъ; что онъ самъ человекъ знашвой, опечество его Неаполь, а отецъ его занимается должность Великаго Дашарiа у Царя въ Римѣ; что изъ оставшагося имѣнiя послѣ Ко-

ролевскаго брата онъ купилъ съ аукціона брильяншовъ на 40,000 франковъ, и получилъ онъ оныхъ барыша въ двѣ недѣли 14,000 ливровъ; что вообще онъ сознается, что торгъ его драгоценными вещами и глубокія его познанія въ Медицинѣ составили ему значительное состояніе, и началъ при томъ весьма плодотворно выхвалять свои лѣкарства, копорыя онъ довелъ до невѣроятной степени совершенства химическими работами своими, копорыи онъ издавна весьма щцщательно занимался. Министръ Шамиллордъ спрашивалъ еще его мнѣнія вразсужденіи многихъ медицинскихъ рецептовъ, копорыи онъ ему показывалъ, и оппустилъ его, не давъ замѣшить подозрѣнія противъ него въ расплаиваніи золота и серебра. Короткое время спустя, Винахе былъ схваченъ и посаженъ въ Бастилію. Аржансонъ успѣлъ ему сдѣлать только два вопроса 23 Февраля и 10 Марша 1704 года, ибо черезъ десять дней онъ зарѣзался въ шеницѣ. Тронхицъ, Менажеръ, Вандергульцъ и другіе изъ его вѣрннхъ не были взяты подъ стражу. Недвижимое имѣніе Винахе, не считая движимаго и драгоценностей, копорыи были гораздо значительнѣе перваго, состояло въ одномъ помѣстьѣ въ Кубронѣ, приносящее ежегоднаго дохода 3,000 ливровъ, и въ другомъ въ Герцогствѣ Анжу, принадлежавшее Герцогу Бриссаку, копорое давало столько же доходу; построеніе замка одного стоило болѣе 200,000 ливровъ; сюда принадлежали также 12,000 ливровъ и еще большіе капиталы, ошданные въ Парижскую и Руенскую таможену.

Въ то время, какъ посаженъ былъ въ шеницу, покупалъ онъ помѣстье Ерменонвиль, прославившееся въ по-

вѣйшія времена пребываніемъ и смертію Жанъ Жака Руссо, за которое онъ давалъ 25,000 ливровъ. Послѣ его смерти ввели сейчасъ вдову его въ неоспоримое владѣніе всего имѣнія какъ движимаго, такъ и недвижимаго и сказали ей только, что мужъ ея умеръ въ Бастиліи отъ удара.

Въ донесеніи своемъ Министру Шамилорду Аржансонъ говоритъ, что општы Винахе были нерѣшительны и противорѣчили одинъ другому; что никогда не можетъ быть свидѣтельствомъ истины; къ тому же Винахе прилагалъ величайшее стараніе уменьшать свое состояніе и совсѣмъ шѣмъ самъ признался, что въ печеніи мѣнѣе 13 лѣтъ онъ получилъ барыша 40,000 шалеровъ; также подозрительно весьма и то, что онъ заставилъ слугъ своихъ дѣлать судебное показаніе въ присутствіи Коммисара, весьма очевидная и смѣшная уловка, чтобы скрыть поддѣлываніе монетъ; сіе подозрѣніе подкрѣпилось еще и шѣмъ, что курьеръ, который весьма щипательно отъ всѣхъ, особенно же отъ слуги Кавалера Сериньяна, сосѣда его, скрывался, часто прѣзжалъ къ Винахе съ большимъ чемоданомъ, и такъ все показываетъ противъ Винахе, хотя онъ и прибѣгаетъ ко множеству оправданій, дабы дать видъ вѣроятія скорому своему обогащенію.

Трагическая смерть его въ Бастиліи, стараніе Аржансона увѣриться собственными глазами въ самоубійствѣ Винахе, вмѣсто того, что прежде посылался обыкновенно Полицейскій Коммисаръ, вшорой необыкновен-

ный поступокъ Аржансона, что онъ чрезъ два дня послѣ его смерти опять пошелъ въ Бастилію и осмотрѣлъ шло Винахе прежде нежели положили его въ гробъ и наконецъ прикажь, отданный имъ похоронить его въ церковь Св. Павла подъ именемъ Стефана Дюранта, бо лѣтъ онъ роду, когда наспоющее его имя было Винахе и зъ лѣтъ онъ роду.—Всѣ сіи обстоятельства заспаляютъ предполагать нѣчто неизъяснимое и таинственное. Списокъ, сдѣланный тогдашнимъ Королевскимъ Лейтенантомъ Бастиліи Дюжолкомъ, былъ слѣдующаго содержания:

Великій четвертокъ, 20 го Марша 1704 года. Въ ночи на сей день въ четверть вшораго часа по утру умеръ Винахе Итальянецъ, который былъ заключенъ въ Бастиліи въ прешней комнатѣ башни, называемой Бершадьеръ, въ присутствіи шюремщика Лабашоньера и Капрала Михайла Гирланжа. Какъ скоро онъ умеръ, то два стража сіи уведомили о томъ Господина Расаргеса, который пошъ часъ всталъ и пошелъ въ комнату умершаго Винахе, который погибъ отъ собственной руки, сдѣлавъ на шею подъ подбородкомъ большую и глубокую рану ножомъ своимъ, вчера въ среду въ часъ или два часа по полудни. Всякая помощь и скорая перевязка не въ состояніи были спасти его; когда же онъ нѣсколько приходилъ въ память и казалось хотѣлъ говорить, то Священникъ нашъ все возожное употреблялъ, чтобы исповѣдывать его; но трудъ его остался напрасенъ. Въ 9 часовъ вечера объявилъ я сіе несчастіе Аржансону, который пошъ часъ самъ пришелъ видѣть сего несчастнаго, погубившаго самого себя.

Суббота 22 Марта. Вчера около 6 часовъ вечера похоронили Винахе подъ именемъ Стефана Дюранпа на оградѣ церкви Св. Павла. Прежде нежели положили его въ гробъ, пришелъ въ субботу же въ 4 часа по полудни еще разъ Аржансонъ въ замокъ, дабы видѣть и осмолить шрупъ.

XI.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ И СМЕРТЬ АЛХИМИКА ДЕ Л'ИЛЯ.

Иоаннъ Труивъ по прозванію де л'Иль, оружейный мастеръ, 39 лѣтъ отъ роду, былъ взятъ 4-го Апрѣля 1711 года въ Бастилію. Онъ увѣрялъ, будто знаетъ тайну превращенія металловъ и дѣланія золота и серебра, — ничему не учась, не умѣя ни читать ни писать и проведя большую часть молодости своей оружейнымъ мастеромъ. При первомъ допросѣ показалъ онъ, что первое желаніе заниматься Химіею возымѣлъ онъ на 20-мъ году своего рожденія; ибо Ишальянецъ одинъ, который нашелъ его въ Ницѣ, наставлялъ ему много чудеснаго о сей наукѣ; сей Ишальянецъ, взявшій въ Авиньонъ вызвалъ учить его оной, и потому онъ проводя его шуда, цѣлыя восемь мѣсяцевъ занимался химическими работами; въ продолженіи сего времени онъ съ Ишальянцемъ дѣлалъ нѣсколько путешествій въ сосѣднія Систеронскія горы для баптизирования и приисканія нужныхъ имъ правъ. Сей Ишальянецъ превращалъ въ известъ

маленькіе кусочки золоша, которое онъ попомъ клалъ на солнце и онымъ превращалъ свинець въ золошо; но изъ перваго золоша извлекалъ онъ прежде родъ ршупи, а изъ оной пригошовлялъ шакъ называемый мешаллическій порошокъ; вещи употреблемыя имъ при семъ производствѣ были: золошо, травы — *Junaria major* и *Junaria minor* и нѣкоторыя минераллы. Чтобы дѣланіе золошо было настоящаго достоинства и могло выдержать пробу, шо наливалось на мешаллическій порошокъ въ бушылку масло и вода, выдавленные изъ упомянутыхъ травъ; все сіе смѣшеніе ставилось на солнць, пока вся вода пропадетъ; что продолжалось иногда годъ и два, смотря по степени лѣшняго жара; масло состояло изъ известковаго золоша, изъ сока вышеупомянутыхъ травъ и изъ селишры, что однако не всегда удавалось и ему самому, причины чего онъ не зналъ и показатъ не умѣлъ. Аржансонъ укорялъ его при допросѣ, что онъ не всегда шакъ говорилъ; напросивъ того прежде, увѣрялъ Епископа Сенецкаго (Святаго Янзенишскаго) и Президента Сентъ-Морицскаго, что шайнство его и образъ дѣланія золоша были безошибочны, ежели бы ему только позволили на свободѣ и при надежномъ присмотрѣ работать два года безъ помѣшательства и дѣлатъ составы свои въ глазахъ самаго Короля, что оказывается теперь весьма сомнительно, шакъ какъ онъ де л'Иль ошзывается теперь о своемъ искусствѣ весьма невѣрно и ненадежно; на что онъ отвѣчалъ, что обѣщалъ Епископу Сенецкому показатъ ему только нѣчто особенное и необыкновенное, но о непремѣнности и всегдашней удачѣ своего искусства онъ ни однимъ словомъ не упоминалъ, что составленіе

металлическаго порошка его требовало по крайней мѣрѣ непрерывной пяти-лѣтней работы. Слѣдующія ближайшія обстоятельства извлечены слово въ слово изъ судебного изслѣдованія, произведеннаго надъ де л'Илемъ, найденныя въ Басидіи; они содержатъ въ себѣ всю исторію его жизни съ начала лабораторическихъ работъ его до самой смерти его въ Басидіи.

Де л'Иль путешествовалъ въ 1701 году въ Ницу, гдѣ онъ познакомился съ Ишальянцемъ Діонисіемъ, который препоручилъ ему прискивать шравы, давъ ему образецъ оныхъ, въ Савойскихъ горахъ. Де л'Иль повхалъ въ Савою и такъ прилѣжно исполнялъ порученіе свое, что возвратился скоро съ значительнымъ запасомъ къ Діонисію, отправился съ нимъ въ Авиньонъ, гдѣ и началъ работать подъ его руководствомъ и въ награжденіе прилѣжанія и трудовъ своихъ посвященъ Ишальянцемъ въ тайнства его искусства и получалъ отъ него иногда золото и серебро и металлическій порошокъ для практики дѣлать и по и другое; симъ порошокомъ превращалъ де л'Иль въ послѣдствіи свинецъ въ золото и серебро въ присутствіи Епископа и многихъ другихъ особъ. Епископъ показывалъ между прочими вещами одинъ ножикъ работы Ишальянца, у коего спинка была золотая; де л'Иль при разѣ составлялъ металлическій порошокъ въ присутствіи Епископа.

Слава его, распространившаяся по всей провинціи, побудила нѣкоторыхъ купцовъ Тассинъ выдать ему 3,000 ливровъ, къ которымъ де л'Иль долженъ былъ прибавить сколько же и сдѣлать на оныя деньги металличе-

скій порошокъ съ барышемъ по поламъ; но Тассины увѣряли, что они лишились при ономъ денегъ своихъ. Епископъ Сенецкій, будучи очевиднымъ свидѣтелемъ въ Провансѣ работъ де л'Иля, былъ совершенно увѣренъ въ дѣйствительности его искусства и писалъ по сему случаю къ Генералъ - Контролеру Десмарецу. Епископъ и самъ прѣхалъ въ Парижъ и показывалъ два письма де л'Иля, въ коихъ онъ обязывался увѣрить Дворъ въ истинѣ своего искусства; по возвращеніи Епископа въ Провансъ писалъ онъ снова къ Десмарецу, что онъ уже разъ писалъ къ нему о семъ дѣлѣ и долженъ еще разъ повторить подтвержденіе всего касающагося до де л'Иля, который прудился въ его Епархіи надъ разборомъ степени сродства мешалловъ; что онъ беретъ участіе въ семъ дѣлѣ единственно изъ ревности къ Королю и благу Государства; что онъ сначала въ разсужденіи тайнства де л'Иля самъ сомнѣвался, потому что Епископъ, занимавшійся прежде сего химическими работами, не изъ корысплюбія, а одного любопытства, по своимъ правиламъ долженъ былъ считать такое превращеніе необходимо невозможнымъ; но разговоръ его съ однимъ непримиримымъ врагомъ де л'Иля убѣдилъ его совсѣмъ въ противномъ; ибо сей неизвѣстный увѣрялъ его, что онъ въ Эксѣ, Ницѣ и Авиньонѣ доставлялъ золотыхъ дѣлъ мастерамъ свинецъ и желѣзо для пробы, которое сей де л'Иль въ его присутствіи превращалъ въ золото, признаваемое сими мастерами за лучшее и чистое. Послѣ сего разговора Епископъ почелъ нужнымъ списать знаткомство де л'Иля и рассмотреть его внимательнѣе и съ меньшимъ предубѣжденіемъ. Нѣсколько времени спустя объ-

ъзжая свое Епископство, нашель онъ его у одного изъ
 своихъ пріятелей и общество успѣло уговорить де
 л'Иля показатъ въ его присутствіи опытъ своего иску-
 ства, который дѣйствительно при всѣхъ на очагѣ пре-
 вращиль въ серебро нѣсколько желѣзныхъ гвоздей, при-
 везенныхъ Епископомъ на сей случай; сей послѣдній по-
 слалъ превращенные гвозди съ Капелланомъ своимъ въ
 Эбсъ къ золотыхъ дѣлъ мастеру Имперту, который при
 пробѣ призналъ ихъ за хорошее и чистое серебро. Ми-
 нистръ Поншхарпринъ желалъ увѣриться въ семъ и пи-
 салъ къ нему за два года, что онъ будешь на весьма
 хорошемъ замѣчаніи у Короля, ежели увѣдомишь его о
 всемъ происшествіи; почему онъ призвалъ его въ замокъ,
 гдѣ по его приглашенію находились еще 10 человекъ
 весьма ученыхъ людей, коихъ Министръ наспоятельно
 просилъ смотрѣть внимательнѣе на руки художника,
 который въ ихъ присутствіи превращиль на жаровнѣ два
 куска свинца въ два куска золота и серебра. Епископъ
 послалъ сіи два куска къ Министру, который ихъ по-
 казывалъ самымъ опытнымъ золотыхъ дѣлъ мастерамъ
 въ Парижѣ и они нашли оныя настоящей пробы; кромѣ
 того онъ заставлялъ его предпринимать въ Сенецѣ пять
 или шесть химическихъ процессовъ, которые все удачно
 оканчивались; но другое превращеніе, которое де л'Иль
 заставиль его самаго произвести, не допрогиваясь самъ
 ни малѣйше, увѣрило его совершенно. Подобное сему сдѣ-
 лалъ де л'Иль въ Капелланѣ съ племянникомъ Еписко-
 па опцомъ Герардомъ, котораго онъ также заставиль
 собственноручно произвести химическіе опыты; равнымъ
 образомъ и другаго племянника, котораго дядя его Епи-

скопъ послалъ къ Министру Понтхартрину съ изустнымъ и обстоятельнымъ донесеніемъ о искусствѣ художника, основательности и истинѣ его шайнства, присовокупивъ къ тому, что въ Провансѣ болѣе спачеловѣкъ или были свидѣтелями Алхиміи де л'Иля, или подъ его руководствомъ сами дѣлали золото съ лучшимъ успѣхомъ. Въ заключеніе письма сего Епископъ дѣлаетъ примѣчаніе, что де л'Иль ведетъ добродетельную жизнь и упрекнуть его ни въ чемъ важномъ не лзя; что онъ первый дѣвъ охранительныя грамошы Королевскія, данныя ему для доказательства искусства своего; предъ лицомъ Короля не употребилъ въ пользу; потому что не имѣлъ достаточнаго запаса металлическаго порошка своего и не могъ составить онаго вновь по неблагопріятной погодѣ; и потому онъ Епископъ проситъ для художника прешью охранительную грамошу для составленія порошка на два года, по прошествіи коихъ онъ навѣрное явится въ Версалію.

Изъ другіхъ чѣтырехъ писемъ, при адрессованы на имя Спашскаго Совѣтника Ноаншеля, весьма хорошо и съ большимъ умомъ написанныя; въ нихъ онъ защищаетъ искусство де л'Иля и извиняетъ его, что онъ по дурному лѣшу 1710 года, бывшему въ Провансѣ дождливымъ и холоднымъ, не могъ составить порошка, котораго по его мнѣнію онъ хопя и имѣлъ въ запасѣ, но никакъ не соглашался оправиться въ Версалію, къ чему его онъ Епископъ безпрестанно убѣждалъ, сообразно желаніямъ его Величества; но не успѣвъ въ томъ, не удивлялся сему потому, что философъ сей весьма упрямъ и несговорчивъ и безпрестанно твердитъ пословицу, что посѣшность не ведетъ къ добру.

Епископъ, обязавшійся Королю клятвою привести де л'Иля въ Версалю, опасаясь, чѣмъ сей его не обмануль, уговорилъ напоследокъ его писать самому ко Двору и изложитъ причины замедленія; и пакъ де л'Иль писалъ къ Министру, описывая протранно всѣ затрудненія и препяшствія, по копорымъ поѣздка его въ Версалю не принесла бы никакой пользы, а прервала бы только работы его и упражненія въ изученіи искусства своего. Епископъ въ припискѣ своей въ семъ письмѣ оправдывалъ де л'Иля по нѣкоторымъ обвиненіямъ, будшо онъ въ сообществѣ съ однимъ поддѣльвашелемъ монеты, по копорой онъ сообщилъ выписку изъ дѣла, объяснявшаго что де л'Иля ни въ чемъ подобномъ не могли уличить.

Де л'Иль просилъ у господина Ноаншеля еще отсрочки на два года для ссоставленія порошка своего и масла, и обѣщалъ по прошествіи сего времени явиться ко Двору и съ удовольствіемъ посвятитъ себя Королевской службѣ и благу Государства.

Президентъ Сентъ Морицъ, въ письмѣ своемъ къ господину Ноаншелю, (Парижъ 9го Декабря 1710 года) изъясняется о де л'Иль слѣдующимъ образомъ: „Имѣю честь сообщить вамъ симъ довольно темныя понятія о нашемъ философѣ; въ пользу его искусства я никогда не былъ совершенно увѣренъ, что же касается до опытовъ, копорые я самъ дѣйствительно производилъ, то долженъ въ семъ случаѣ отдать ему полную справедливость. Пять дней послѣ вышеупомянутаго письма 14го Декабря 1710 года президентъ Версальскій сдѣлалъ

публикацію самую обстоятельную и выгоднейшую для де Л'Иля; онъ свидѣтельствуесть въ оной, что онъ самъ, въ Провансѣ въ замкѣ Сеншъ Албанскомъ, де Л'Илемъ приготовленными препаратами составилъ золотую палочку въ 3 унціи въсомъ, которую онъ вручилъ господину Десмарецу, видѣль и разсмапривалъ такъ называемый металлическій порошокъ де Л'Иля и потомъ дѣлалъ еще другой опытъ надъ исполешными пулями въ 3 унціи и кускомъ желѣзныхъ лапъ, посредствомъ препаратовъ де Л'Иля и получилъ изъ онаго маленькую золотую бляху и еще нѣсколько кусочковъ золота, которые онъ также вручилъ Десмарецу. Далѣе онъ дѣлалъ въ семь замкѣ опытъ превращенія свинца въ серебро, по предписанію де Л'Иля, что также оченъ хорошо удалось.

Изъ копіи одного письма де Л'Иля къ Епископу Сенецкому-Грасе отъ 16 Марта 1711 года видно, что онъ увѣдомляесть его о взятій его подъ спражу въ Ницѣ по повелѣнію Короля и отправленій къ Графу Гриньяну, который долженъ былъ перевезти его въ Парижъ; и потому онъ проситъ Епископа, единственнаго покровителя своего, предупредитъ его прїездомъ своимъ въ Парижъ и привезти съ собою пузырекъ съ металлическимъ порошкомъ; дабы онъ Королю лично могъ представитъ истину своего шайнства:

Архіепископъ же въ письмѣ своемъ къ Ноаншелю, (Сенець 14 Марта 1711 года) показываесть свое удивленіе, что съ такимъ человекомъ, какъ де Л'Иль, такъ дурно поступили, связали его и скованнаго отослали въ Парижъ. Эшо значить, говоришь онъ, нарочно хошѣтъ дове-

сти его до сумасшествия, ожесточить его и чтобы онъ умеръ отъ досады, будучи отъ природы недовѣрчивъ и чувствительнъ; и потому онъ обясается, что такое обращеніе болѣе будетъ вредить, нежели принесетъ пользу выгодамъ Короля; что онъ самъ въ 24 часа соберется въ Парижъ, дабы догнать де л'Иля; а такъ какъ снѣгъ глубоко выпалъ, то предпринимаетъ сіе дальнее путешествіе верхомъ, побуждаемъ единственно усердіемъ къ пользѣ Короля, чтобы укротить пыллаго художника и приготовить его къ покорности и готовности показать свое шайнство его величеству.

Де л'Иль прибылъ въ Бастилію 11го Апрѣля 1712 года. Ему не докучали допросами; напрошивъ того поступали съ нимъ весьма крошко и давали ему разумѣть, что Королю угодно бы было видѣть продолженіе химическихкихъ работъ его въ Бастиліи, для чего ему будутъ доставлять все потребное и постараются облегчать оныя; почему де л'Иль и началъ свои работы. Ноанцель доставилъ ему опять чрезъ господина Бернавилье, Губернатора Бастиліи, отнятое у него при взятіи его серебро и золото, чего Епископъ настоятельно требовалъ. 2го Августа художникъ началъ опыты своимъ превращеніемъ металловъ; при чемъ замѣчено, что средства, имъ для сего употребляемыя, состояли особенно въ ртутіи, селитрѣ, мышьякѣ, сѣрѣ и антимоніи. 3го Августа производилъ онъ свои работы въ присутствіи Епископа и господъ Бургета и Лауная Директора монетнаго двора; также 5го и 7го Августа; сего числа онъ склалъ препараты свои и порошокъ въ коробъ и

объявилъ желаніе идти въ Губернаторскій садъ, называемый прежде Бастіономъ; Удалившись туда съ вышепоказанными свидѣтелями, вырылъ самъ яму, поставилъ въ оную коробъ, покрылъ его доской и завалилъ опять землею; 17 го пошелъ онъ съ ними опять въ садъ; но полагая, что порошокъ не довольно лежалъ въ землѣ, зарылъ его снова въ присутствіи общества; 18 го онъ его вынулъ, а 19 го приступилъ къ новой обработкѣ порошка, что происходило какъ и все послѣдующее въ присутствіи сихъ господъ. Епископъ извлекъ изъ порошка нѣкоторое количество воды, которую онъ налилъ въ пузырекъ, и запечатавъ своей печатью, поставилъ оный въ садовой бесѣдкѣ на солнце. Сія работа продолжалась весь мѣсяцъ Августъ и производилась какъ де л'Илемъ, такъ и означенными особами. Госводинъ Лаунай отдѣлилъ отъ массы золото; 10 го Сентября дано было де л'Илю по его пребыванію 4 унціи золота, а 21-го сего мѣсяца онъ взялъ склянку, стоявшую въ саду на солнцѣ, въ которой нашлось масло и осадка; все сіе вылилъ въ сосудъ, который потомъ запечаталъ Губернаторомъ и Епископомъ; а 26 числа опять открытъ въ присутствіи всѣхъ; но масла не найдено болѣе: оно изтреблено солнцемъ и осадкою. 27 го Епископъ и Бургетъ пришли въ Бастилію и принесли двѣ склянки съ металлическимъ порошкомъ и солнечнымъ масломъ, коихъ каждаго по части они вылили на приготовленную де л'Илемъ массу. 29 го Октябръ де л'Иль пошелъ въ компанію Губернатора, поставилъ тамъ маленькую печь и положилъ въ кубъ металлическій порошокъ свой въ присутствіи Епископа, Ноаншеля, который самъ прибылъ въ Бастилію, Лаунай,

Бургета, Башира, также лѣкаря и аптекаря Бастиліи. Кубъ стоялъ въ печкѣ 2 $\frac{1}{2}$ часа, послѣ чего де л'Иль его вынулъ и нашель въ пріемникѣ только полстакана воды вмѣсто ртутія, который онъ думалъ найти; кубъ разбился нечаянно; Епископъ собралъ мешаллическій порошокъ и взялъ оный и полстакана воды съ собою. 1 го Ноября Епископъ и Бургеть принесли де л'Илю обратно мешаллическій порошокъ и сказали, что тогда много огня разложено было; ибо порошокъ сгорѣлъ опъ часпи; они единодушно согласились, чшобъ Епископъ въ шопъ же вечеръ прислалъ де л'Илю оспашокъ запасеннаго мешаллическаго порошка, философской воды, солнѣчнаго масла и упомянутой полстакана воды, дабы онъ снова могъ начать свою работу, что и исполнено; послѣ сего онъ нѣсколько дней отдохнулъ, чшобъ въ сіе время масса лучше могла соединиться; а 21, 23, 28 и 29 го Ноября снова производилась работа. 11 го Декабря де л'Иль сдѣлалъ шопъ же опытъ въ присутствіи Епископа, Лауна и Губернатора Бернавилье, который онъ производилъ при Ноапшелъ, но успѣхъ былъ также неудаченъ. Губернатора Бернавилье почти безпрестанно призывали къ симъ работамъ и опытамъ, потому что онъ долженъ былъ по повелѣнію Двора снабжать де л'Иля матеріалами, инструментомъ и всѣмъ ему нужнымъ. Послѣ всякаго засѣданія Губернаторъ запечатывалъ употребляемыя матеріалы своей печатью, и всякой разъ, когда работа производилась, онъ показывалъ запечатанныя склянки, которые печатались иногда и де л'Илевою печатью, занося всякой разъ своеручно въ пропocolъ: въ шакой-шо день и въ шакой-шо часъ я снялъ мою печать

и за оной находившіеся у меня подь сохраненіемъ матеріалы выдалъ, или въ такой-то день и часъ ввѣренныя мнѣ матеріалы принялъ я обратню подь моею печатью въ сохраненіе. Епископъ Сенецкій былъ такъ увѣренъ въ достовѣрности искусства де Л'Иля, въ честномъ и ошкременномъ образѣ его мыслей, что часто въ комнатахъ, гдѣ производились химическіе опыты, онъ падалъ на колѣна и молилъ Бога о благословеніи сей работы и дарованіи успѣха въ оной.

18 го Января 1712 года прислана изъ Прованса отъ Аббата Сенсъ-Обанскаго къ господину Ноантелю сѣклянка, коюрая открыта была въ присутствіи Епископа Сенецкаго и Бургета; въ оной ничего не нашли, кромѣ нѣсколькихъ нравъ *lunaria major*, смѣшанную соршую, осташокъ за нѣсколько времени сими художникомъ производимыхъ смѣшеній; пробовали оную въ присутствіи вышеозначенныхъ господъ и еще лѣкаря и аптекаря Баспили, положили въ сѣклянку, запечатавъ Епископскою печатью. 20 Января сѣклянка была опять открыта при прежнихъ свидѣтеляхъ и произведеніе сошюмо въ небольшомъ количествѣ порошка, приспособаго къ сосуду; и болѣе ничего. Наконецъ 27 го Января заключено учинить де Л'Илю допросъ по формѣ, и Аржансонъ приступилъ къ оному. Съ сей минуты де Л'Иль примѣнно спалъ груститъ и ни о чемъ болѣе не говорилъ, какъ о смерти; чѣтыре дня спустя, по естѣ 31 Января, философъ нашъ найденъ мертвой въ постелѣ. По утру онъ сдѣлался нездоровъ рвотою, коюрой онъ часто былъ подверженъ, и коюрая возобновлялась какъ

дья два часа; подь вечерь онь почувствовалъ слабость, потерялъ упоупребленіе языка и умеръ, такъ что никто того не замѣнилъ. Онъ весь день геворилъ, ѣлъ бульонъ, пилъ много, что онъ обыкновенно дѣлалъ при такомъ припадкѣ, и потому Губернаторъ и слуги почли его смерть скородоспичною. Аржансонъ отправился на другой день весьма рано въ Басшилю осматрѣть тѣло, приказавъ анатомировать оно и сдѣлать описаніе болѣзни, что и исполнено въ 6 часовъ вечера за отсутствіемъ Басшильскаго, Королевскимъ докторомъ и лѣкарями Парижскимъ и Басшильскимъ. Въ описаніи своемъ онъ говоритъ, что де л'Иль умеръ не отъ яда, и что причины его смерти весьма естественны; что или основательно доказано; между тѣмъ удивительно, что Аржансонъ доноситъ господину Ноантелю отъ 3го Февраля 1712 года при пересылкѣ рапорша лѣкарей, что онъ еще имѣетъ подозрѣніе въ неестественной смерти де л'Иля, причины чему онъ лично ему объявилъ хотѣлъ; сверхъ того въ своемъ рапортѣ Аржансонъ, упоминая о Парижскомъ лѣкарѣ, говоритъ, что онъ лѣчилъ и перевязывалъ раны де л'Иля. Если сіе дѣйствительно такъ было, то оно должно случиться въ Парижѣ; но нигдѣ не замѣчено, чтобы де л'Иль въ Парижѣ или Басшиліи былъ раненъ; въ Парижѣ же онъ не могъ быть раненъ, ибо привезенъ туда подь прикрытіемъ и пошъ же часъ зданъ въ Басшилю. Такимъ образомъ кончились и жизнь де л'Иля и съ нею предьявляемое имъ искусство дѣлать золото и серебро.

11го Февраля 1712 года, 12 дней по смерти его отправились Аржансонъ съ Лаунаемъ Директоромъ мо-

натнаго двора, въ Бастилію, чтобы здать сему послѣднему всё на лицо имѣвшіеся матеріалы, въ полученіи коихъ Лаунай росписался въ протоколъ того же дня. На другой день 12 Февраля сочинена Аржансономъ другая вѣдомость, изъ которой видно, что Лаунай велѣлъ во весь шопъ день продолжать два пачашья де л'Илемъ химическіе процесса, дабы опдѣлить содержавшееся въ оныхъ золоша, коего получено дѣйствительно $6 \frac{1}{2}$ квеншловъ 22-кратнаго золоша, которое Аржансонъ послалъ Генераль-Контролеру Десмарецу при письмѣ опъ 14 Февраля; въ семъ письмѣ онъ называетъ де л'Иля обманщикомъ, употреблявшемъ во зло легковѣрность многихъ особъ. Въ Ноябрь того же года просила вдова де л'Иля о выдачѣ ей платья и прочаго наслѣдства послѣ мужа ея оспававшагося въ Бастиліи, что и исполнено по повелѣнію Короля. Такимъ образомъ кончилась исторія сего Алхимика, возбуждавшая тогда большое вниманіе.

XII.

ГЕРЦОГЪ РИШЕЛЬЕ 1716 ГОДА 4 МАРТА.

Сей Ришелье есть шопъ знаменитый Маршалъ, который начальствовалъ въ семилѣтнюю войну въ Германіи и умеръ за нѣсколько времени до революціи въ Парижѣ въ глубокой старости. Онъ былъ посаженъ въ Бастилію 4 го Марта 1716 года за дуэль съ Графомъ Моршиньономъ, будучи 20 или 21 года опъ роду. Въ Ба-

спиліи содержался онь при раза: первой 22 Апрелья 1713 года, будучи еще Герцогомъ Фронсакомъ, а два послѣдніе: 4 го Марша 1716 и 28 Марша 1719 годовъ, Герцогомъ Ришельё. Причиною перваго его заключенія были любовныя его связи съ одною особою, у которой его заспалъ господинъ Кавое, сообщившій пошъ же часъ объ ономъ господѣ Меншепонъ; въ Баспилю же самъ отецъ привезъ его тогда. Причиною вторичнаго его ареста была, какъ мы выше замѣтили, дуэль его съ Графомъ Моршиньяномъ. Въ одной оперѣ Герцогъ Ришелье показывалъ публично Вахвова поржештво, на которомъ Графиня Моршиньянъ, по его словамъ, была главною жрицею, за что мужъ ея вызвалъ его на поединокъ и ранилъ его; а чшобы удалить его отъ преслѣдованія Парламенша, который присвоилъ себѣ право судить Герцоговъ и Шеровъ Франціи, по его посадили въ Баспилю.

Къ заключенію же его въ 1719 мѣ году подала поводъ дѣвица Валоа, дочь Регенша, послѣ бывшая Герцогиня Моденская. Она называлась Шарлотта Аглая, была смертельно влюблена въ Герцога, который въ то же время имѣлъ семь или восемь другихъ любовныхъ интригъ. Любовныя письма ихъ находятся еще въ цѣлости. Дочь Регенша оказываесть въ письмахъ своихъ живѣйшее прискорбіе о томъ, что должна была ѣхать въ Модену. Съ дороги отъ Парижа въ Лионъ писала сія Принцесса къ Герцогу до 30 писемъ весьма печальнаго содержанія.

25 го Августя, 1786 года Герцогъ посѣщалъ Баспилю и входилъ на всѣ башни, хоня имѣлъ тогда отъ роду 90 лѣтъ 5 мѣяцевъ и 12 дней.

XIII.

ВОЛЬТЕРЪ.

Въ проповѣдѣ спашья о немъ слѣдующаго содержания :

„Францъ Марія Аруешъ, 29 лѣтъ, родомъ изъ Парижа, сынъ Аруеша, Казначея Счешной Экспедиціи, посаженъ въ Баспилю 17-го Маія 1717 года за сочиненіе разныхъ оскорбительныхъ стихотвореній на Регента и Герцогиню Берри.

Онъ говорилъ также въ присутствіи многихъ особъ, что такъ какъ онъ ничѣмъ не можетъ опастить Герцогу Орлеанскому, то не пощадитъ его, но крайней мѣрѣ, въ своихъ стихотвореніяхъ. Когда же его нѣкто спросилъ: чѣмъ его обидѣлъ его Королевское Величество? то онъ вскочилъ какъ бѣшеный и отвѣчалъ : „Какъ! развѣ вы не знаете, что онъ меня послалъ въ ссылку за то, что я доказалъ публикѣ, что онъ порабощилъ себя недостойной его страсти?“ Господинъ Аруешъ былъ сосланъ въ Тулмезъ 15 го Маія 1716 года; но его Королевское Величество позволилъ опцу, чтобы сынъ его выбралъ себѣ мѣстномъ ссылкѣ Сюлли на Лоарѣ: ибо такъ какъ онъ имѣлъ тамъ родныхъ, то и надѣялись, что они разговорами и примѣрами своими слѣлають его умнѣе и умѣрають излишнюю его дивость.

Изъ Баспили онъ былъ выпущенъ 11 го Апрѣля 1718 года и вступилъ опять въ оную 28 Марша 1726

года; второе его освобождение воспослѣдовало 28 Апрѣля того же года. Вольшеръ былъ обиженъ Кавалеромъ Роганъ-Шабопомъ; искалъ случая отмститьъ ему и былъ за то посаженъ въ Басшилю. Онъ писалъ тогда къ Парижскому Министру : позволете мнѣ вамъ всенижайше предсавить, что храбрый Кавалеръ Роганъ-Шабошъ напалъ на меня измѣнническимъ образомъ въ сопровожденіи еще шести разбойниковъ, за которыхъ онъ весьма мужественно спрятался. Съ тѣхъ поръ хотя я употреблялъ все стараніе возстановить не мою, а его честь, но оцѣ было слишкомъ трудно. Я дѣйствительно былъ въ Версалии; однакожъ не справедливо, чтобы приказывалъ вызывать Кавалера Роганъ-Шабоша опѣ Кардинала Рогана,

XIV.

Заговоръ въ Бретаньи 1718 года.

Онъ случился въ малолѣтствѣ Людовика XV и въ правленіе Герцога Орлеанскаго. Людвигъ Бригольдъ, монахъ изъ монастыря Лионскаго, былъ по сему дѣлу привезенъ въ Басшилю 9 Декабря 1718 года. Онъ принадлежалъ къ числу лицъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ Герцога и Герцогини Менскихъ. Намѣреніе ихъ было во первыхъ взять сторону удаленныхъ Принцовъ, противъ Принцовъ крови; 2) ослабить силу Правителя и споспѣшествовать Королю Испанскому, чтобы и онъ мѣгъ получить участіе въ правленіи государства; 3) дославить Герцогу Мен-

скому всю власть и силу, которая ему покойный Государь далъ своимъ завѣщаніемъ.

Всѣ сіи происки и пронырства Бригольта и его приверженцевъ были причиною Испанской войны въ 1719 году и заговора въ Бретани. Заговорщики хотѣли передать правленіе Филиппу V, созвать Государственные Чины, ввести ихъ въ прежнія права, членамъ Парламента возвратити свободу и заславити народъ поступать сообразно намѣреніямъ Испанскаго Министерства. Часть Дворянства въ Бретани взбунтовалась противъ Короля и вооруженною рукою сопротивлялась возвышенію подапей. Захваченные бунтовщики были привезены въ замокъ Нантскій и для допроса ихъ учреждена была особенная Коммисія. Число виновныхъ простиралось до 148 человекъ, изъ коихъ четвертымъ отрублены головы, а прочіе погибли на эшафотѣ.

XV.

Нѣкоторыя извѣстія о Янсенистахъ.

Безпокойства, происшедшія въ Парижѣ отъ Янсенистовъ, получили начало свое въ Епархіяхъ Сентъ-Ешпленн дю Монской и Сентъ-Медардской. Слѣдствіемъ оныхъ были извѣстныя чудеса Париса, возникшія тогда Конвульсіонисты и отказъ извѣстнѣйшимъ фанатикамъ сей секты въ приобщеніи Святыхъ Тайнъ.

Весьма легко было, говорить Полицей-Лейтенантъ Герольдъ, попушишь сіе зло, сіи соблазнительные догматическіе распри въ самомъ началѣ ихъ, ежели бы только показали примѣръ строгости надъ главными зачинщиками, которые не хотѣли признашь двухъ новопоспавденныхъ Священниковъ. Въспно шого, чшобы ихъ посадишь въ Баспилю и въ примѣръ другимъ продержашь ихъ по долге въ оной, медляли употребишь противъ нихъ власть, довольствовались изгнаніемъ только нѣкоторыхъ изъ Парижа, которыми чрезъ нѣсколько времени позволили опять возвращаться, Янсенисты вообразили, что ихъ опасаются, число приверженцевъ ихъ умножалось, въ продолженіи времени они укоренялись болѣе и болѣе и кончилось шѣмъ, что они въ вышеупомянутыхъ Епархіяхъ, особенно въ Сентъ-Медардской, открыли совершенную фабрику чудесъ и конвульсіонныхъ явленій. Въ Сентъ-Медардѣ оспавляли ихъ почти цѣлый годъ въ покоѣ, почему они безпрепятственно опсправляли свои дѣла какъ шупъ, шакъ и въ домѣ Париса, гдѣ онъ умеръ, и гдѣ воду изъ колодца его продавали въ видѣ воды очистишельной. 1732 году не запирали небольшого Сентъ-Медардскаго кладбища; промедлили Королевскимъ указомъ до слѣдующаго года, котораго и шогда не слушались, довольствовались прекращеніемъ иногда нѣкоторыхъ собраний, не дѣлая никакихъ выговоровъ владѣльцамъ домовъ за сіи сборища; а по кратковременномъ содержаніи въ Баспилиі выпускали шакже и Конвульсіонистовъ. Парламентъ, коему поручено было изслѣдовать сіи дѣла, ни по одному не учинилъ надлежащаго рѣшенія, и опъ чего и не прекращались шакъ долго сіи догматическія распри,

ними чудеса и соблазнительныя явленія. Отъ упущенія предварительныхъ мѣръ, безпокойства безпрестанно умножались. Чудеса Париса и отъ этого происшедшія конвульсіи начались, какъ можно полагать, съ смертію его, случившеюся 1 го Маія 1727 года. Сіи явленія, происходившія въ столицѣ Королевства, принадлежатъ бесспорно къ достопамятнѣйшимъ происшествіямъ Французской монархіи, и попомощво съ трудомъ повѣришь, что цѣлыя обществу, цѣлыя сословія и множество умныхъ людей могли вѣришь симъ чудесамъ, могли защищать ихъ у Короля и народа, и выдавать ихъ за истинныя непреложныя!...

Парисъ былъ старшій сынъ одного Парламентскаго Совѣтника въ Парижѣ. Дабы совершенно посвятивъ себя набожнымъ размышленіямъ, онъ уступилъ по смерти отца своего мѣсто Парламентскаго Совѣтника младшему брату. Парисъ умеръ 36 лѣтъ, упорствуя въ своихъ мнѣніяхъ. На смертномъ одрѣ онъ причастился и сѣборовался масломъ, не бывъ 14 лѣтъ у Святаго Причастія подъ тѣмъ предлогомъ, что недостойнъ онаго; за день до смерти подписалъ свое завѣщаніе, а одному духовному, жившему у него въ домѣ, диктовалъ свое исповѣданіе вѣры и завѣщалъ похоронить себя безъ всякой пышности и, какъ бѣдняка, на общемъ кладбищѣ. Смерть постигла его 1 го Маія въ 10 часовъ, а на другой день весьма рано было уже большое спеченіе народа около одра его; обрѣзывали волоса его, прикасались къ тѣлу розовыми вѣнками, и проч; всѣ его плащя и домашніе уборы раздѣлены были по часямъ. 3 го Маія онъ похороненъ на малень-

комъ кладбищѣ Сентъ-Медардскомъ, позадиглавнаго алтаря, и при похоронахъ его было невѣроятное сгеченіе знапныхъ чиновниковъ, духовенства и женщинъ. Девять дней послѣ смерти Париса умеръ Руссе, Каноникъ изъ Авеная, особенно уважаемый своими приверженцами. Кардиналъ Ноаль явилъ себя ревностнымъ защитникомъ всего того, что ни приписывали Парису и Руссѣ; даже нѣкоторыя изъ ихъ чудесъ велѣлъ совершенно разсмотрѣть и объявить оныя дѣйствительными. Кардиналъ Флери, узнавъ о томъ, препоручилъ Канцлеру, чтобы онъ извѣстилъ писменно Кардинала Ноаля, что поступки его, относительно сего дѣла весьма непріятны Королю.

Во всѣхъ столѣтіяхъ ходъ и дѣйствіе суевѣрія, частныхъ выгодъ, предразсудковъ, спрасней и ненависти парсій между собою были одинаковы. Молинисты съ своей стороны старались выказать справедливую сторону Папы и нелицепосность чудесъ Парисовыхъ, съ тѣмъ чтобы только имъ однимъ играть въ свѣтѣ важную роль; однако мало по малу удалось здравому разсудку уничтожить объ сектѣ и шеперь оныя подверглись совершенному забвенію.

XVI.

ДѢЛА БУРДОННЕ, ГУБЕРНАТОРЪ ОСТРОВОВЪ
ИЛЬ-ДЕ-ФРАНСА И БУРБОНА.

Онъ начальствовалъ въ Индіи эскадрою и взялъ у Англичанъ Мадрасъ. Его обвиняли, что онъ во время

начальства своего дѣлалъ разныя обманы и хищенія. Изъ спашей прошокола явствуешь, что часть его флота, вскорѣ по взятіи острововъ Мадраса, погибла отъ бури; извѣстно также, что для изслѣдованія его дѣла наименована была Королемъ особенная Коммисія, которая оправдала его во всѣхъ отношеніяхъ и признала его достойнымъ свободы; по другимъ извѣстіямъ, онъ былъ весьма богатъ и получалъ болѣе 300,000 ливровъ ежегоднаго дохода, не взирая на то, что долженъ былъ заплачивать казенные убытки на 18 мил., и потому его обвиняли, что онъ обогатился на счетъ казны. Де-ла Бурдонне пашель во время своего заключенія случай чрезъ одного караульнаго унтеръ-офицера имѣть переписку въ Басилии, которая открыта слѣдующимъ образомъ. Унтеръ-офицеръ, стоявшій въ караулъ у внутреннихъ воротъ замка, замѣченъ былъ въ разговоръ съ Бурдонне, который во время прогулки своей по внутреннему двору прошедъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ, подалъ по поданному знаку въ рѣшетку унтеръ-офицеру небольшой пакетъ, завернутый въ обверточную бумагу; одинъ изъ приворошниковъ видѣлъ оное собственными глазами и увѣдомилъ о томъ Поручика, который только что вошелъ на дворъ; онъ сей часъ пашель пакетъ за буткой, куда караульной полкнулъ его ногою. О семъ происшествіи донесено было Аржансону и пакетъ распечатанъ по его приказанію въ присутствіи де-ла Бурдонне, унтеръ-офицера и еще двухъ членовъ слѣдственной Коммисіи. Въ конвертѣ ничего не нашли, кромѣ копій съ письменнаго защищенія, которое де-ла Бурдонне подалъ судьямъ своимъ, написанное на 85 страницахъ почтовой бумаги мелкимъ

письмомъ и еще записку къ его супругѣ на полчетвертушкѣ, слѣдующаго содержанія: „Я посылаю тебѣ при семъ копію съ объясненія, поданнаго мною въ Коммисію. Бѣловое было не много лучшаго слога, но смыслъ все шопъ же. Ежели оно вѣрно дойдетъ къ тебѣ, моя любезная, то думаю, ты хорошо сдѣлаешь, ежели доставишь оное своему адвокату, чтобы онъ напередъ сочинилъ по оному маленькое защищеніе, для передачи судѣ до рѣшенія. Я оставилъ у себя копію для доставленія судѣ въ случаѣ, ежели бы онъ настоялъ на томъ, чтобы не позволилъ мнѣ никакого совѣщанія; напиши мнѣ: хорошо ли я поступилъ? Я счелъ нужнымъ послать къ тебѣ сіе сочиненіе, чтобы ты сдѣлала изъ него употребленіе, какое тебѣ покажется нужнымъ; ибо я всѣмъ буду доволенъ. Я ожидаю господина Вильнёва, моего адвоката, который велѣлъ мнѣ сказать, что дѣло мое скоро кончится: тѣмъ лучше; въ разсужденіи же меня, ты можешь быть совершенно покойна, ибо я ничего не боюсь, кромѣ невѣднія моихъ судей въ относящемся до состоянія Индій и Морскихъ дѣлъ, и по преступленію моему не заслуживаю даже и сущаго ареста. Въ разсужденіи моего здоровья, ты также можешь быть покойна; мысль увидѣшь тебя еще разъ прежде смарши, заставляешь меня прилагать о себѣ всякое спараніе; правда я имѣлъ не большую опухоль на ногахъ; но съ тѣхъ поръ какъ дѣлаю движеніе она уменьшается. Я просилъ тебя о лѣкарствахъ; но мой пріятель не хочетъ доставить письма моего; равно и тѣхъ не пропускаетъ, которые ежели бы ты ихъ показала кому возбудили сожалѣніе и объявилъ мнѣ сердито, что ни одно письмо, въ которомъ я буду гово-

рись о моемъ нездоровьѣ, не будетъ пропущено; но ты знаешь какимъ образомъ я могу доставлять тебѣ вѣрныя о себѣ извѣстія; ты можешь положиться на то, что я пишу къ тебѣ. Обойми моихъ дѣтей и скажи сама себѣ, мой любезной другъ, всѣ мои чувства къ тебѣ. Будь здорова, я обнимаю тебя ошъ всего моего сердца. 14 го Января 1750 года.

Господинъ де-ла Бурдонне призналъ записку свою; до отпущенія его согласія съ унтеръ-офицеромъ предоставляли ему вольности и облегченія, которыя впрочемъ никому изъ заключенныхъ не позволялись; къ нему пропускали изъ дома всякія припасы, приготавливаемые ему въ Басилии по его вкусу; ему давали чернилъ, бумаги, перьевъ и всякую книгу, которая приносила ему удовольствіе. Члены Коммисіи согласились даже на то, чтобы онъ читалъ журналъ Меркурій и Французскія газеты; онъ имѣлъ позволеніе три раза въ недѣлю и по полутора часу ходить по двору замка; но послѣ упомянушаго происшествія съ унтеръ-офицеромъ, ему все запрещено. Унтеръ-офицеръ былъ выгнанъ изъ роши и вычеркнутъ изъ списковъ Королевскаго Инвалиднаго дома. Сей бѣдникъ сошелъ съ ума во время своего заключенія и при освобожденіи своемъ въ 1751 году должно было отдать его на попеченіе одной родственницѣ его въ Лионъ, а господинъ де-ла Бурдонне освобожденъ въ тошъ же день 5 го Фаврала 1751 года. Наши читатели, можете быть любопытны будущъ знать дальнѣйшую судьбу господина де-ла Бурдонне и печальную кончину его. Сія самая имѣла въ видѣ любимая супруга здѣлалась ему невѣрна и

ушла въ его опсущствіе съ однимъ его сослуживцемъ; онъ ихъ преслѣдовалъ и пакъ разгорячился, что сдѣлался болѣнь; ему прописали лѣкарство, а лѣкаръ по неосмотрительности своей далъ спирту, отъ чего больной умеръ въ жестокомъ мученіи.

XVIII.

РАЗВРАТНЫЙ СЫНЬ.

Господинъ Таппинъ де Квилле, сынъ Королевскаго Совѣтника, былъ заключенъ въ Баспилю 7 го Февраля 1757 года. Сей молодой человекъ развратнымъ поведеніемъ своимъ и мотовствомъ имѣлъ несчастіе раздражить отца своего до такой степени, что онъ исходатайствовалъ у Короля повелѣніе посадить его въ Пьеръ-Ань-Сизу, а потомъ въ Сенсъ-Михельсбергъ. Дабы освободиться изъ сей послѣдней темницы, вздумалъ онъ писать ко Двору, что ему извѣстно нѣсколько дѣлъ *Даміена* (*), что и послужило дѣйствительно поводомъ къ переводу его въ Баспилю, гдѣ, какъ кажешся, онъ долго пробылъ. Такъ какъ сія Исторія можетъ служить урокомъ, какъ непокорнымъ дѣшамъ, пакъ и жестокимъ родителемъ, а равно и доказательствомъ, что несчастною поспѣшностію исходатайшвовашъ аресты скорѣе

(*). Извѣстно, что Даміень покушался убить Людовика XV.
См. записки того времени.

можно споспѣшествовать поношенію и паденію семейства, чѣмъ ея благосостоянію, почему и помѣстимъ здѣсь рядъ писемъ сего несчастнаго, который подтвердятъ наше мнѣніе.

Сей молодой человекъ привезенъ въ Сеншъ-Михельсбергъ 15 Февраля 1755 года, откуда онъ убѣжалъ съ семьєю поварихами своими 28 го погоже мѣсяца; но всѣ вмѣстѣ пойманы 7 го Марта.

Первое письмо сего молодаго человека къ Бену :

Государь мой! грубое обращеніе монаховъ принудило меня бѣжать изъ Михельсберга 28 Февраля и подвергаться величайшимъ опасностямъ, будучи принужденъ спуститься съ высоты 300 фушъ. Марта 7 го пойманъ я опять въ Ернеѣ придцатью человекими съ примкнутыми шпыками; я нахожусь опять въ жестокихъ рукахъ; но они меня не долго удержашъ; ибо я рѣшился на все для полученія опять свободы, съ пожертвованіемъ даже жизни, копорю и безъ того не дорожу; ибо я подвергалъ ее опасности съ величайшею рѣшимостію. Море, по копорому я скитался цѣлыя 12 часовъ, мнѣ теперь извѣстно; и пошому вы меня чрезвычайно обяжете, ежели объявите о семъ далѣ. Я пожертвую жизнью для моего освобожденія: заключеніе для меня люте смерши. И не въ состояніи выдерживать болѣе голода, лишенія дневнаго свѣта и теплоты; и пошому уговорите отца моего, чтобы онъ позволилъ служить мнѣ волонперомъ въ Морскихъ войскахъ, а деньги, употребляемыя имъ на содержанія мое здѣсь, оставяя у себя для уплаты долговъ

моихъ, ежели онъ не хочетъ нанести себѣ огорченія; а фамиліи свей спыда; ибо я твердо рѣшился всѣмъ пожертвовашь для моего освобожденія. Уговаривайте его настоятельно въ мою пользу; ибо время коротко, и я предаюсь величайшему опчаянію. Я всего надѣюсь отъ вашего великодушія и полагаюсь на васъ, какъ на искреннѣйшаго моего друга. Со всѣмъ возможнымъ высокопочитаніемъ пребуду я вашъ покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга де Квилле Фугересъ 7 го Марша 1755.

Второе письмо его къ госпожѣ Варнѣ 8го Марша 1755.

Милоспивая Государыня!

Я предпринялъ бѣгство изъ Сенпъ-Михельсберга и спустился 300 футь вышины для избѣжанія бѣшенства монаховъ. Три раза подвергалъ я опасности жизнь мою, чтобы 7 дней пользовашься свободою. 7 го Марша основленъ я 30ю человекѣми съ примкнутыми шпыками и у одного осѣлось ружье у груди моей; но всѣ сіи нещастія меня не убиваютъ. Я хочу освободиться и умереть, или спражи мои должны погибнуть; ибо я въ опчаяніи. Пресупленіе сдѣлаешся для меня добродѣшью, и мой отецъ долженъ къ тому готовиться, ежели онъ не возвратитъ мнѣ свободы. Я о томъ только прошу васъ, чтобы позволили мнѣ опредѣлиться въ Морскую службу; не ужасно ли и въ такой бездѣлицѣ мнѣ отказываютъ? ибо я просилъ только мѣсто волонтера. Отецъ мой платитъ 600 ливровъ за мое содержаніе и, не взирая на сіе, я долженъ перепитъ голодь. Постарайшесь, Милоспивая Государыня! обо мнѣ настоятельно и

удержите моихъ родителей, чшобъ они не нанесли безчестія своему дому; ибо заключеніе ожесточитъ мою душу. Имѣю честь пребыть съ величайшимъ почтеніемъ и таковою же преданностію; Милоспивая Государыня, вашъ покорный слуга Таппинъ де Квилле Фугересь. 8 го Марта, 1755.

Третье письмо господина Таппина ошца.

Приложенное при семъ письмо писалъ мой несчастный сынъ совсѣмъ неисповснвомъ челоѡвка, пошеряваго разсудокъ. Въ концѣ своего письма изъявляетъ онъ желаніе служить на морѣ. Когда онъ выпущенъ былъ изъ Пьеръ-Анъ-Сизы, то просилъ меня о опредѣленіи его въ Аршиллерію; я доспалъ ему въ оной мѣсто Сѣрнумератора. 15 го Септября 1754 года онъ былъ принятъ господиномъ д'Ивилье, Маршаломъ Кампейскимъ и Комменданшомъ Сшразбургскаго Аршиллерійскаго училища, въ его полкъ, въ которомъ едва пробывъ мѣсяцъ долженъ былъ идти по повелѣнію Комменданша сего опять въ шемницу, изъ коей освобожденъ единшвенно по прозьбѣ Маркиза Тубушопскаго, который однакожъ его пошчасъ ошправилъ съ курьеромъ въ Парижъ, куда онъ и прибылъ 19 го Декабря. Сіе доказываетъ письмо сына моего къ нему изъ Орлеана, въ которомъ онъ проситъ увѣдомить его, что говоряшъ въ полку о его бѣгствѣ. съ 1750 году находясь въ разныхъ шемницахъ онъ году не былъ на свободѣ, и не взирая на шакое малое время онъ во всѣхъ городахъ, въ коихъ находился задолжалъ болѣе

250,000 ливровъ. Онъ угрожаетъ въ семь писемъ погубить или себя или монаховъ, ежели ему не возвращашъ свободы.

Четвертое письмо молодого Ташина къ сестрѣ.

Любезная сестра! я не получаю извѣстій ни отъ тебя, ни отъ кого либо другаго и какъ кажешся, все равно, что я умеръ для человѣческаго общества. Я, такъ скажешь, погребенъ живой. Но, любезная сестра; сіе давно бы кончилось, ежели бы тебя не было; ибо въ такомъ случаѣ я за дерзость давно бы наказалъ спорожа, копорый говоришь со мною, только для моего мученія и не иначе какъ, съ пистолетами въ карманѣ; но по любви моей къ тебѣ щажу тебя. Для тебя только обуздываю кипящія мои страсти, влекущій меня къ убійству. Ахъ! сія дружба, копорую я къ тебѣ питаю, стоишь мнѣ неисчислимыхъ спраданій; мечь, копорая для всякаго челоука имѣетъ столько прелестей, была бы для меня еще безцѣннѣе, ежели бы при мщеніи я сдѣлалъ одно преступленіе и могъ произвести оное, не нанося тебѣ безчестія, но къ несчастію, наказаніе дѣйствуешь во Франціи не на одного преступника; но и на родственниковъ его; и потому я долженъ погибнуть, не смѣя опмститься за себя, ибо не могу сдѣлать сего не вреда тебѣ. Пущь тысяча спраданій противъ меня совокупающся; пущь смерть похититъ меня съ лица земнаго, мохъ мыслей ничто не переменитъ; я буду грызть свои оковы; но буду съ цвердостію переносить все, чтобы внимать только

тому, что мнѣ сердце мое за тебя внушаетъ, и потому
 будь покойна и увѣрена, что моихъ мыслей ничто не мо-
 жешь перемѣнить. Но прошу, чтобы и ты зашлапила
 мнѣ за любовь мою, ежели можешь сдѣлать сіе не оби-
 жая твоихъ родителей; ибо ежели ты должна ненави-
 дѣть меня, чтобы угодить имъ, то дѣлай сіе: я себя
 за то еще сильнѣе любить буду. > Единственная моя
 просьба къ тебѣ состоитъ въ томъ, чтобы ты была
 щаслива, и ежели я сіе узнаю, то не менѣе тебя буду
 щасливъ на солонѣ, съ черствымъ кускомъ хлѣба и
 пивши цидекъ, кошорый горче сока изъ Колоквиша или
 Алоя. Желаю особенно, чтобы заключеніе мое не раздра-
 жило тебя противъ твоихъ родителей; ибо самыя
 ошибки должны быть для тебя предметомъ уваженія, и
 гласъ природы безмолвствуетъ при гласѣ обязанности.
 Послѣ перваго моего побѣга я могъ бы уже опять три
 раза уйти, ежели бы имѣлъ храбрыхъ товарищей; но они
 могутъ еще исправиться, и потому я не теряю надежды
 уйти. Ежели мнѣ удастся уйсѣ, то я поѣду въ Англію,
 чтобы сыскать себѣ мамъ отца и отечество, и увѣренъ,
 что получу мамъ должность. Прощай, любезная
 моя сестра! будь щаслива, береги свое здоровье, укра-
 шай сколько можешь душу свою, посвящай себя чтенію
 хорошихъ писателей; ибо образованный умъ большая
 помощь во всѣхъ случаяхъ; особенно же будь твердо увѣре-
 на, что никто такъ не любитъ тебя, какъ твой слуга
 и братъ Тапцинь Квилле 1 го Сентября 1754 года.

Р. С. Всѣмъ нашимъ пріятелямъ мое усердное по-
 чтеніе. Я заблинаю тебя приобрести любовь господина и

госпожи Варнье, которыхъ я чрезвычайно почитаю. Всякое письмо сгоришь мнѣ здѣсь деньгами, плашьемъ и другими вещами Солъе лудора, пошому что здѣсь на все налогъ.

Пятое письмо опца Фреснеля, наспояшеля Сеньтъ-Михельсбергскаго.

Государь мой! я долженъ васъ увѣдожить, что сынъ вашъ взялъ опсюда нынѣшнюю ночь, для перевезенія его въ Баспилю; онъ нашель средство увѣдомишь Дворъ, что онъ имѣеть нѣкоторыя свѣдѣнія о ужасномъ поступкѣ, учиненномъ надъ особою Его Королевскаго Величества, и пошому я получилъ повелѣнїе опдашь его на руки господъ Кастелнота и Лиегу; дальнѣйшихъ же подробностей я не могу вамъ шеперь описашь пошому, что почша спѣшнѣ, присовокупляю только къ сему, что онъ съ величайшею радостію удалился опсюда, ибо надѣялся, что сія пересылка будетъ способствоватьъ къ его освобожденію. Имѣю честь и проч: С: Михельсбергъ 2 Февраля 1757.

Шестое письмо господина Таппина опца.

Любезный другъ! Вы найдете приложенныя при семь два письма нещаснаго моего сына, въ которыхъ заключается столько же злобы какъ и въ шѣхъ, которыя вы уже имѣете. Я прошу вашей помощи для исходатайшования указа о заключеніи его на всю жизнь: начальство обязано симъ самой справедливости. Подумайте сами, чего спомло сіе природнымъ моимъ чувствомъ и ро-

дительской моей нѣжности въ продолженіи многихъ лѣтъ. Я удрученъ совершенно печалію при мысли о моемъ сынѣ. Прощайте, любезный другъ! обнимаю васъ опъ всего сердца; но не имѣю болѣе силъ писать къ вамъ еще. Тап-пинъ 22 Февраля 1757. Я перешлю вамъ еще 14 писемъ сего несчастнаго, писанныя одинакимъ шрифтомъ съ наспо-ящимъ.

XIX.

**Госпожа Б . . . первая Каммеръ Фрейлина
тогдашней Дофини, послѣ бывшей Коро-
левы Французской.**

Она выпущена изъ Баспиліи 21, а посажена въ оную 3 го Іюня 1761 года за то, что продала алмазы и другія драгоценныя вещи принадлежавшія Дофинѣ. Она сдѣлала сама письменное объясненіе свое 5 го Іюня 1761 года слѣдующаго содержанія :

Я сознаюсь и объявляю, что точно я продала Фермуаръ и алмазы, бывшія на окладѣ образа, за 11,000 франковъ Жидамъ и Ювелиру Гвидамуру, не будучи вынуждена къ тому недостаткомъ въ деньгахъ. Я признаюсь въ семъ преступленіи съ расперзаннымъ и раскаявающимся сердцемъ. Фермуаръ нашла я между комодомъ и стуалетомъ, а образъ у ножки кресель, на коихъ лежало платье. Онъ былъ скрытъ также частію занавѣсомъ. Я клянусь, что я учинила только сіи два преступ-

пленія, которыхъ однако доспащочно сдѣлашь меня презрительною въ собщвенныхъ глазахъ моихъ; денегъ же никогда не брала и не имѣла намѣренія брать ихъ. Я прошу прощенія у Бога и моего Государя. Всякую минуту, которую проживу еще я употреблю на покаяніе въ семъ ужасномъ дѣлѣ.

Изъ Баспили она переведена въ женскій монастырь Моншарельскій въ Брешань, изъ котораго она скрылась 21 го Ноября 1761 года, ушла въ Парижъ, а опшуда въ Версалію, гдѣ была опять взята и опослана въ монастырь Св. Пелагеи, гдѣ находилась еще въ 1768.

Она была грудная сестра погдашняго Дафина и послѣ бывшаго Короля. Въ одной запискѣ, найденной въ дѣлахъ ея, упоминается о заемѣ 150,000 ливровъ, сдѣланномъ посредствомъ ея у одного купца на имя и счетъ Дофины. Сего купца увѣрили, что симъ угожденіемъ приобришеть онъ покровительство сей Принцессы въ двухъ прожектахъ, которые онъ подалъ двумъ Министрамъ.

XX.

РАСТОЧЕННЫЕ МИЛЛІОНЫ ВЪ КАНАДѢ 1761.

Дѣло шло о лихоимствѣ, обманахъ, злоупотребленіяхъ и утаенныхъ деньгахъ, какъ при Королевскихъ складочныхъ анбарахъ, такъ и при выдачѣ съѣстныхъ припасовъ

для городовъ , портовъ и спанціевъ колоніи ; приказано было всѣхъ, замѣшанныхъ въ семь преступленій, схватить, и изслѣдованіе поручено было особой Коммисіи. Двадцать при человѣка были посажены по сему дѣлу въ Басшилію и за содержаніе ихъ плашила казна ежедневно 164 ливра. Знавшійшій изъ обвиненныхъ былъ Биготъ, Интендантъ Канады, за содержаніе коего казна выдавала ежедневно Губернатору Басшиліи 20 ливровъ; а на прочихъ по 10 и 15, также по 6 и по 3 ливра за cadaго. Господинъ Биготъ былъ осужденъ къ заплащъ въ казну 1,500,000 ливровъ , Контролеръ Бреардъ 300,000, Коммисаръ Варинъ 1,500,000, а Генераль-Провіантмейстеръ Кадесть, который наиболее обокралъ казну, 6 мил : ливровъ. По собственному признанію виновныхъ, барышъ, полученный имъ при одной выдачѣ съѣстныхъ припасовъ, простирался на 12 мил : ливровъ.

Господинъ Сарпинесъ получилъ за труды свои при изслѣдованіи семь пожизненный Пенсіонъ въ 6,000 ливровъ, которые должны ему начашъ выдаваться съ 1 го Іюня 1764; прочіе члены Коммисіи получили также значительныя пенсіи или награжденія, а Маіоръ и уншеръ-Маіоръ Басшиліи получили подарки.

XXI.

СУДЕБНОЕ ПОКАЗАНИЕ ПОЛЬ-РЕНЕ ДЮ ТРУШЕ ДЕ-ЛА ШОКСЬ.

Въ 1762 году, 12 Января, въ 10 часовъ утра отправились мы изъ Рошебруне : Парламентскій Адва-

башъ, Королевскій Совѣтникъ и Коммисаръ Парижскаго замка въ слѣдствіе сообщеннаго намъ вчерашняго числа начальникомъ Полиціи Приказа въ замокъ Баспильскій, чтобы опобратъ показанія отъ господина дела Шокса, тѣлохранителя Королевскаго, который содержался въ Баспили по повелѣнію Его Величества и составивъ протоколъ всему случившемуся съ нимъ въ Версальи 6 го числа помянутаго мѣсяца. Находясь въ замкѣ Баспильскомъ при базали мы призвавъ дела Шокса въ залу совѣща и объявя ему причину нашего прибытія, мы съ его словъ составили слѣдующій протоколъ :

*Вторникъ 12 ознаменнаго мѣсяца и года ,
четвертъ одинадцатаго часа утрома.*

Поль Рене дю Труше дела Шоксъ, изъ прихода Сентъ-Винценскаго, епархіи Базаской. 29 лѣтъ отъ роду, Кавалеръ и тѣлохранитель Короля изъ роты Люксембургской, привезенъ изъ Версальи въ Баспилю въ Воскресенье 10 сего мѣсяца: показываешь подъ присягою, что когда онъ покупалъ табакъ въ улицѣ Босыхъ, въ Версальи 6 го числа текущаго мѣсяца и пришелъ около 9 часовъ вечера въ улицу Грандъ-Коммюнь до Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, то замѣнилъ двухъ человекъ, изъ коихъ одинъ былъ ростомъ 5 футъ и 4 дюйма, имѣлъ на себѣ худой черной кафтанъ, свержъ коего, какъ у духовнаго, надѣтъ былъ маленькой капюшонъ, а на другомъ зеленая куртка обложенная золотымъ позументомъ въ палець шириною, въ сапогахъ и роспу 3 футовъ и 5 или 6 дюймовъ. Сии люди

ему поклонились и начали съ нимъ, разговоръ слѣдующими словами: „вы гвардѣецъ; намъ сказали, что сего дня во дворецъ большой столъ; не угодно ли вамъ будетъ сдѣлать намъ милость впустишь насъ шуда?“ на что онъ обратясь къ духовному отвѣчалъ: я немогу оказашъ вамъ сей услуги, вы должны бытъ представлены къмъ нибудь изъ знаемыхъ и получишь билетъ для входа отъ дежурнаго Капитана, впрочемъ шеперь шакъ поздно, что вы не можете получить билета; чтоже касается до того господина, показывая на человека въ зеленой куркѣ, то онъ не можетъ бытъ допущенъ въ семъ одеяніи къ большому столу. Но они, упрасивая его убѣдительно, возразили: не ужели мы чрезъ посредство ваше не можемъ войти? когда же онъ отвѣчалъ имъ, что не можетъ имъ шѣмъ служишь, то они сказали: но Государь мой, вы кажешся шакъ вѣжливы, не ужели вы можете оказашъ намъ въ желаніи нашемъ; мы иностранцы, которые сего дня шольбо прѣехали, а завтра ошашъ должны вхашъ, и ешели послѣ сказаннаго вами намъ нельзя бытъ допущенными къ большому столу: то просимъ васъ по крайней мѣрѣ посшавишь насъ куда нибудь, гдѣ бы могли видѣшь, и приближиться къ Королю. „Куда же мнѣ посшавишь васъ?“ спросилъ онъ ихъ?“ Туда, гдѣ Король долженъ проходить, отвѣчали они, когда онъ пойдетъ къ столу или отъ онаго. Онъ представлялъ тогда симъ людямъ что они пребують невозможнаго и не обыкновеннаго; но они въ извиненіе свое сказали, что они не имѣють никакого злаго намѣренія; но дѣлають сіе для того, чтошобъ до-

спавивъ опять свободу пришесненному народу; а религіи его надлежащую ей силу; и ежели вы намъ окажете сію услугу; то мы предлагаемъ вамъ въ награду все что вы пошребуете только. Всѣ сіи разговоры происходили или на мѣстѣ, или на дорогѣ; когдаже они замѣтили удивленіе его такому требованію, то онъ сказалъ имъ, чтобы не дасть имъ подозрѣнія: „Вы совершенно справедливы, слѣдуйте за мною, Государи мои, причины ваши убѣдительны.“ Послѣ сего они сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ за нимъ; оспановились какъ будто для совѣщанія. Между тѣмъ онъ взошелъ на первую ступень лѣстницы, ведущей въ галлерей, гдѣ живутъ Епископъ Орлеанскій и другія особы; видя же что они оспановились, онъ обратясь закричалъ имъ: „Чтожь, господа, вы за мною не слѣдуете.“? Они сей часъ къ нему приблизились и спросили его пвердымъ голосомъ: что вы хотите дѣлать? Схвативъ шею, плушь, опввчалъ онъ, взошедши между тѣмъ еще нѣсколько ступеней до первой площадки, и обнажилъ шпагу, призывая на помощь поварищей своихъ, и схватилъ за грудь чловѣка въ зеленой курскѣ, который однакожь у него вырвался и обнажилъ охотничій ножъ свой, получа отъ него ударъ шпагою, которая переломилась пошому, что чловѣкъ сей былъ въ панцырѣ. Сей замѣтивъ, что прошивникъ его обезоруженъ преслѣдовалъ его и получилъ обломкомъ шпаги ударъ по лицу; но въ шуже минушу онъ, объявивель сего, получилъ сзади отъ духовнаго ударъ по головѣ, котораго онъ хопя и схватилъ лѣвой рукой, но зелено-одѣшый чловѣкъ ударилъ его охотничьемъ пожемъ въ грудь съ правой стороны, а

духовный повалилъ его за волосы на полъ; но какъ онъ продолжалъ еще кричать: помогите, убійцы! убійцы! по сѣмъ два челоуѣка зашкннули ему ропъ плашкоу и жестоко прибили, опъ чего онъ лишился чувствъ, но еще слышалъ какъ одинъ изъ нихъ неизвѣстно который кричалъ: „мошеникъ, пы имѣлъ какое-то намѣреніе; но теперь уже никому не расскажешь. Пробывъ около получаса безъ памяти, онъ пришелъ напоследокъ въ себя, вспалъ понемногу; но не успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ оняшъ упалъ, и подняшъ уже нѣкоторыми проходящими гвардейцами, слышавшими, какъ онъ по слабости своей жалобнымъ голосомъ призывалъ на помощь. Сначала принесли его въ комнату госпожи Сентъ - Саверь, а потомъ въ гошпиталь Сестерь милосердія въ Версалію, гдѣ положенъ въ залѣ назначенной для Королевской гвардіи. Вотъ все что онъ зналъ.

Когда допросъ сей былъ прочтенъ ему онъ, подтвердивъ оный, подписалъ его со мною, Коммиссаромъ. Ла Шоксъ Михаилъ де Рошебруне.

Върояшно вся Исторія была выдуманна, для того чтобы выслужиться нелѣпыми выдумками.

XXII.

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ ПО ДѢЛУ ЕЗУИТОВЪ И ДАМИЕНА.

Нѣкто господинъ дела Пламбанье 45 лѣтъ опъ роду посаженъ въ Баспилю 2 го Маія 1762 года пошопу

что онъ написалъ книгу подъ заглавіемъ: *что намъ дѣлать изъ Езуитовъ?* въ насмѣшливыхъ и болгихъ выраженіяхъ. Онъ разсмащриваетъ въ оной сначала средства, коими можно учинить Езуитовъ полезными Государству и самимъ себѣ; потомъ предлагаетъ, чтобъ Король сдѣлался самъ главою сего общества. Для оправданія сей системы, онъ прописалъ всѣ выгоды, могущія произойти изъ оной. Сочинитель извинялся тѣмъ, что слова его были простою шушкою, и что чрезъ сіе сочиненіе надѣялся только собрать нѣсколько денегъ, не имѣя намѣренія обидѣть тѣмъ Короля или министерство. Онъ продалъ рукопись свою одному книгопродавцу за 25 Лаубшалеровъ, копорый долженъ былъ отдать оную въ печать. Многіе знаменитые особы, знавшія сочинителя, просили за него, увѣряя, что онъ былъ человекъ честныхъ правилъ и хорошаго поведенія, и поному его опять освободили.

Гораздо важнѣйшій оборотъ взяло дѣло одного духовнаго по имени Рингешъ, копорый, по доносу монаховъ Верберскихъ, 30 Сенсября 1762 года отправленъ въ Басшилію, а въ Октябрѣ тогоже года оттуда переведенъ въ шемницу большаго замка, гдѣ его судили и приговорили повѣсить на площади Гревской, что и было исполнено 29 Декабря тогоже года.

Онъ рассказывалъ Монахамъ, что до вступленія его въ Езуитскій орденъ, онъ былъ Езуитомъ и Профессоромъ философіи въ Камбреѣ и Валансиеннѣ и 9 лѣтъ драгунскимъ Офицеромъ. Онъ произносилъ ужасныя прокля-

тія прошивъ Парламентъ и правительства и всѣхъ членовъ Парламентъ; называлъ ихъ плушми, злодѣями, безбожниками безъ вѣры и совѣсти, безъ закона и религіи; но никто, по его словамъ, не заслуживалъ шабъ сего названія, какъ Аббатъ Шавелэнъ. Онъ хотѣлъ умертвить его за два дня до изданнаго Парламентомъ указа по Езуишскому дѣлу, и что хотя ему не удалось, но онъ увѣрялъ, что Аббатъ не избѣжитъ сего, и не иначе какъ ошъ руки его погибнетъ. Увѣрялъ также монаховъ Верберскихъ, что онъ ѣдитъ въ Парижъ извѣдашь щастія къ приведенію ордена своего опашъ въ силу, и ежели бы ему сіе не пощасливилось, то хотѣлъ разсѣять сочиненіе свое, которымъ надѣлся погубить Францію а особенно Парламентъ. Чисая монахамъ нѣкоторыя мѣста изъ оной, писанныя съ большимъ жаромъ и весьма соблазнительно, онъ говорилъ имъ, что Король, господа Помпадуръ и Герцогъ Шоазель были причиною упадка ордена, и что во Франціи нѣтъ уже болѣе никакой религіи. Когда Демиенъ производилъ въ дѣйствіе намѣреніе свое, что онъ тогда былъ на дворѣ замка, а лошадь его виѣ онаго у рѣшешки, что Папера Малагрида ошибкою приняли за него; послѣ чего онъ тотчасъ отправился верхомъ въ Сентъ-Дени; откуда поѣхалъ уже по почтѣ. Онъ разбазывалъ далѣе, что одного изъ товарищей своихъ отправилъ онъ ядомъ за то, что шотъ изъ куска хлѣба подписалъ Парламентскій указъ, и учинилъ смертоубійство сіе въ силу четвертаго объѣта, налагаемаго орденомъ, и даемаго подъ присягою. Сей объѣтъ обязываетъ умерщвлять всѣхъ преяпствовавшихъ ордену, особенно же измѣнившихъ членовъ онаго; прибавя къ тому,

что для него все равно какимъ бы образомъ его не казнили; ежели онъ только умретъ мученикомъ Ордена, что Орденъ будетъ умъшь сдѣлаться страшнымъ, что многіе изъ Членовъ его будутъ опредѣлены Викаріями, даже Епископами, а нѣкоторые вопрутся слугами во многіе изъ первыхъ и знатнѣйшихъ домовъ и ш. даѣе.

Иоаннъ Гриметь, торговавшій шабакомъ, весьма неосторожно говорилъ о дѣлѣ Даміена и сіе было причиною заключенія его въ Басшилю, на пр: онъ говорилъ, что зналъ Даміена и часто игривалъ съ нимъ, что вся паямба Даміена была только выдуманная басня для ослѣпленія народа, что хотя всѣ Судьи и Члены Комисіи должны были присягнуть въ сохраненіи тайны; но что истина обнаружится современемъ, что когда Даміенъ ранилъ Людовика XV, то будшо на большой дорогѣ сподли двѣ одноколки, которыя, казалось, должны были принявъ бѣжавшаго Даміена какъ скоро онъ произведешъ въ дѣйствіе свое намѣреніе, что многіе видѣли сіи одноколки и нѣкоторые слышали по совершеніи удара громкое восклицаніе: *не пощастливилось!* и сей часъ одноколки сіи исчезли; но что люди въ одноколкахъ сихъ ожидали Даміена не для спасенія его, но что бы засмѣлишь; онъ, говоря также о дѣлѣ Езуитовъ, утверждалъ, что они возвысятъ блистательнѣе прежняго и что Парламентъ будетъ раскаяваться въ прошедшемъ, а Господинъ Шавелонъ охотно бы ошдалъ два цальца на ошсеченіе чшобы не преслѣдовашъ ихъ прежде; удивлялся рѣдкому прошиворвчю, что у Езуитовъ ошнимають орденское плашье, а при дворѣ дають

имъ чины и почетныя мѣста; что одинъ Езуитъ сдѣлался домовымъ Священникомъ у Кардинала Шоазеля, а другой также у Герцога Орлеанскаго чрезъ посредство Господина Брешеля. Сей человекъ освобожденъ по четырехъ-мѣсячномъ заключеніи, общаясь напередъ удерживаясь впередъ ошъ подобныя разговоры поды опасеніемъ вѣчнаго започенія.

Ричардъ Робее, духовный 53 лѣтъ донесъ ложно на одного пустынника, что онъ худо говорилъ о Королѣ и утверждалъ; что Даміенъ умеръ мученическою смертію. Робее былъ при слѣдствіи посаженъ въ Басилію, гдѣ онъ самъ себя хотѣлъ умертвить, ранивъ прежде себя въ руку большой иглой; пошомъ изломанной вилокъ, но какъ кровь не могла шѣчь, пошому что опвершіе не довольно велико было, то онъ сдѣлалъ нѣсколько ранъ, и когда его спросили; за чѣмъ онъ такъ жестоко пошнупилъ съ собою: то опвѣчалъ; что сдѣлалъ сіе опъ досады, что при допросѣ умолчалъ о истинѣ. Его вылечили и при освобожденіи его ему приказано было опяшь опъ правиться въ свой приходъ.

Діеде Сентъ-Лазаре, Морской Офицеръ при торговой Морской силѣ, 23 лѣтъ опъ роду; родомъ изъ Кассины, былъ посаженъ въ Басилію въ Октябрѣ 1765. за то, что въ Нантѣ, за столомъ въ шракширѣ, разговаривая о казни Даміенъ; произносилъ ругательства противъ Правительства; и въ театрѣ поже повторялъ своему сосѣду. При допросѣ онъ опрекался опъ словъ своихъ, и утверждалъ; что былъ всегда вѣрнѣйшій подданный

Короля; но признался, что точно, когда его спросили о Кайенской колоніи, по онъ ошвѣчалъ, что Тюрго плусть; которымъ весьма не довольны, и ежели Герцогъ Шоазель не сдѣлаешь его Лейтенантомъ Фрегата, по онъ сдѣлаешь Морскимъ разбойникомъ и будешь крейсировать противъ Французскихъ кораблей; а ежели онъ за столомъ произнесъ имя Короля, по конечно сіе случилось тогда, какъ онъ сказалъ, что Тюрго заслуживаетъ; чтобъ Король его казнилъ также какъ и Даміена, дабы наказати его за все зло, причиненное имъ жителямъ Кайенскимъ, что его шпата слишкомъ благородна, чтобъ обезчестить ее вровію Тюрго, который заслуживаетъ палочныхъ ударовъ. Сей Офицеръ былъ выпущенъ изъ Бастиліи 27 Іюня 1773 года; но опять посаженъ 3 Іюля по приказанію Господина Сарпина, пошому что не имѣлъ столько денегъ, чтобъ отправиться въ Брестъ, мѣсто своего изгнанія. Господинъ Сарпинъ; приказавъ ему выдать 226 ливровъ на пушечныя издержки, отправилъ его 10 Іюля въ почтовой коляскѣ въ Брестъ.

XXII.

Казнь Графа Лаллія 1762. (*)

Графъ Лаллій, Кавалеръ большаго креста Св. Людовика и Генераль - Лейтенантъ Королевской службы, 61

(*) См. подробности о семъ въ книгѣ, подъ заглавіемъ: о паденіи Французской державы.

году отъ роду, былъ привезенъ въ Басшилю 1762 года за то, что его полагали единственною причиною въ потерю Франціи всѣхъ Ост-Индскихъ владѣній. Онъ судился въ Парламентѣ, и 6го Маія 1766 года приговоренъ онымъ къ лишенію головы на Гревской площади; таковой приговоръ исполненъ былъ 9го числа помянушаго мѣсяца въ 5 часовъ пополудни. Его привезли наканунѣ въ 10 часовъ вечера изъ Басшили въ Парламентскую шемницу для прочтенія ему сеншенціи; на всѣхъ углахъ улицы и при входѣ въ Судъ поставлены были пикеты, а у шемницы нѣсколько человекъ солдатъ. Графъ оказалъ большое безпокойство, когда Маіоръ Басшильскій, провожавшій его до Парламентской шемницы, оставилъ его въ дверяхъ оной, не просясь съ нимъ. У него вырвалась восклицаніе: „теперь я пропалъ! Ему дѣлали все возможные представленія къ успокоенію его, и онъ провелъ ночь между страхомъ и надеждой. Упомясь разсказомъ, что онъ былъ въ 9 сраженіяхъ и только въ одномъ побѣжденъ, что при Фовшеноа и осадѣ Бергеюпоома онъ опличился и ш. далѣе, бросился онъ совершенно одышый въ постель и проспалъ цѣлый часъ; но по пробужденіи получилъ прежнюю поску; въ 8 часовъ предложили ему вкусить что нибудь; но онъ отказался, чтобы, по его словамъ, не опягошить желудка и чтобы въ сосисоніи быть хладнокровнѣе говорить съ Судьями своими. Около обѣда повели его въ церковь; его объялъ трепеть, когда прошеколистъ Грефѣ приказалъ ему преклонить колѣна и выслушать приговоръ. Сначала споялъ онъ нѣсколько времени въ нерѣшимости, но наконецъ исполнилъ требуемое. Во время чтенія оказывалъ онъ нѣсколь-

ко разъ неперпѣніе, когда же услышалъ, что приговоренъ къ лишенію жизни, то вскочилъ и, унавъ опъ ужаса на взнчь, вскричалъ: „Какое же преступленіе я сдѣлалъ?“ Когда приговоръ былъ прочтенъ, Священникъ Ордена Св. Людовика приблизился къ нему для подкрѣпленія его утѣшеніемъ религіи. Ахъ, Государь мой, оставьте меня на минушу одного! отвѣчалъ Графъ селъ въ углу церкви и закрылъ лице обѣими руками; вдругъ выдергиваетъ железное остріе, спрященное имъ въ рукавъ, и вонзаетъ оное на дюймъ себѣ въ бокъ подъ сердце. Присудспвующіе поспѣшили на помощь и удержали руку, готовую повспорить ударъ. О семъ происшествіи донесено было сей часъ первому предсѣдателю, и онъ приказалъ поспѣшнъ исполненіемъ казни, но уже вмѣсто кареты, копорую позволили было ему имѣть по просьбѣ семейства его, его повезли на простой телегѣ. Въ слѣдствіе сего палачъ взялъ Графа, который извергалъ въ сію минушу жесточайшія ругательства и проклятія, и потому прополоиснъ пребывалъ новаго предписанія, предспавляя, что при перевозѣ, кромѣ соблазна публики опъ злословія Графа, надобно было еще опасаться, чтобъ онъ не задушилъ себя языкомъ своимъ по примѣру Негровъ; и такъ рѣшено было заковать ему ротъ, чтобы воспрепятствовать и тому и другому, что и исполнено было въ половинѣ пятаго часа не безъ сопротивленія съ его стороны. Потомъ посадили его на простую телегу, предъ которой вхала телега палача въ сопровожденіи военнаго ошряда. Когда его привезли на мѣсто казни, то спросили: хочешь ли онъ идти въ Рашуну? но онъ разсердился, бросилъ презрительный взглядъ въ эту сторону и усстремилъ

взоры свои на толпу окружающего его народа, когда всходилъ на лѣшницу; но былъ весьма слабъ, но находясь на эшафотѣ, онъ оказалъ героическую твердость и преклонилъ самъ колѣна и голову на плаху. Сынъ палача сдѣлалъ неправильный ударъ и перерубилъ ему только черепъ; отецъ опшолкнулъ неискускаго юношу, взялъ самъ мечъ и однимъ разомъ опсѣдилъ голову опъ шуловища.

Онъ имѣлъ защитниковъ въ Вольшеръ и Аббата Рейналь, которые доказывали, что онъ не могъ быть измѣнникомъ и прихвснителемъ. Сынъ его Графъ Лазлій Долепаль былъ послѣ депутатомъ Национальнаго Собранія и имѣлъ участіе въ Революціи, а потомъ удалился въ Англію и писалъ противъ Революціи.

XXIII.

Невѣрный управитель.

Бурдонъ, по прозванію Меранвиль, поршней, сдѣлался извѣстенъ своимъ искусствомъ; но дурное его поведеніе и страсть къ каршамъ были причиною, что въ короткое время онъ три раза сряду былъ банкротомъ и долженъ было оставитъ ремесло свое. Онъ сдѣлался послѣ того инпендантомъ веселостей и удовольствій Герцога Мазарина, который опъ образа своей жизни совершенно раззорился. Поршней ждалъ упадкомъ своего Госпо-

дина, имѣя знакомства со многими расповщиками, доставалъ онъ чрезъ нихъ Герцогу по повары, которые онъ продавалъ послѣ за деньги съ убыткомъ, по наличныя деньги за большія проценты, векселя и ш. далѣе. Сии виды и векселя, которые, онъ заставлялъ давать Герцога Мазарина, проспирались до 280,000 ливровъ. Малѣйшую часть сей суммы получилъ Герцогъ наличными деньгами; большую же часть дурными поварями, мебедами и пр; при продажѣ коихъ онъ вдвое перялъ. Меранвилъ взявъ былъ 20 Февраля 1763 года и посаженъ въ Баспилю, чтобы вынудить отъ него признаніе: какіе люди, и какимъ образомъ они обманули Герцога? Онъ показалъ на двухъ: женщину и мужчину, которые оба давали деньги подъ закладъ и припомъ нѣсколько разъ обманывали Герцога. Они также были посажены: первая въ темницу большаго замка, а послѣдній въ крѣпость Венсеннскую. Онъ былъ самый пронырливый расповщикъ въ Парижѣ, и ежели какой нибудь молодой человекъ имѣлъ съ нимъ дѣло, то онъ сей часъ доставалъ указъ для его ареста и провожалъ самъ одѣщиковъ коимъ довѣрялъ выручку своего капишала. Когда отъ сихъ расповщиковъ получено нужное поясненіе по дѣлу Герцога Мазарина, то ихъ освободили; но дабы они не могли начать снова мошенничества своего въ Парижѣ, то изгнаны были изъ онаго, паршой на 50 миль, а расповщикъ на 30 миль; женщина же отдана была въ Госпиталь, который былъ не лучше рабочаго дома.

Герцогъ Мазаринъ имѣлъ связь съ одной панцовщицей дѣвицею Аллардъ, которой роскошь проспиралась до

шого, что всѣ мѣста въ домѣ были обиты драгоценнѣйшими Бриссельскими кружевами. Меранвилъ былъ управителемъ въ ея домѣ; у нее учиненъ обыскъ и всѣ бумаги, касающіяся до дѣла Герцога у нее взяты.

XXIV.

Инженеръ Геронъ въ Бастилии, за переписку съ Фридрихомъ великимъ.

Онъ имѣлъ 39 лѣтъ отъ роду, былъ инженеръ-географъ и опъезенъ 21 Декабря 1764 въ Бастилію, а 14 Апрѣля 1765 въ Висепру, гдѣ долженъ былъ пребыть только 6 мѣсяцевъ; но какъ онъ впалъ въ нѣкошорый родъ сумасшесствія, то и освобожденъ 28 Декабря 1783 года. Тогда, вѣроятно, разумокъ его былъ въ лучшемъ состояніи.

Онъ велъ предосудительную переписку съ Пруссією, Данією, Голландією, Испанією и Венгріей. Онъ признался, что въ поступкахъ своихъ не правъ, совоѣмъ не старался защищаться и просилъ прощенія пошому только, что нужда и бѣдность заставили его такъ неосторожно послушнть. Переписка его съ Фридрихомъ болѣе всего служила къ его обвиненію. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ по обнародованіи въ Парижѣ мира въ 1763 году, писалъ онъ, удрученъ будучи нуждою и бѣдствіемъ къ Королю Прусскому и предлагалъ ему 4

плана о минах покойнаго инженера Белидоша, но чтобы скрыть сію переписку, то Геронъ отдалъ свое письмо частному челоуѣку, опъѣзжавшему въ Лондонъ, который отправилъ оное опшуда въ Берлинъ. Король Прусскій, желая узнать подробности о Геронѣ, и можеть ли онъ бытъ полезенъ ему, послалъ Агенша своего Жансона, который посѣдилъ Герона въ Шальотъ; сей показалъ ему упомянутые чепыре плана и просилъ за нихъ 50 новыхъ Луидоровъ. Жансонъ донесъ Королю по возвращеніи своемъ въ Пруссію о исполненіи порученія и писалъ попомъ къ Герону, что онъ можеть дать ему за его планы 40 луидоровъ; но въ другомъ письмѣ онъ соглашается дать ему 50, ежели онъ уговоритъ или Туперша или Солейроша Миннеро оставить Французскую службу и перейти въ Прусскую. Вѣроятно Король Прусскій хотѣлъ употребить одного изъ сихъ Офицеровъ для поясненія и практическаго исполненія купленныхъ плановъ, и Геронъ дѣйствительно писалъ къ симъ Офицерамъ и уговаривалъ ихъ ѣхать съ нимъ въ Пруссію.

Корреспонденція Герона съ Вѣною имѣла предметомъ заложеніе торговой биржи въ Венгріи, и онъ долженъ былъ имѣть главный надзоръ надъ постройкою мостовъ, гаваней и н. д.

Переписка его въ Голландію, происходила, по его словамъ, относительно Гамбургскихъ чулокъ, которыхъ онъ хотѣлъ для себя купить и прожекта ѣхать въ Амстердамъ и продать свои планы Географамъ, которые хотѣли ихъ гравировать. Съ Испанскими послан-

никами переписывался онъ для того, чтобы переслать имъ сочиненіе Белидора *Traité de la guerre Souterraine* ш. е. *трактатъ о подземной войнѣ* и о Гибралтарѣ. Геронъ, борясь безпрестанно съ нуждою, послалъ рисунокъ съ лафета и всѣхъ часпей его порознь къ Королю Дашскому, который приказалъ выдать ему за по 100 Дашскихъ палеровъ. Выключая Герона, заключили въ Басшилю Секретаря покойнаго Белидора и двухъ дѣвицъ Лесшибудоазъ, коихъ всѣхъ пролагали соучастниками преступленія Герона особенно же въ томъ, что будто бы Секретарь скрылъ важнѣйшія бумаги Белидора, доставилъ Герону планы и копѣя, оставя Францію, вѣхалъ съ нимъ въ Пруссію; но Секретарь доказалъ, что Геронъ обманулъ его, оставя у себя копии съ плановъ, которые онъ далъ ему для скопированія; двѣ же дѣвицы никакъ никакого участія въ переговорахъ не брали и даже отсо-вѣщивали ему. Геронъ писалъ письмо, въ коемъ число не было означено, на имя одного пращирщика, чтобы сей передалъ его извѣстной особѣ, въ которомъ онъ просилъ заступиться за него въ Версальи и упросилъ Герцога Беррійскаго, чтобы онъ выдалъ его за своего инженера, потому что онъ считалъ себя пропавшимъ, ежели дѣло его перейдетъ въ Парламентъ.

Ежели дѣло не удастся, продолжаетъ онъ, тогда прѣчай жизнь; она виситъ на ниткѣ. Ежели вы узнаете, что мнѣ исходатайствовано прощеніе, то приходите въ понедѣльникъ вечеромъ въ 8 или 9 часовъ, я буду слушать въ ту сторону, гдѣ стоятъ инвалиды въ воротахъ Св. Антонія, и въ такомъ случаѣ закричите

пять или шесть разъ Аллилуиа или засвѣщите; ежели же я не прощенъ, то закричите чешыре или пять разъ: прощай Флибустиеръ (*)! и тогда вы можете, чрезъ два или три дня присутствовать при похоронахъ моихъ въ церкви С. Павла. Я прошу васъ также написать къ Господину Жоржу Клейрманну, купцу во Франкфуртъ на Майнѣ, письмо едѣющаго содержания: Государь мой! я увѣдомляю васъ, чтобы вы не посылали писемъ въ Парижъ, по извѣстному вамъ дѣлу; онъ умеръ, все извѣстно, и вы знаете, что тому причиной.

Вѣроятно Геронъ надеялся доставить сіе письмо; но оно перехвачено и находится при дѣлахъ.

Геронъ, будучи выпущенъ изъ Бисепры, пребывалъ назадъ чемодана, въ коемъ находилось множество плановъ, чертёжей и другихъ бумагъ, касающихся до осады или защищенія крѣпости; но ихъ немогли ему выдать, ибо Коммисаръ Шенонъ велѣлъ при разборѣ въ 1783 году сжечь ихъ, поному что они всё испѣдали и производили дурной запахъ.

XXV.

Плѣнникъ, самъ себя обвиняющій.

Онъ назывался Меркуръ и добровольно сознался въ одномъ письмѣ къ Кардиналу Жеврскому, что въ

(*) Американскій морскій разбойникъ.

Фанатической ревности своей онъ принялъ ужасное на-
мѣреніе принести въ жертву своему неистовству Коро-
ля и что не доверяя себѣ имѣть силы къ подавленію
сей мысли, его покорнѣе просить, чтобъ его взяли
подъ стражу, дабы лишивъ его всякой возможности къ
совершенію онаго. Кардиналъ сообщилъ сіе письмо По-
лиціи-Лейтенанту тогдашнему Сарпине, который при-
казалъ взять Меркура и посадить въ Бастилію, гдѣ
онъ въ большой Меморіи и въ письмѣ къ Господину
Сарпине описалъ всю жизнь свою обстоятельно.

Кончивъ съ хорошимъ успѣхомъ курсъ наукъ въ
юношесствѣ своемъ, прибылъ онъ въ Парижъ, гдѣ про-
бывъ нѣсколько времени и издержавъ всѣ деньги, рѣ-
шился возвратиться къ отцу своему; но оставая Па-
рижъ, укралъ у зятя своего 52 лундора и пошелъ въ
Безансонъ, гдѣ Епископъ, бывший изъ фамиліи Грам-
монъ доставилъ ему приходъ съ 600 ливровъ доходу;
въ то же время онъ сдѣлалъ связь съ дочерью Аптекаря
Безансонскаго, которая сдѣлалась беременна. Сіе произ-
шествіе и покража 52 лундоровъ, о которой семей-
ство его узнало, заставило его оставить приходъ
свой; послѣ чего онъ завербовался въ одинъ полкъ, съ
коимъ ему досталось стоять въ Бургундіи, вблизи одно-
го помѣстья, принадлежавшаго Маркизу Биссію, брату
Кардинала. Будучи вхожъ къ Маркизу въ домъ, объды-
валъ у него и познакомился весьма коротко съ любов-
ницею Маркиза, которая имѣла еще любовникомъ одного
Кавалерійскаго Поручика; сей, не желая имѣть
соперника въ Меркуръ, поссорился съ нимъ такъ, что

они дрались на шпагахъ и стрѣлялись на пистоляхъ, при чемъ Поручикъ опасно былъ раненъ. Спустя нѣсколько времени Меркуръ возвратился въ Парижъ, проигралъ деньги свои въ Жеврской гостинницѣ, и не зная болѣе, что начать, продалъ посуду, кошорую ему заложилъ одинъ прахширщикъ за 18 лундоровъ, за что на него прахширщикъ жаловался, и онъ содержался по сему дѣлу 4 года въ шемницѣ, откуда найдя средство скрыться съ двумя поварищами, пришелъ къ Маркизу Бофремонту, гдѣ и прожилъ цѣлый мѣсяцъ, пока ему прислали денегъ, чтобы онъ отправился въ Сеезъ на Саонъ къ Аббату Бофремонту, кошорый, чтобы избавишься отъ него, рѣшился отправить его чрезъ Рейнъ въ Пруссію, давъ ему рекомендацельное письмо къ Генералу Валбургу. Сей принялъ его въ свой полкъ рядовымъ, произвелъ чрезъ двѣ недели въ капралы, еще чрезъ двѣ сдѣлалъ Фельдфебелемъ, а чрезъ три мѣсяца произвелъ въ Поручики. Такъ какъ Меркуръ худо говорилъ по Нѣмецки, по одинъ Офицеръ того полка смѣялся надъ нимъ, что онъ не могъ порядочно произносить нѣкоторыхъ словъ, за что Меркуръ вызвалъ его на поединокъ и пронзилъ его въ животь. Лестію умѣлъ онъ снискашь благосклонность Госпожи Маршалъ, племянницы Канцлера, кошорая хотѣла съ нимъ бѣжать во Францію, чтобы соединишься шамъ бракомъ; но ее догнали дорогой и возвратили въ Пруссію, когда Меркуръ пошелъ въ деревню за лошадьми для продолженія дороги. Въ изумленіи, видя себя лишеннаго своей возлюбленной и пресѣдуемаго, ушелъ онъ въ Авионъ къ Вицелегату, гдѣ и находился въ безопасности; опшуда поѣхалъ онъ въ Визанну и женился шамъ,

но жена его умерла вскорѣ. Онъ познакомился съ Госпо-
диномъ Норманомъ, супругомъ Маркизы Помпадуръ, и
чрезъ его посредство получилъ мѣсто при опкуцахъ,
которое ему давало 8,000 ливровъ годоваго дохода; но
поперявъ сіе мѣсто, онъ, вѣроятно, потерялъ рассудокъ
и находился въ распрѣономъ умѣ, когда онъ попалъ на
іпакія мысли, въ коихъ самъ на себя доносилъ. Въ 1765
году когда онъ посаженъ въ Бастилію ему было 68 лѣтъ
отъ роду, а въ 1766 году его перевезли изъ Бастиліи
въ Винсенъ, гдѣ и умеръ отъ водяной болѣзни въ Де-
кабрь 1775 года.

XXVI.

Д и т я л ю б в и:

Людвигъ Рожеръ, 18 лѣтъ отъ роду; преждебывшій
рядовой полка Дофине выдавалъ себя за сына Госпожи
Флафакуръ; вдовы Маркиза сего имени; и надѣлалъ ей
глупыми и безспыдными письмами. Онъ былъ за повзять
водъ спражу въ 1767 году и выпущенъ только съ услови-
емъ; что онъ дастъ торжественное обязательство оп-
правиться въ колоніи и не писать болѣе къ Маркизѣ,
въ чемъ онъ и увѣрилъ честнымъ своимъ словомъ; но
нашелъ средство сойти на берегъ съ корабля, должен-
ствующаго опвезти его въ Иль-де Франсъ, и въ 1768
году снова писалъ къ Маркизѣ съ острова Ре, взывая
ее родною маперью и требовалъ отъ нее помощи; онъ

писалъ также къ одному родственнику сей Госпожи и угрожалъ въ семь писемъ что призовешъ ее къ суду въ Парламентъ, подписываясь какъ прежде шавъ и послѣ Графомъ Флафакуртъ. Въ 1769 году онъ перевезенъ по повелѣнію Короля изъ шемницы Бреснѣской въ Бисепру и умеръ въ шамощней больницѣ 1773 года. Въ допросѣ онъ побазалъ, что кормилицю его была нѣкоторая Госпожа Богардъ, которой онъ на 4 мѣ году своего возраста привезенъ въ Парижъ въ замокъ Флафакуртской; что Маркиза отдавала его въ Пансіонъ на ея иждивеніи; а кормилица называла его иногда Господиномъ Рожеромъ, иногда Флафакуртомъ и увѣряла его, что онъ сынъ Маркиза сего имени. Онъ дѣлалъ довольно удовлетворительное описаніе важнѣйшимъ обстоятельствомъ своей жизни; при чемъ большое стараніе было приложено разобратъ ихъ почтѣе; узнать, кто онъ таковъ и подлинно ли принадлежишь къ сей фамиліи; но тщетно. Можетъ быть, онъ дѣйствительно былъ побочный сынъ Флафакурта; но не долженъ былъ носить сего имени. Казалось; ему извѣстно было охъ части отечество и семейство Господина Флафакурта; вывадая же себя такъ часто за сына его, онъ наконецъ самъ въ пошь увѣрился. Госпожа Флафакуртъ ужасно боялась его и писемъ его; приказано было сдѣлать выправку по меприческимъ книгамъ въ Нелъ, гдѣ онъ крещенъ; но и симъ ничего не объяснилось. Содержась 1772 года въ Бисепрѣ; въ такъ называемыхъ Кабанонахъ, онъ писалъ къ разнымъ Министрамъ и уведомлялъ ихъ, что узналъ объ одномъ заговорѣ; который имѣлъ предметомъ разореніе всѣхъ приморскихъ приспавей и личную безопасность Короля; и потому онъ

просилъ, чшобъ его посадили въ другую шемницу, чшо-бы бытъ въ сосшоднїи ошерышь всѣ обшояшельства; но вмѣсто шого, въ Бисепру послали Инспектора Полициї, чшобы ошъ него ошобратъ допрось, при чемъ ошазалось, чшо всѣ приведенныя имъ доказашельства частїю неосновательны, частїю невѣроятны. Сей несчастный бѣдный человекъ, при выдумкѣ ложнаго своего происхожденїа, не имѣлъ, кажешся, другаго намѣренїа, какъ только доспавишь себѣ сносное и безбѣдное пропштанїе.

XXVII.

ЛЕПРЕВО И ОТКРЫТЫЙ ИМЪ ЗАГОВОРЪ.

Онъ былъ посаженъ въ Баспилю въ 1768 году; попомъ ошвезенъ въ Винсеннъ, и наконецъ въ Бисепру, гдѣ весьма долго содержался; ибо полагають, чшо онъ съ ума сошелъ. Его обвиняли въ шомъ, чшо онъ непрїашель Королевскѣй власши и объ Министрахъ говоришь, чшо они думаютъ только о своемъ обогащенїи, преслѣдуютъ добрыхъ гражданъ и каждую минушу гшшовой удешешворяють гордосши и безшдыспву своему; въ особенносши же навлекло ему шщенїе Министровъ ошкрышїе ихъ плана, о кошоромъ онъ донесъ Королю меморїей, съ коей копію нашли при сдачѣ Баспилиї :

Предспавленїе Королю Людвигу XV и объявленїе о заговорѣ, касающемся общаго голода.

Государь! между всеми заговорами, известными по летописямъ міра, ни одинъ не имѣеть такого оппечашка непомерной злосши, какъ заговоръ, который Божеское Провидѣніе помогло опкрьшь мнѣ 1768 года.

Не подозрѣніе, не слухи, не догадки, или ложные доносы побудили меня къ обнаруженію сего ужаснаго плана; но самый заговоръ, котораго союзъ возобновленъ и продолжается понынь; дѣйствительное и нынь существующее исполненіе онаго, тысячи доказательствъ, обстоятельныхъ подробности, переписка заговорщиковъ, вынужденное сознаніе самаго важнѣйшаго изъ заговорщиковъ, который, выключая меня, схоронилъ за живо въ Государственной темницѣ еще пятерыхъ подданныхъ Вашего Величества и преслѣдуетъ ихъ; ибо думаешь утаишь постыдныя дѣла свои, ежели испребишь письма, которые могли бы рѣшишь его участь—вошь мои оправданія, мои побудительныя причины.

Министры Вашего Величества старались увѣришь васъ, дабы не показашъ, что отъ нихъ происходятъ всѣ бѣдствія Государства, что они имѣють въ предмѣшъ ваше и общественное благосостояніе и что они почитають нужнымъ для предупрежденія голода и дороговизны во всякое время приказашъ опъ имени Вашего, по примѣру Патріарха Іосифа, дѣлать большіе запасы хлѣба во всѣхъ замкахъ, крѣпостяхъ и жилищахъ, дабы во время нужды можно было его раздаватьъ.

Сія предосторожность, которая Вашему Величеству, какъ и всякому, бшо не знаешь, что подъ симъ скрывается,

покажется весьма похвальною; но во Франціи, благодаря Божескому промыслу, совсѣмъ не нужна она. Говорить ли мнѣ! еще болѣе? Министры Ваши представляютъ васъ, Государь, народу по торговцѣмъ хлѣба, который продаетъ свой хлѣбъ какъ можно дороже, по закупщикомъ, по притѣснителемъ Франціи, хотя вы совсѣмъ не таковы; по виновникомъ тайныхъ операцій, которыя они подъ вашимъ именемъ производятъ; по виновникомъ всѣхъ бѣдствій Государства вашего или, по крайній мѣрѣ, покровителемъ ихъ постыднаго заговора, котораго вы и предполагать не можете; но, Государь! для оправданія вашего правосудія относительно народа, совсѣмъ не нужно приводить доказательствъ: всякой знаетъ, что не было еще примѣра, чтобы монархъ, поступая противъ своего Государства; поступалъ противъ себя; и еще менѣе, чтобы онъ, въ провинность имъ совѣсти, чести и славы своей вступилъ когда нибудь въ сношенія съ людьми, почитаемыми за извѣнниковъ, дабы чрезъ то рассориться съ преданными и добрахопными подданными своими, которые въ знакъ послушанія своего плачутъ ему ежегодно столько пошлинъ; сколько онъ потребуетъ. Хотя сей союзъ лукавымъ образомъ заключенъ отъ имени Государя моего Людовика XV; но я слишкомъ хорошо увѣренъ, что изъ всѣхъ миліоновъ, или лучше сказать, билліоновъ, которые съ 1720 года выпоргованы у Французовъ значными торговщиками, ни одна копейка не поступила въ казну. Не должно ли изъ того заключить, что Государь чрезъ излишнюю свою довѣренность обманушь, что онъ самъ не знаетъ; но что между тѣмъ это очень много производится и ничто не можетъ быть вѣрнѣе сего.

Божію помощію я открылъ тому безчисленныя доказательства, получа плащъ-заговора въ свои руки, копій съ коего хотя и лишилъ меня Господинъ Саршине, когда приказалъ посадить меня въ темницу; но копію я знаю наизусть, и потому въ состояннн объяснитъ главный смыслъ онаго.

12 го Іюля 1765 года Господинъ Аверне отдалъ все Государство на откупъ богатѣйшимъ ростовщикамъ, коихъ числомъ было до 3,000,000 называвшимъ себя: *Interessés dans les affaires de la Majesté*. Они должны были сколько можно болѣе собрать въ запасъ хлѣба и вывезти его изъ Государства. Имяни сихъ ростовщиковъ слѣдующія: 1) Руа де Шомонъ, главный сборщикъ лѣсныхъ податей Графства Блоазскаго, живущей въ улицѣ Сеншъ-Перской 2) Перушо, бывшій поставщикъ армейскихъ Госпиталей, который имѣетъ прекрасный замокъ Дюплексъ, называемый нынѣ Королевскимъ запаснымъ магазиномъ. 3) Руссо сборщикъ лѣсныхъ податей Орлеанскихъ. Снн шрое суть только подчиненные представителей многочисленнаго общества соединенныхъ безъимянныхъ ростовщиковъ снхъ. Но чтобы скрыть отъ публики настоящую личину свою, они найменовали одного главнаго Агента по имени Маллизета, коему обязывались отдать всю Францію на откупъ на 12 лѣтъ, въ возобновленіе прежде заключеннаго откупа съ нѣкоторымъ Гульардомъ, и откупъ сей долженъ былъ кончиться 12 го Іюля 1777 года, обѣщаясь и послѣ того возобновить его съ нимъ или съ другимъ къмъ нибудь. Во многихъ пунктахъ сего условія предписывается правило

жоступковъ его; для успѣха же сего предпріятія, ему позволялось вывозить хлѣбъ, гдѣ только онъ почтешъ за нужное, а въ награжденіе трудовъ его обезпечивающъ его значительнымъ жалованьемъ. Въ семъ условіи не забыто даже сколько онъ долженъ держать лошадей и скопа; а Гужешу, назначенному главнымъ казначеемъ, предписано представлять счесть свои и раздѣлъ барыша ежегодно къ Ноябрью мѣсяцу; для большей же Благодати Господней назначается въ 20 мѣ и послѣднемъ пунктѣ раздача милосыни въ 600 ливровъ бѣднымъ. Сего оппуннаго договора написано было чешыре экземпляра, и Господинъ Аверне подписалъ его именемъ Короля.

Господинъ Прево продолжаетъ именовать шѣхъ, копорые имѣли участіе въ планѣ; онъ включаетъ шупъ шрехъ Интенданшовъ Финансовъ, шрехъ Полиціи - Лейпшваншовъ, шесшь Министровъ и почти всѣхъ Генераль-Контролеровъ; онъ приписываетъ сей Монополии голодъ и дороговизну бывшія не только въ 1760, и 67 въ годахъ, но и въ концѣ семнадцатаго и началѣ осмнадцатаго шполѣшя.

XXVIII.

**ПИСЬМО НѢКОТОРОЙ МАТЕРИ КЪ МИНИСТРУ, О
ЗАКЛЮЧЕНІИ ВЪ ТЮРЬМУ ДОЧЕРИ ЕЯ, СЪ ПРИ-
СОВОКУПЛЕНІЕМЪ ВОЗРАЖЕНІА ОТЪ ОНОЙ.**

Два слѣдующія письма матери и дочери доказыва-
ющъ, сколько несчастная поспѣшность доставашъ пове-
лѣнія для лишенія свободы производила въ семействахъ
безпорядки и несправедливости всякаго рода.

Господину Шпансь-Министру и Спашсь-Секретарю
Сен-Флореншину.

Государь мой!

Кашерина Обенъ, вдова Франца Алберта Семеша,
имѣешь честь представить Вашему Превосходитель-
ству, что 25 лѣтняя дочь ея, по имени Франциска Се-
мешъ, ведетъ распущную жизнь и давно уже имѣешь
связь съ мужчиною отъ коего имѣешь троихъ дѣтей, изъ
коихъ двое еще живы и воспитаніе коихъ я, проситель-
ница, охотно на себя принимаю; но опасаясь несправед-
ливости весьма дурныхъ послѣдствій такой распущной жиз-
ни дочери моей; желаю, чтобъ она съ плапою съ моей
стороны за содержаніе ея, была заключена въ Монастырь
Св. Пелагеи; Сіе вынуждаетъ меня, Милоспивый Государь!
прибѣгнушь къ Вашему Превосходительству и покор-
нѣйше просить, чтобъ вы соблаговолили исходатайство-
вашъ указъ для заключенія дочери моей Франциски Семешъ
въ Монастырь Св. Пелагеи; иже, просительница, обязываюсь
плашиться за нее пансіонъ. Вознеся къ небу искреннѣйшія
молитвы о сохраненіи Вашего Превосходительства,
имѣю честь быть, и пр.

Катерина Обенъ, по мужъ Семеть.

Имѣю честь засвидѣтельствовать Графу Сентъ-Флорентину, что вышеозначенная Франциска Семеть за служиваетъ того, чшюбъ ее заключили въ Монастырь Св. Пелагеи.

Парижъ

Патѣнъ дела Туръ,

10 Іюня 1755 года, старшина церкви Св. Николаа на Поляхъ.

Прошеніе дочери.

Франциска Семеть, видя себя заключенною въ Монастырь Св. Пелагеи по Королевскому указу, осмѣливается покорнѣе просить и представить Полиція-Лейтенанту, что сей строжайшій указъ исходатайствованъ постыднѣйшимъ обманомъ на счетъ его справедливости. Охотно желала бы она скрыть отъ себя, что достигнувшее ее новое несчастіе есть дѣло матери ея; которая, по крайней мѣрѣ, должна была бы показать побудительныя къ тому причины, тогда бы дочь ея безъ ропота подверглась судьбѣ своей и ожидала освобожденія своего единственно отъ матери; но въ перешедшемъ по положеніи дѣла можетъ она прибѣгнуть только къ Господину Полицей-Лейтенанту, дабы онъ въ состояніи былъ судить о ея дѣлѣ съ надлежащимъ уразумѣніемъ. Она охотно сознается, въ чемъ должна укорять себя; но приведетъ также въ доказательство такія вещи, которыя, по ея мнѣнію, могутъ въ глазахъ его оправдать ее, по крайней мѣрѣ столько, сколько по возможно въ такихъ случаяхъ въ глазахъ человѣческаго общества.

Мать дѣвицы Семеть обращалась съ нею всегда жесточайшимъ образомъ; она не разъ находилась въ опасности лишиться жизни; одна рука ея, которой она почти не владѣеть, можетъ еще доказать, какъ далеко мать ея увлекаема была злобою и какъ жестоко она давала оную испытывать.

Когда въ 1753 году дѣвица Семеть не могла болѣе выдержавъ дурныхъ поступковъ матери ея съ нею, по рѣшилась оставить ее, и сдѣлала се, не зная сама куда идти; другаго ремесла она не знала какъ раскрашивать опахала, а какъ се ремесло и самымъ мастерамъ мало приносило выгоды, то она не получала и столько, чтобы пристойно содержать себя; одна знакомая ей работница раздѣляла съ нею постель свою. Въ то время, когда они вмѣстѣ жили, одинъ мужчина, знавшій сію работницу, увидѣлъ у нее дѣвицу Семеть; она ему понравилась, и когда онъ узналъ о ея положеніи, то сдѣлалъ ей предложеніе съ нимъ жить и пользоваться его содержаніемъ. Не зная чѣмъ дѣлать, она приняла его предложеніе и заняла вскорѣ попомѣю комнату, которую онъ для нее приготовилъ. Въ первые четыре или пять мѣсяцевъ се поведение ея оставалось скрыто отъ ея матери; но въ одно Воскресенье, когда дѣвица Семеть шла съ симъ мужчиною въ комедию, то встрѣтилась съ матерью своею въ улицѣ Дофине; мать предалась сначала обыкновенной горячности своей; но чрезъ минуту приняла предложеніе идти вмѣстѣ въ театръ; отпуща да пошла она къ своей дочери; ужинала и почевала у нее. Дѣвица Семеть была беременна; мать ея се замѣтила и, казалось, совершенно была занята удовольствіемъ воспитывать дитя; которое ра-

дѣшя; съ того времени они часто видались у дочери; при рожденіи перваго младенца она присудшвовала, знала также и о двухъ послѣдующихъ родахъ — однимъ словомъ: ошъ нее ничего не было скрыто, и совсѣмъ пшвъ она дочери своей никогда не предлагала помощи, по кошорой она могла бы отказатья ошъ помощи поспорняго человека. Госпожа Семешъ посѣщала дочь свою и получала ошъ нее посѣщенія, кошорыя оканчивались весьма дружелюбно даже съ доказательствами любви и дружбы, но нарушались иногда порывами горячности, сполько свойственными Госпожѣ Семешъ и соспавлявшими основаніе нрава ея, кошорые наконецъ пакъ сдѣлались часты, что спали несшерпимы и пошому она взяла ошъ нее первое дѣшя свое, кошорое мать ея хощла воспитывать. Сначала мучила и пришѣсняла она насъ различнымъ образомъ и наконецъ дошло до совершеннаго разрыва. Тогда начала она съ неописанною злобою чернить дочь свою у всѣхъ своихъ знакомыхъ и вездѣ рассказывашъ ея испорію, кошорая весьма не многимъ была извѣсна. Вопшъ, по сущей справедливости печеніе всего дѣла, съ кошорымъ Госпожа Семешъ не можешъ не согласиться. Для предупрежденія всѣхъ новыхъ укоризнъ со стороны, матери, дѣвица Семешъ охотно сознаешя, что она ошъ природы не много вспльчива, и что при ссорахъ съ нею она не всегда могла воздерживашъ себя въ границахъ умѣренности и почшенія, кошорымъ дѣши обязаны матери, какова бы она ни была. — И какое время выбрала Госпожа Семешъ для наказанія ея поведенія, кошорое она прежде сама одобряла? Не тогда, когда дочь ея переишнала образъ жизни, ибо она прекрашила севъ

съмъ непозволенную связь съ симъ человекомъ, получаю отъ него сумму денегъ, которая привела ее въ состояніе или начать какой нибудь шорть, или помощію другой какой либо работы приспойно содержать себя? Онъ же съ согласія ея взялъ на себя воспитаніе дѣшей и дѣши, находящееся у мапери, когда она взята была подъ стражу, хопѣлъ онъ опдашь въ Сюрепну въ Пансіонъ; и пошому дѣвица Семешъ осмѣливается предложить вопросъ: уже ли она такъ виновна, что заслуживаетъ лишиться свободы и бышь въ числѣ тѣхъ истинно-дечестивыхъ женщинъ, отъ коихъ должно очищать общество? Она имѣла связь съ однимъ только мужчиною, въ объяпія коего повергнувшись заспавило ее несчастное положеніе ея; да и онъ не можетъ найши въ ея поведеніи ничего предосудительнаго; а сосѣди докажутъ, что они жили какъ супруги и что ихъ почто такъовыми почисали. Въ семъ положеніи дѣвица Семешъ надеишся, что Господинъ Полиціи-Лейшенаншъ будетъ благосклоннѣе объ ней думать и изгладитъ изъ воображенія своего ненависное впечатлѣніе, произведенное въ немъ ея маперью, которая не спыдншся доносить на свою дочь въ низкой и жестокой надеждѣ завладѣшь малымъ ея имуществомъ. Она ласкается надеждою, что Господину Полицей-Лейшенаншу угодно будетъ доставишь ей опять свободу, которая такъ нужна пенерь для дѣшей ея, учашь коихъ была бы ужасна, ежели бы они попали во власть Госпожи Семешъ.

XXIX.

НѢКОТОРЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОДРОБНОСТИ О
ИЗВѢСТНОЙ СИСТЕМѢ ЛАВА И ОТЪ ТОГО
ПРОИЗШЕДШЕЙ ТАКЪ НАЗЫВАЕМОЙ ВИЗЫ (Visa)

Когда Герцогъ Орлеанскій въ Сентябрѣ 1715 года принялъ правленіе, то нашель Государственныя финансы въ безпорядкѣ, достигшемъ высочайшей степени. Одинъ Шотландецъ, по прозванію Лавъ, большой Арифметикъ и вмѣстѣ человекъ пылкаго и живаго воображенія, предлагаль Королю всякаго рода средства для поддержанія финансовъ и началъ прожектомъ учрежденія въ Парижѣ банка; сей прожектъ понравился Принцу и предложенное учрежденіе банка совершилось въ Маѣ 1716 года; основаніе его состояло изъ 6 миліоновъ, которые доставлены 1200 абціями каждая въ 1000 рейхсталеровъ. Сіе новое учрежденіе имѣль такой щасливый успѣхъ, что превзошло даже ожиданіе самаго основателя; вліяніе онаго замѣтно было съ первыхъ дней; ибо скоро возстановленное обращеніе денегъ, которыя до сихъ поръ по общей недовѣрчивости бездѣйственно лежали въ сундукахъ, дало всѣмъ вещамъ новую жизнь и дѣятельность. Въ 1719 году Лавъ купилъ Неверскую гостиницу, въ улицѣ Ришельё, и перевелъ туда банкъ; конюшни подъ большими комнатами и галлерей были опредѣлены и отдѣланы для кассы банка. Лавъ сдѣлалъ купчую на сей домъ въ при-

судствіи своего Нотаріуса и объявилъ при томъ, что пріобрѣлъ оный оборотами банковыхъ денегъ; въ силу сего документа домъ сей принадлежалъ казнѣ и по упадкѣ Лавовой системы перенесена въ оной Королевская Библіотека. Въ бумагѣ всякой ассигнаціи видны были слова: Banque generale (общій банкъ) а на краю каждой изъ нихъ находилось клеймо печати, представляющей женщину, которая лѣвой рукой облакачивалась на пьедесталь, у подножія коего лежалъ опрокинутый рогъ изобилія; въ правой держала она распянутый циркуль. Надпись кругомъ была: Retablissement du credit (возобновленіе кредита), а подъ фигурую написано: Premier Mai 1716 (первое Маія 1716)

4 го Сентября 1718 года просилъ Лавъ, чтобы основанный имъ за два года до сего банкъ, который до сего дня былъ такъ полезенъ переименованъ былъ въ Королевскій банкъ, что Король и исполнилъ, скупя всѣ акціи частныхъ людей; ассигнаціи сего банка были поже, что наличныя деньги и ихъ принимали въ уплату во всѣхъ казначействахъ, а въ частномъ оборотѣ они были въ такой довѣренности, что всякой старался имѣть ихъ и считалъ за наличныя деньги. Въ Августѣ 1719 года Вестъ-Индская компанія сдѣлала Королю весьма выгодныя предложенія: она предложила ему въ заемъ 1,200 милліоновъ по три процента съ тѣмъ условіемъ, чтобы Его Величество уполномочилъ компанію занять сія 1,200 милліоновъ и выдать на оныя свои акціи или письменныя виды; объявившею коихъ будетъ удовлетворяемъ съ

плашюю трехъ процентоу на сто ; въ то же время про-сила она отдасть ей на откупъ Fermes générales, общее чеканіе монеть на 9 лѣтъ, обязываясь за оный плашить 3 милліона 500,000 ливроу болѣе пропивъ прежняго откупщика Ламберта.

Публикѣ не понравились actions rentieres компаніи и никто не хотѣлъ брать ихъ; а какъ ссуду 1200 милліоновъ должно было пополнить, то надобно было прибѣгнуть къ другимъ средствамъ и Лавъ думалъ найши вѣрнѣйшее, учредя новыя акціи, полагая, что они не будутъ вредить старымъ, и потому компаніи позволено было сдѣлать акцій еще на 50 милліоновъ, а 14 дней спустя сумма сія умножена еще 50 милліонами, ибо публика брала ихъ съ прежнею же жадностію. Число сихъ акцій опять было увеличено, а указомъ, отъ 2 Ноября, компаніи получила позволеніе выпустить акцій еще на 50 милліоновъ, что и содѣлало съ прежними 150 тысячь акцій, которые должны были доставить компаніи отъ публики 1500 милліоновъ, а какъ сумма сія превышала ссуду Королевскую 300 милліоновъ, то Компанія вызвалась выдать Королю и оныя также за три процента, что и принято указомъ отъ 12 го Октября. Между тѣмъ изъ 1500 милліоновъ, которые Компанія должна была доставить Королю, она въ то время получила не болѣе 70 милліоновъ. Сія новыя акціи возвышались цѣною ежедневно въ публикѣ и были почти единственныя въ торговомъ оборотѣ подъ названіемъ Souscriptions подписки. Подъ сими разумѣли ассигнацію, объявитель коей имѣлъ право получить акцію Компаніи, заплаши 4500 лив-

ровъ; старыхъ же акцій совсѣмъ почти не покупали, пошому что для сего пошребна была весьма значительная сумма. Сии старыя и новыя акціи соспавляли вмѣстѣ до 300,000 и Компанія должна была имѣть весьма большія барыши, чтобы въ состояніи быть платитъ проценты, почему и переданы ей были всѣ почти опкупы находящіяся прежде въ рукахъ частныхъ людей; наконецъ все завѣдываніе Финансовъ перешло въ руки Компаніи и Лава, кошорый распоряджалъ Компаніею и банкомъ; онъ былъ пожалованъ 5го Января 1720 года въ Генераль-Коншролеры Финансовъ, второй срокъ плашежа процентовъ съ сихъ новыхъ акцій, назначенный въ Октябрѣ, отсроченъ до слѣдующаго Ноября съ шѣмъ, чтобы вдругъ заплашитъ за 3 мѣсяца, что соспавляло на каждую акцію 1500 ливровъ. Сіе подало поводъ къ чрезвычайному возвышенію акцій, шакъ что нѣкоторые давали 5000 ливровъ за акцію, споявшую шолько 500.

Торгъ сими бумажками производился въ улицѣ Квинкампоаксъ и всѣ дома въ сей улицѣ были наполнены людьми, имѣвшими насшоящія мѣновныя Каншоры сихъ акцій; спеченіе народа бывало шакъ велико, что принуждены были разспавлять караулъ и колоколомъ давать знашь, что уже время расхощиться. Одинъ бѣдной горбашой, служившій своимъ горбомъ вмѣспо письменнаго споллика людямъ, кошорые не хощли шерять время на то, чтобы ийти въ Коншору, пріобрѣлъ симъ новымъ промысломъ небольшое состояніе. Множество людей обогатились въ короткое время; а изъ провинцій и другихъ мѣстъ иностранныхъ спекались многіе для соспавленія своего шца-

стія; прївжало пакъ много новыхъ экипажей, что въ улицахъ почти не лзя было пройти; а ежели по несчастію карета запрется въ оныхъ, то должна была дожидаться по 5 и 6 часовъ чтобы проѣхать; казалось, что всѣ люди перемѣнили свое состояніе; ихъ нельзя было узнать болѣе, и люди, не имѣвшіе за шесть мѣсяцевъ ни полушки, разъѣзжали теперь въ каретахъ. Октябрь и Ноябрь мѣсяцы 1719 года были временемъ торжества для сего торга. Лавъ пошелъ однажды въ домъ бывшій фасадомъ на улицу Квинкамбоаксъ, дабы быть очевиднымъ свидѣтелемъ лихоимства производимаго его акціями; онъ бросилъ денегъ въ народъ, чпд однакожъ ему причли въ дурную сторону; ибо только Король, или его имянемъ Губернаторъ какого либо города могъ дѣлать оное въ торжественные дни. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ торгъ акціями не много уменьшился, потому что приходило время плажежа. Лавъ давалъ нѣкоторымъ людямъ задатки, дабы они могли уплачивать. Нѣкоторые уже въ семь мѣсяцъ начали брать деньги свои изъ банка, а въ улицѣ Квинкамбоаксъ предлагали нѣкоторые публично банковыя ассигнаціи въ продажу за наличныя деньги. Все сіе казалось предвѣщало упадокъ бумажекъ обоого рода; однакожъ они находили еще заступниковъ, которые утверждали, что обладатель таковой акціи можетъ весьма прилично жить будущимъ ея доходомъ, пакъ какъ сіи доходы получаемыи отъ нихъ Компаніей барышами непременно ежегодно должны увеличиваться; тогда же таковая акція приносила доходу не болѣе 360 ливровъ. Въ Юнѣ 1720 года сіи акціи, приносимыя Компаніи для выкупи, исщощили всѣ банковыя ассигнаціи, и ежели бы

выкупка сія не прекратилась, но конечно акціи сіи вдругъ пришли бы въ упадокъ и потеряли кредитъ. Тоже самое произошло бы, ежели бы новыми указами позволенъ былъ выпускъ новыхъ ассигнацій, потому ято публика увидѣла бы тогда, что все сіе пустой только торгъ бумажный, и что никогда нельзя надѣяться замѣнить сіи бумажки наличными деньгами. Для предупрежденія сего сдѣлали безъ публичнаго указа выпускъ новыхъ ассигнацій на 1000 милліоновъ; а указы были подписаны Аржансономъ и Шатсъ-Секретаремъ дела Вальеромъ.

Можно по справедливости сказать, что вся Франція была слѣпа цѣлымъ три года. До 21 го Маія 1720 года, когда явился извѣстный указъ о уменьшеніи числа ассигнацій, акціи почитали выше всего; ассигнаціи предпочитали наличными деньгамъ, и ежели кто хотѣлъ имѣть ихъ, то должно было плащать 3 процента промѣна; но сіи воображаемыя богатства потеряли вдругъ свое достоинство въ концѣ 1720 года; тогда можно было банковый билетъ въ 1000 ливровъ купить за 50 наличными деньгами.

Давно уже время было прекратить систему, производящую подъ конецъ въ торговыхъ дѣлахъ такое же не довѣріе, какъ сначала велико и слѣпо было довѣріе. Регентъ рѣшился опять у Компаніи завѣдываніе Финансами и оставить ей одинъ только табачной ошкупъ, желая въ тоже время чтобы сіе сдѣлалась съ согласіемъ Компаніи, и такъ объявлено было собраніе, въ коемъ находился Регентъ въ сопровожденіи Господина дѣла Гуссе,

наименованнаго Генераль - Контролеромъ послѣ Лава, который сѣрылся. Дѣло сіе нашло большія прошиворѣчія; но напоследокъ рѣшено по желанію Регенша къ общему благосостоянію Государства. Въ слѣдствіе сего опята у кампаніи всѣ откупы, кромѣ пабачнаго, такъ какъ и выгоды, получаемыя ею отъ чеканія монеты, которое ей поручено было на 9 лѣтъ, и прежніе откупщики заняли свои мѣста. Компанія дѣлала свои возраженія противъ указа, повелѣвающаго ей дать опчешъ въ дѣлахъ банка. Она съ представленіемъ своихъ возраженій выбрала 9 спрянчихъ для защищенія правъ своихъ; напротивъ того, отъ Правительсва назначены были чепыре Члена Коммисіи для разбора представляемыхъ сими спрянчими бумагъ.

26 го Января Регеншъ держалъ тайный совѣтъ въ присуствіи Короля на счешъ акцій и ассигнацій; многіе изъ присуствовавшихъ Принцевъ крови и другіе вельможи подарили кампаніи свои акціи. Генераль-Контролеръ дела Гуссе предложилъ разборъ состоянія Финансовъ и заключено, чшобъ Индійская кампанія объявила себя должною казнѣ за банковыя ассигнаціи; но такъ, какъ многіе частныя лица по общему довѣрію все имѣніе свое положили въ акціи, и пошому весьма не справедливо бы было, чшобы они раззорились отъ чрезвычайнаго долга, который кампанія сдѣлала казнѣ; а также весьма несогласно бы было съ справедливостію, чшобъ шѣ, которые промѣняли акцію свою на ассигнаціи и получили ихъ за бездѣлицу или обратили ихъ въ вѣчныя доходы, воспользовались несчастіемъ акціонистовъ, которые честно поступали, шо должно

было назначить Комиссію, которая бы рассмотрѣла всѣ бумаги и векселя и унизжила бы изъ нихъ, о кошторыхъ не лзя доказать, что они получены законнымъ образомъ, то есть: или промѣномъ наличныхъ денегъ, или продажей недвижимаго имѣнія.

Сіе предложеніе принято, и Комиссія учреждена для рассмотрѣнія и приведения къ концу всѣхъ акцій, ассигнацій и требованій, имѣющихся на банкѣ, и пр. Д-н Эпо названо Визою Королевскихъ дѣлъ; всѣ контракты о доходахъ акцій ассигнацій, и тому подобныя бумаги, должны были быть представлены въ два мѣсяца и доспоеинство ихъ рассмотрѣно. — Изобрѣшатель сего плана былъ Господинъ Парисъ старшій, а сію Визу почитали основаніемъ къ приведенію въ порядокъ всѣхъ Государственныхъ долговъ; мысль прекрасная и великодушная. Сей предѣшъ заключалъ въ себя, такъ сказать, все добро и имущество Королевства. Если кто имѣлъ изъ вышеозначенныхъ доходовъ, тошъ долженъ былъ показать: сколько у него имѣнія и какимъ образомъ получилъ онъ оное. Дабы надежнѣе поступать и точнѣе знать какія пріобрѣшенія сдѣланы во время системы Лава, то приказано было Ношариусамъ прислать къ Членамъ Визы выписку изъ контрактовъ, которые заключены въ продолженіи сего времени по движимому и недвижимому имѣніямъ, Королевскіе доходы должно было также объявить Визѣ, Членамъ Комиссіи, выбраннымъ изъ Спашскихъ Совѣтниковъ и Сборщиковъ подашей, поручена была Виза всѣхъ въ городѣ заключенныхъ контрактовъ и квитанцій въ подаяхъ, они приняли на себя также и Визу акцій; у каждой изъ нихъ рав-

инымъ образомъ и у ассигнацій отрѣзывали уголь. Всѣ сія дѣла по разсмотрѣніи возвращаемы были Нотариусамъ, кошорые ихъ представляли, а показанія владельцевъ ихъ тщательнo сохранялись.

По окончаніи разбора найдено ассигнацій въ обращеніи на 2 билліона 695 милліоновъ и 400,000 ливровъ изъ нихъ сожжено на 707 милліоновъ 327,460 ливровъ, кошорые признаны неудобокончаемыми; люди же, торговавшіе акціями, осуждены были къ заплать 187 милліоновъ 893, 661 ливръ.

Такъ какъ при Визитіи составленіи окончательныхъ бумагъ и въшорыми Членами Коммисіи дѣлались злоупотребленія ко вреду казны и пользы общественной, то Король повелѣлъ разсмотрѣть оныя особенной Коммисіи, и 14 человекъ были посажены въ Бастилію, изъ коихъ большая часть приговорены Коммисіею къ смертной казни и описанію имѣнія ихъ въ казну; но Король переимѣнилъ четвертымъ смертную казнь на пожизненное зашоченіе.

Слѣдующій анекдотъ взятъ хошя не изъ Баспильскихъ дѣлъ, но по истинѣ заслуживаетъ здѣсь имѣть мѣсто. Во время шорга акціями, на улицѣ Квинкамбоаксъ шайка Каршуша имѣла часто случай дѣлать богатыя наживы и не одна, наполненная карманная книжка попадалась имъ въ руки, и потому многіе для большей безопасности не клали уже оныхъ въ карманы, но прятали подъ жилетомъ; хищные же мошенники придумали и противъ сего средство: всѣхъ, кого они подозрѣвали въ сей предосторожности, умѣли они шагъ хорошо окру-

жишь и спѣшишь, что они подвергались опасности задохнуться; подъ предлогомъ же доставлять имъ свободное дыханіе, они въ ревностномъ своемъ усердіи рвали на нихъ кафшаны и камзолы, и весьма легко догадаться, что карманная книжка находилась тогда въ ихъ рукахъ.

Двумъ акціоннымъ торговцамъ случилось сіе несчастіе въ одинъ день. Одинъ поперялъ книжку съ бумажками на 100,000 талеровъ, а другой на 15,000 ливровъ, у коего все имѣніе состояло въ оныхъ. Когда сей пришелъ въ себя и не сомнѣвался болѣе въ потерѣ своей, то смотрѣлъ печально на сосѣдей, и примѣтилъ одного, коего наружность ему была весьма подозрительна. Не сомнѣваясь ни минуты, чтобы то не былъ воръ его, онъ хватаетъ его за грудь и пребуешь ошь него карманной своей книжки; мошенникъ, пошому что онъ почно былъ одинъ изъ нихъ, испугался, и чтобы захватить рошъ буйношю своему прошивнику, поспѣшно отдаетъ ему обѣ книжки; бѣдный обокраденный принялъ ихъ весьма радостно, и, опасаясь новаго плутовства, спѣшилъ удалиться изъ сей опасной улицы въ свою комнату; но какъ велико было его удивленіе, когда онъ открылъ чужой Поршфель и нашелъ въ ономъ векселей на 100,000 талеровъ.

Сначала пробѣжалъ онъ сей кладъ, съ радостнымъ удивленіемъ и нашелъ, что всѣ сіи билеты и акціи не были надмѣчены и что следовательно онъ можешь, присвоивъ ихъ безъ малѣйшаго угрызения совѣсти, составить вдругъ свое щастіе; но наконецъ попался

ему въ руки адресъ, по коему онъ съ нѣкоторою вѣроятностію могъ отыскать настоящаго хозяина. Какъ честной, и благородной человекъ, онъ ни минушы не основываясь пошелъ съ адресомъ и Поршфельмъ къ хозяину, кошорому велѣлъ доложить о себѣ; на что ему отвѣчали, что онъ не можешь говорить съ нимъ теперь, потому что при смерти больной; но онъ такъ настойчиво пребывалъ сего, что жена больного, по уведомленіи ея мужа о томъ, ввела его въ комнату къ нему, гдѣ сей лежалъ почти безъ всякой надежды.

„Прощу извинить, Государь мой, „началъ посѣщитель“ не дошеради ли вы сего дня Поршфель, и, можетъ быть, не узнаете ли вы его?“ Ахъ, точно такъ, Государь мой, точно такъ, всричалъ больной, кошорому сіе извѣстіе, казалось, придавало новыя силы.

„Вотъ здѣсь одинъ“ продолжалъ первый, показывая ему свой „не вашъ ли онъ?“ О нѣтъ! это не онъ. — „Или это?“ Да это онъ, это мой Поршфель, въ нежъ заключается все мое ивѣніе; но какии чудомъ? — Такъ какъ это ваша собственность, то и принадлежитъ вамъ по праву; а я почишаю себя весьма щастливымъ, что могу возвращить вамъ благосостояніе и здоровье ваше. Больной просилъ разсказать какии образомъ Поршфель его попался въ руки такого честнаго человека, и употреблялъ все свое краснорѣчіе къ убѣжденію честнаго находчика, чтобы онъ взялъ въ награжденіе рѣдкаго своего великодушнаго покрайней мѣрѣ прѣшью часть найденнаго; но едва могъ уговорить его принять небольшія карманныя часы, кошорыя висѣли у его посѣтеля.

К О Н Е Ц Ъ .